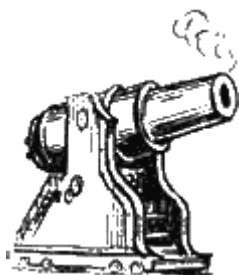

Андре Лори, Жюль Верн Пятьсот миллионов Бегумы

Глава первая Мы знакомимся с мистером Шарпом

– А хорошо работают английские газеты! – воскликнул доктор, откидываясь на спинку глубокого кожаного кресла.

У доктора вошло в привычку разговаривать с самим собой, – это было для него своего рода отдыхом.

Доктору Саразену минуло пятьдесят лет. Его ясные живые глаза на тонко очерченном лице серьезно и в то же время приветливо смотрели из-за очков в стальной оправе. Всякому, увидавшему это лицо, невольно хотелось сказать: какой хороший человек!

Несмотря на ранний час, доктор уже был во фраке с белым галстуком, и щеки его были гладко выбриты.

В комнате, где он сидел, в большом номере гостиницы в Брайтоне, всюду были разбросаны газеты: «Таймс», «Дейли телеграф», «Дейли ньюс» лежали на столе, на креслах и даже на полу, на ковре. Часы только что пробили десять, а доктор уже успел осмотреть город, побывать в больнице и, возвратившись к себе в номер, прочесть в нескольких крупных лондонских газетах подробный отчет о своем докладе, с которым он два дня тому назад выступал на международном гигиеническом конгрессе. Темой этого доклада было его изобретение – счетчик кровяных шариков.

Перед доктором на подносе, покрытом белой салфеткой, дымилась чашка горячего чая, а рядом на тарелке лежала только что снятая со сковородки котлетка и поджаренные гренки, которые с таким искусством готовят английскиестряпухи из специальных маленьких хлебцев, выпекаемых английскими булочниками.

– Да, – повторил доктор Саразен, – газеты Великобритании работают превосходно, ничего не скажешь. Речь вице-президента, ответ доктора Чиконья из Неаполя, изложение моего доклада – все схвачено на лету, прямо-таки сфотографировано. Вот оно: «Слово предоставляется доктору Саразену из Дуэ. Уважаемый член конгресса делает свой доклад на французском языке. Прежде чем приступить к докладу, он обращается к аудитории со следующими словами: „Прошу извинения у моих слушателей за то, что я разрешаю себе эту вольность, но вам, вне всяких сомнений, будет легче понять мой язык, чем мне изъясняться по-английски...“ И дальше пять столбцов петитом – изложение моего доклада. Трудно сказать, какой отчет лучше: „Таймса“ или „Дейли телеграф“. Точность и четкость удивительные!

В то время как доктор предавался этим размышлениям, в дверь постучали, и на пороге появился старший коридорный, который в своем безупречном черном фраке выглядел по меньшей мере церемониймейстером. Он осведомился, можно ли видеть «монсью», и подал ему визитную карточку. Англичане полагают своим долгом величать французов «монсью», так же как у них считается правилом вежливости называть всякого итальянца «синьор», а немца «герр». Возможно, они и правы, так как эта условность имеет одно несомненное преимущество: сразу определяет национальность данного лица.

Доктор Саразен, крайне удивлённый, что в этом городе, где у него не было ни одной знакомой души, кто-то явился к нему с визитом, взял с подноса визитную карточку и с ещё большим удивлением прочёл следующее:

***Мистер Шарп – стряпчий.
93, Саутгемптон-роу, Лондон.***

Он знал, что стряпчий соответствует французскому «поверенному», или, вернее, профессиональному законнику смешанного типа, представляющему собой нечто среднее между поверенным, нотариусом и адвокатом.

«Какого черта надо от меня этому господину Шарпу? – подумал доктор Саразен. – Может, я, сам того не зная, уже впутался в какое-нибудь грязное дело?»

– Вы уверены, что это ко мне? – спросил он.

– О да, монсью, несомненно.

– Ну что ж, просите.

Церемониймейстер распахнул дверь и пропустил в комнату весьма странного субъекта, которого доктор с первого взгляда мысленно окрестил «мёртвой головой». Это был ещё не старый человек с маленькими серыми, пронизывающими насквозь глазками, с тонкими, словно высохшими губами, которые, раздвигаясь, обнажали ряд длинных белых зубов; впалые щеки, обтянутые пергаментной кожей, и землисто-серый цвет лица придавали ему сходство с египетской мумией, и все вместе взятое как нельзя более соответствовало определению доктора. Его тощая фигура с головы до пят исчезала под широким клетчатым, похожим на балахон пальто. В руке он держал дорожный саквояж из лакированной кожи.

Войдя в комнату, он быстро поклонился, поставил на пол свой саквояж и цилиндр и, усевшись без приглашения, отрекомендовался.

– Уильям-Генри Шарп младший, компаньон фирмы «Биллоус, Грин, Шарп и К°». Я имею честь видеть доктора Саразена?

– Да, сударь.

– Франсуа Саразен, не так ли?

– Вот именно.

– Из Дуэ?

– Да, я живу в Дуэ.

– Отца вашего звали Исидор Саразен?

– Совершенно верно.

– Итак, его звали Исидор Саразен...

Мистер Шарп вынул из кармана записную книжку, заглянул в неё и продолжал:

– Исидор Саразен умер в тысяча восемьсот пятьдесят седьмом году в Париже на улице Таран шестого округа, в доме пятьдесят четыре, в здании, где помещалась школа, которое ныне снесено.

– Все это так, – сказал доктор, все более удивляясь, – но не объясните ли вы мне...

– Мать его была Жюли Ланжеволь, – невозмутимо продолжал Шарп, – родом из Бар-ле-Дюк, дочь Бенедикта Ланжеволь, проживавшего в тупике Лориоль и, как значится по книге гражданских актов вышеупомянутого городка, скончавшегося в тысяча восемьсот двенадцатом году. Эти книги записей – в высшей степени драгоценное установление, мосье, поистине драгоценное. Гм... гм... у Жюли Ланжеволь был брат Жан-Жак Ланжеволь, тамбурмажор тридцать шестого артиллерийского полка.

– Признаюсь вам, – перебил доктор Саразен, изумлённый глубоким знанием его генеалогии, – вы, по-видимому, лучше меня осведомлены обо всех этих подробностях. Действительно, фамилия моей бабушки была Ланжеволь, но это всё, что я о ней знаю.

– В тысяча восемьсот седьмом году она покинула город Бар-ле-Дюк с вашим дедом Жаном Саразеном, с которым она в тысяча семьсот девяносто девятом году вступила в брак. Они обосновались в городе Мелоне и открыли там скобяную торговлю. Здесь они жили до тысяча восемьсот одиннадцатого года, года смерти Жюли Ланжеволь, по мужу Саразен. От их брака был всего один ребёнок – Исидор Саразен, ваш отец. Здесь генеалогическая нить прерывается, и у нас имеется только дата смерти вашего отца. Эту дату нам удалось установить в Париже.

– Я могу помочь вам связать концы, – сказал доктор, невольно воодушевляясь этой поистине математической точностью. – Мой дед поселился в Париже, чтобы дать образование своему сыну, избравшему себе профессию врача. Он умер в тысяча восемьсот тридцать втором году, в городке Палезо, близ Версаля, где практиковал мой отец и где я сам появился на свет в тысяча восемьсот двадцать втором году.

– Вот вас-то я и ищу! – воскликнул мистер Шарп. – У вас нет ни братьев, ни сестёр?

– Нет, я был единственным ребёнком, и моя мать умерла, когда мне было всего два года. Но разрешите узнать, сударь...

Мистер Шарп торжественно поднялся со своего кресла.

– Сэр Бриа Иовагир, баронет¹ Мотороната, – сказал он, произнося это имя с тем уважением, какое чувствуют англичане ко всякому титулу, – я счастлив, что разыскал вас и что я первый могу засвидетельствовать вам моё почтение.

«По-видимому, это какой-то сумасшедший, – подумал доктор. – Явление, весьма распространённое среди таких экземпляров типа „мёртвой головы“.

Поверенный прочёл этот диагноз в глазах своего собеседника.

– Я отнюдь не сумасшедший, – спокойно ответил он. – Разрешите сообщить вам, что вы в настоящее время являетесь единственным бесспорным наследником титула баронета, пожалованного по представлению генерал-губернатора Бенгальской провинции Жан-Жаку Ланжеволу, принявшему в тысяча восемьсот девятнадцатом году английское подданство и унаследовавшему

---

¹ Баронет – английский наследственный титул.

после смерти своей жены, бегумы² Гокооль, её состояние. Ваш дед умер в тысяча восемьсот сорок первом году, оставив после себя только одного сына, который, будучи слабоумным от рождения, был признан неправомерным и умер в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году, не оставив ни потомства, ни завещания. Тридцать лет тому назад наследство вашего деда оценивалось примерно в пять миллионов фунтов стерлингов. Оно находилось под секвестром и опекой ещё при жизни слабоумного сына Жан-Жака Ланжеволя. В тысяча восемьсот семидесятом году наследство это вместе с наращёнными процентами достигло пятисот двадцати пяти миллионов франков. По постановлению Королевского британского суда в Агре, утверждённому палатой в Дели и введённому в действие Тайным советом³, движимое и недвижимое имущество было продано, драгоценности обращены в деньги и весь капитал передан на хранение в Английский банк. В настоящее время этот капитал равняется пятистам двадцати семи миллионам франков, которые вы можете получить по обыкновенному чеку, после того как представите в канцелярский суд данные о вашей родословной. Для этого я предлагаю вам свою юридическую помощь и рекомендацию к банкирской конторе «Троллоп, Смит и К^о», которая ссудит вас в счёт вашего наследства любой суммой.

Ошеломлённый доктор Саразен несколько секунд не мог выговорить ни слова, но, наконец, критическая жилка в нём взяла верх, и рассудок его запротестовал против этой сказки из «Тысячи и одной ночи», которую ему подносили в качестве непреложного факта.

– Но позвольте, сударь... Какие доказательства вы можете привести в подтверждение рассказанной вами истории и каким образом вы напали на мой след?

– Доказательства при мне, – ответил мистер Шарп, похлопывая по своему саквою. – Что же касается того, как я напал на ваш след, – в этом нет ничего удивительного. Вот уже пять лет, как я вас разыскиваю. Отыскивать наследников, или, как говорится в нашем английском законодательстве, ближайших родственников, для введения их в права наследования, в тех случаях, когда наследство отходит в казну, – это специальность нашей фирмы. Наследством бегумы Гокооль мы занимаемся уже пять лет. Где мы только не вели розысков! Сотни семей Саразен изучены нами со всей тщательностью, но среди них нет ни одной, связанной с Исидором Саразеном. Я уже было пришёл к убеждению, что во Франции нет больше ни одного Саразена, и вдруг вчера утром, просматривая в «Дейли ньюс» отчёт о заседании гигиенического конгресса, наткнулся на доктора Саразена, который каким-то образом выпал из моего поля зрения. Перерыв все свои заметки и карточки, заведённые нами по делу об этом наследстве, я с удивлением обнаружил, что город Дуэ ускользнул от нашего внимания. Чувствуя, что я наконец напал на верный след, я в тот же день отправился в Брайтон и увидел вас, когда вы выходили из залы заседаний конгресса; тут уж я убедился окончательно. Вы живая копия вашего деда Ланжеволя, если судить по снимку с портрета, принадлежащего кисти индийского художника Саранони. Вот он – посмотрите.

Мистер Шарп вынул из записной книжки фотографическую карточку и передал её доктору. Фотография изображала рослого мужчину, с роскошной бородой, в тюрбане с бриллиантовой эгреткой⁴, в парчовой мантии, расшитой зелёным шёлком, и в той специфической позе, в какой на старинных портретах принято изображать генералов: он подписывает приказ о наступлении и смотрит прямо перед собой. На заднем плане в дыму сражения мчится в атаку конница.

– Вот эти бумажки лучше меня расскажут вам всю историю, – сказал мистер Шарп, вытаскивая из недр своего саквояжа несколько папок и связки бумаг, частью печатных, частью написанных от руки. – Я вам оставляю их и, если позволите, вернусь через два часа.

С этими словами мистер Шарп положил бумаги на стол и, пятясь задом, направился к две-

---

² **Бегума** – один из титулов индийских владетельных княгинь.

³ **Тайный совет** – юридически высшее в Англии правительственное учреждение, так как совет министров является лишь органом Тайного совета. Практически никогда не собирается. Члены Тайного совета, куда входят настоящие и бывшие министры, носят титул «достопочтенный».

⁴ **Эгретка** (или эгрет) – вертикально поставленное перо или пучок перьев, украшающих головной убор. Драгоценный камень в эгретке – признак богатства или знатности.

ри, низко кланяясь и бормоча на ходу:

– Честь имею откланяться, сэр Бриа Иовагир Мотороната.

Наполовину убеждённый, но вместе с тем с некоторым скептическим недоумением, доктор Саразен взял лежавшую сверху папку и начал просматривать документы. Достаточно было беглого взгляда, чтобы его сомнения рассеялись, ибо вся эта невероятная история подтверждалась от слова до слова. Да и как было сомневаться, имея перед глазами хотя бы следующий документ:

«На рассмотрение досточтимым лордам Тайного совета представлено по делу о наследстве, оставшемся после бегумы Гокооль из Раджинара, провинция Бенгали, пятого января тысяча восемьсот семидесятого года. Краткое содержание дела. Касательно наследства, оставшегося после смерти бегумы Гокооль из Раджинара и заключающегося в сорока трех тысячах акров⁵ пахотной земли, угодьях, селениях и различных постройках, как-то: дворцах, службах и прочее, а также в движимом имуществе, как-то: драгоценностях, домашней утвари, оружии, и проч. и проч. Из отношений, представленных последовательно в гражданский суд в городе Агра и в верховный суд в Дели, явствует, что в тысяча восемьсот девятнадцатом году бегума Гокооль, вдова раджи Лукмиссура, наследовавшая после его смерти значительное состояние, вторично вступила в брак с иностранцем Жан-Жаком Ланжеволом, французом по происхождению. Сей последний до тысяча восемьсот пятнадцатого года служил во французской армии тамбурмажором, в чине унтер-офицера тридцать шестого артиллерийского полка, а по расформировании Луарской армии поступил в Нанте на коммерческое судно в качестве судового клерка.

Прибыв в Калькутту, он направился в глубь страны и занял должность офицера-инструктора в маленькой армии, оставленной радже Лукмиссуру. Быстро продвигаясь по службе, он вскоре был назначен командующим этой армией, а спустя некоторое время после смерти раджи сочетался браком с его вдовой. В связи с некоторыми соображениями колониальной политики и принимая во внимание значительные услуги, оказанные в критический момент Жан-Жаком Ланжеволом европейцам, живущим в Агре, генерал-губернатор Бенгальской провинции ходатайствовал о предоставлении мужу бегумы, перешедшему в британское подданство, титула баронета. Владения её, таким образом, были обращены в майорат⁶. В тысяча восемьсот тридцать девятом году бегума умерла, оставив всё своё состояние мужу, который пережил её всего на два года. От их брака остался один сын, слабоумный от рождения. После смерти родителей он был отдан под опеку, из-под которой не выходил до самой смерти, последовавшей в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году. Наследников оставшегося громадного состояния не объявилось, в силу чего гражданский суд в Агре и верховный суд в Дели, по ходатайству местных властей, постановили продать вышеозначенное имущество с аукциона. Настоящим имеем честь ходатайствовать перед лордами Тайного совета об утверждении решений обоих судов и проч. и проч.». Следуют подписи.

Копии, удостоверенные судом в Агре и Дели, акты продажи, приказы о помещении капитала в Английский банк, свидетельства о розыске наследников Ланжеволя во Франции и целая кипа подлинных официальных документов рассеяли последние сомнения доктора Саразена. Он был поистине «ближайшим родственником», единственным и неоспоримым наследником бегумы. Достаточно выполнить кое-какие формальности, представить метрическое свидетельство и выписку о смерти родителей, и миллионы, покоящиеся в подвалах Английского банка, перейдут в его руки.

Столь неожиданно свалившееся богатство могло нарушить душевное равновесие самого хладнокровного человека, и доктор невольно поддался охватившему его волнению. Но оно продолжалось недолго и выразилось только в том, что доктор в течение нескольких минут быстро шагал взад и вперёд по комнате. Однако вскоре он овладел собой и, упрекнув себя за минутную слабость, уселся в кресло и погрузился в глубокое раздумье. Внезапно он вскочил и снова заша-

---

⁵ **Акр** – земельная мера в Англии и Америке, равная 4047 кв. м.

⁶ **Майорат** – феодальная система наследования, при которой земельное владение со всем имуществом переходит безраздельно к старшему сыну или к старшему в роде.

гал по комнате, но теперь глаза его радостно сияли. Казалось, его осенила какая-то благородная идея и он, воодушевившись, обдумывает, как лучше осуществить её, и, наконец, с удовлетворением принимает.

В эту минуту в дверь постучали. Вернулся мистер Шарп.

– Простите мне мои сомнения, – дружески обратился к нему доктор Саразен. – Теперь я уже окончательно уверовал. Нет слов выразить вам мою благодарность, я чувствую себя безгранично обязанным вам за все ваши хлопоты.

– Ну что вы... Самое обыкновенное дело... Ведь это моё ремесло, – ответил мистер Шарп. – Могу ли я надеяться, что сэр Бриа разрешит мне считать его моим клиентом?

– Само собой разумеется. Я все передаю в ваши руки. У меня к вам только одна просьба: не величайте меня, пожалуйста, этим нелепым титулом.

«Нелепым! Титул, который приносит вам двадцать один миллион фунтов стерлингов!» – как бы говорила физиономия мистера Шарпа. Но он был достаточно тонкий дипломат и с полной готовностью ответил:

– Как вам будет угодно. Вы хозяин – я ваш слуга. С вашего разрешения, я теперь немедленно вернусь в Лондон и там буду ждать ваших распоряжений.

– Могу я оставить у себя эти бумаги? – спросил доктор Саразен.

– О, конечно! У нас есть копии.

После ухода мистера Шарпа доктор уселся за письменный стол и, положив перед собой лист почтовой бумаги, принялся писать:

«Брайтон

28 октября 1871 года

Дорогой мой мальчик! На нас свалилось богатство, огромное, чудовищное, невероятное! Не думай, что я сошёл с ума, и прочти эти документы, которые я прилагаю к письму. Из них ты увидишь, что я унаследовал титул английского или, вернее, индийского баронета и состояние свыше полумиллиарда франков, хранящееся в настоящее время в Английском банке. Я заранее знаю, мой милый Октав, с каким чувством ты примешь это известие. Ты так же, как и я, поймёшь, какие серьёзные обязанности возлагает на нас такое богатство и какими опасностями угрожает оно нашему здравому смыслу. Я узнал об этом всего час тому назад, и вот уже мысль о той огромной ответственности, какая легла на нас, наполовину заглушает радость, которую я испытал в первое мгновение, думая о тебе. Не будет ли эта перемена в нашей судьбе роковой для нас обоих? Скромные труженики науки, мы были так счастливы в нашей безвестности. Будем ли мы так же счастливы и впредь? Возможно, что и нет, если только... Я даже не решаюсь поделиться с тобой мыслью, которая у меня сейчас возникла, но мне кажется, мы только тогда сможем быть счастливы, если сумеем обратить это богатство в новый могущественный двигатель науки, в мощное орудие цивилизации... Но мы ещё поговорим об этом. Напиши мне скорее, какое впечатление произвела на тебя эта великая новость, и сообщи её маме. Я уверен, что она, как женщина рассудительная, отнесётся к этому спокойно. Что же касается твоей сестрёнки, то она ещё слишком молода, и можно не опасаться, что у неё от такого известия закружится голова... К тому же у неё такая трезвая головка, что, если она даже и вполне поймёт, что означает это событие, её меньше всех нас смутит такая перемена в нашей судьбе. Крепко жму руку Марселю. В моих планах на будущее он занимает особое место.

Любящий тебя отец

Ф. Саразен».

Доктор закончил письмо, вложил его вместе с несколько наиболее убедительными документами в конверт и надписал адрес: «Господину Октаву Саразену, студенту Центральной школы прикладных искусств, дом номер тридцать два, улица Руа-де-Сесиль. Париж», затем надел

шляпу, пальто и отправился на заседание конгресса. Четверть часа спустя этот скромный человек забыл и думать о своих миллионах.

Глава вторая Прятели

Октава Саразена, сына доктора, нельзя было назвать совершенным лентяем. Он был не то чтобы глуп, но и не особенно умён; не отличался ни красотой, ни уродством. Ростом не велик, не мал, нечто среднее между блондином и брюнетом, Октав был, что называется, самым заурядным молодым человеком.

В школе он всегда получал вторые награды, иногда похвальный лист, а в его бакалаврском дипломе было отмечено: «удовлетворительно». В Центральную школу он первый раз не прошёл по конкурсу, а во второй раз попал сто двадцать седьмым. Словом, Октав Саразен принадлежал к числу тех легковесных молодых людей, которые, не углубляясь ни во что, не обладают никакими серьёзными знаниями, обо всём судят приблизительно и скользят по жизни, как лунный свет по поверхности земли.

Такие люди в руках судьбы подобны поплавку на гребне морской волны. Подует ветер с севера – его потянет к экватору, подует с юга – он поплывёт к полюсу. Будущность, карьера таких людей зависят от случая. Если бы доктор Саразен не пребывал в счастливом заблуждении относительно характера своего сына, он призадумался бы, прежде чем написать ему такое письмо, но родительскому ослеплению подвержены и самые умные люди...

К счастью для Октава, он, ещё будучи в школе, подпал под влияние своего товарища, натуры энергичной, несколько властной, но чьё воздействие на него было, несомненно, благотворным.

В лицее Шарлемань, куда доктор Саразен поместил сына после подготовительной школы, Октав подружился с одним из своих одноклассников, эльзасцем, по имени Марсель Брукман, который, будучи моложе его на год, превосходил Октава не только физической силой, но и умственными способностями и твёрдостью характера, благодаря чему сумел подчинить его себе. Оставшись сиротой двенадцати лет, Марсель получил небольшое наследство, доходы с которого целиком уходили на его учение. Если бы не Октав, который каждый год брал его к себе домой на каникулы, Марсель был бы обречён на безвыходное сидение в стенах лицея. Семья доктора Саразена стала для юного эльзасца как бы родной семьёй. Пылкий по натуре, при всей своей кажущейся холодности юноша горячо привязался к этим добрым людям, заменившим ему отца и мать. Он обожал доктора, его жену и их маленькую, но уже серьёзную дочурку. Чувства свои Марсель выражал поступками, а не словами. Он с удовольствием занимался с Жанной, которая с раннего возраста обнаруживала любовь к знанию и обещала стать умной, здравомыслящей девушкой; и в то же время он поставил себе задачей сделать и Октава достойным своего отца. Сказать правду, эта задача оказалась значительно трудней, так как Октав отнюдь не обладал ценными качествами своей сестры, однако Марсель дал себе слово достигнуть цели.

Это был решительный и настойчивый юноша, один из тех смелых и упорных борцов, которыми Эльзас пополняет из года в год славные парижские ряды тружеников науки. Ещё ребёнком он отличался выносливостью, физической силой и живостью ума. Натура волевая, мужественная, он и внешне производил впечатление человека энергичного и стойкого. В школе он стремился достичь совершенства во всем, что входило в круг его занятий, будь то игры, состязания, гимнастика или лабораторные опыты. Если он в конце года не получал первой награды, он считал этот год потерянным. В двадцать лет это был рослый, вполне сложившийся юноша с прекрасной мускулатурой, с неутомимой энергией и твёрдой волей. Поистине совершенный механизм сложного органического устройства, с максимумом напряжения и отдачи. Люди наблюдательные невольно останавливали взгляд на этом задумчивом, выразительном лице.

В Центральную школу, куда он держал экзамены вместе с Октавом, он прошёл вторым по конкурсу, но твёрдо решил окончить её первым. Октав смог выдержать вступительные экзамены только благодаря исключительной настойчивости и рвению своего друга. В течение целого года

Марсель заставлял Октава работать, заражая его своей энергией, которой хватало да двоих. Он относился к этой слабой, нерешительной натуре с какой-то покровительственной жалостью; такое чувство мог бы испытывать лев к беспомощному щенку. Ему доставляло удовольствие поддерживать избытком своей силы это хилое растение и видеть, как оно развивается и приносит плоды.

Война тысяча восемьсот семидесятого года⁷ застигла наших друзей во время экзаменов. На другой же день после того как последний экзамен был сдан, Марсель, исполненный патриотических чувств, которые не позволяли ему оставаться в стороне в то время, как над Страсбургом и Эльзасом нависла тяжёлая угроза, записался волонтёром в тридцать первый стрелковый полк. Октав тотчас же последовал его примеру. Плечо к плечу сражались они на аванпостах Парижа в суровые дни осады. Под Шампиньи Марсель был ранен в правую руку, а за битву под Бузенвалем получил нашивку. Октав не получил ни раны, ни нашивки. Так уж это вышло само собой. Он всегда следовал за своим другом в атаку и отставал от него только на каких-нибудь пять-шесть метров, но... эти-то шесть метров решали все.

После заключения мира они вернулись к своим занятиям и поселились в двух смежных меблированных комнатах в скромном особняке, недалеко от школы. Несчастья, перенесённые Францией, и отделение Эльзаса и Лотарингии оставили в душе Марселя глубокий след и ещё больше закалили его.

– Первый долг французской молодёжи, – говорил он Октаву, – исправить ошибки своих отцов. И достичь этого она может только неустанным трудом.

Каждый день Марсель просыпался в пять часов и тотчас же поднимал Октава. Они вместе садились заниматься, затем отправлялись на лекции и в течение всего дня не расставались ни на минуту. Вернувшись из школы домой, они снова принимались за работу и отрывались от неё только, чтобы дать себе маленькую передышку – выкурить трубку или выпить чашку кофе. В десять часов, удовлетворённые сознанием полезно проведённого дня, они уже лежали в постели. Время от времени они позволяли себе скромные развлечения: партию на бильярде, изредка театр или концерт в консерватории, прогулку верхом или пешком в окрестностях Парижа и два раза в неделю урок фехтования и бокса.

Случалось, что Октав иногда восставал против этого режима и стремился к более легкомысленным развлечениям: он предлагал пойти к Аристиду Леру, который большую часть времени проводил в кабачке Сен-Мишель. Но Марсель так ядовито высмеивал его фантазии, что обычно они так и не приводились в исполнение.

Двадцать девятого октября тысяча восемьсот семьдесят первого года около семи часов вечера приятели сидели, по обыкновению, рядом за столом, освещённым лампой с зелёным абажуром. Марсель был поглощён решением задачи по начертательной геометрии, о сечениях камня. Октав тоже был поглощён занятием, правда не столь отвлечённого свойства, но зато вполне отвечающим его вкусам: он священнодействовал над приготовлением кофе; он очень гордился своим искусством варить кофе, возможно потому, что эта отрадная процедура позволяла ему ежедневно хоть на несколько минут оторваться от ненавистных уравнений, которыми Марсель, как ему казалось, слишком злоупотреблял. Медленно процеживая через густой слой душистого мокко тонкую струю кипятка, Октав от души наслаждался этим мирным занятием, но, когда взгляд его упал на склонившегося над тетрадью Марселя, он почувствовал угрызения совести и непреодолимое желание помешать товарищу, который был для него словно живым укором.

– А не мешало бы нам завести кофейник с фильтром, – неожиданно изрёк Октав, – это древнее сооружение в наш цивилизованный век годится разве что в антикварный магазин.

– Вот-вот, купи кофейник с фильтром, – поддержал Марсель, – тогда, может быть, тебе не придётся каждый вечер тратить часы на эту стряпню. Итак, – невозмутимо продолжал он, возвращаясь к своей задаче, – внутренняя, вогнутая сторона свода представляет собой трехосный

---

⁷ «Война тысяча восемьсот семидесятого года». – Речь идёт о франко-прусской войне (1870-1871), в ходе которой произошло падение Второй империи во Франции и завершилось объединение Германии под главенством Пруссии.

эллипсоид с тремя неравными осями. Пусть A, B, C, E есть исходный эллипс, которому принадлежит большая ось OA , равная a , и средняя ось OB , равная b , тогда как малая ось эллипсоида OC вертикальна и равна c , что делает свод покатым...

В эту минуту в дверь постучали.

– Письмо господину Октаву Саразену, – сказал мальчик-рассыльный.

Октав с радостью выхватил у него из рук письмо.

– Это от отца, узнаю его почерк! Ба, да тут, оказывается, целое послание! – весело тараторил он, подбрасывая на руке толстый пакет.

Марсель, разумеется, как и Октав, знал, что доктор сейчас находится в Англии. Неделю назад, остановившись проездом в Париже, доктор устроил им настоящее пиршество Сарданапала в Пале-Рояле, некогда знаменитом, но теперь уже вышедшем из моды ресторане, который он и поныне считал непревзойдённым образцом изысканного парижского вкуса.

– Ты мне прочтёшь, что он пишет о гигиеническом конгрессе, – сказал Марсель, не отрываясь от своей задачи. – Это он хорошо придумал – поехать туда. Наши французские учёные слишком уж замкнутый народ... Итак, значит, внешняя сторона свода будет образована эллипсоидом, подобным первому; центр его находится выше O' , на вертикальной прямой OO' . Наме-тив фокусы E_1, E_2, E_3 трех основных эллипсов, мы чертим вспомогательные эллипс и гиперболу, общие оси которых...

Громкий возглас, вырвавшийся у Октава, заставил Марселя поднять голову.

– Что такое? – спросил он, с беспокойством глядя на внезапно побледневшее лицо товарища.

– На, прочти, – с трудом вымолвил Октав, совершенно ошеломлённый полученным известием.

Марсель взял письмо, внимательно прочёл его с начала до конца, потом пробежал ещё раз, просмотрел приложенные документы и сказал:

– Любопытная история!

Затем он неспеша набил свою трубку и старательно начал раскуривать её. Октав с нетерпением ждал, что он ещё скажет.

– Ты думаешь, все это правда? – спросил он наконец, задыхаясь от волнения.

– Очевидно! У твоего отца слишком трезвый и критический ум, чтобы он мог бездоказательно принять подобную историю. Да и доказательства здесь налицо. В конце концов все это объясняется очень просто.

Раскурив трубку, Марсель снова погрузился в свои вычисления. Октав сидел не двигаясь, словно ослеплён: он забыл и думать о кофе, он вообще потерял способность думать, но испы-

тывал непреодолимую потребность говорить, чтобы убедиться, что он не спит и не бредит.

– Но, если это правда, так ведь это же просто умопомрачительно! Ты представляешь себе, полмиллиарда – ведь это огромное богатство!

Марсель поднял голову.

– Да, действительно огромное. Во Франции другого такого, пожалуй, и не сыщешь. Можно насчитать всего лишь несколько обладателей таких состояний в Соединённых Штатах и пять-шесть в Англии. Словом, на всем земном шаре найдётся не более пятнадцати – двадцати таких богачей.

– Да сверх всего ещё и титул, – продолжал Октав, – титул баронета! Не скажу, чтобы я когда-либо мечтал о титуле, но, раз уж так случилось, должен признаться, что это звучит гораздо приятнее, чем просто Октав Саразен.

Марсель выпустил клуб дыма из своей трубки и не произнёс ни слова, но в этом попыхивании звучало такое насмешливое «пфу-пфу», что Октав счёл нужным оправдаться:

– Конечно, мне никогда не пришло бы в голову присочинять всякие там приставки к своему имени или присваивать себе вымышленный титул, но быть законным обладателем настоящего титула, вписанного в книгу пэров Великобритании и Ирландии, это что-нибудь да значит!

Трубка Марселя продолжала выразительно попыхивать.

– Ты можешь сколько угодно возражать, – с жаром воскликнул Октав, – но как-никак дворянская кровь что-нибудь да значит... как говорят англичане!

Но тут он запнулся и, встретив насмешливый взгляд Марселя, быстро перевёл разговор с титула на миллионы.

– А ты помнишь, как наш учитель Бином столько лет подряд вдавливал нам на уроках арифметики, что полмиллиарда такое большое число, что человеческий разум не мог бы ясно его представить, если бы он не нашёл способа изображать его графически. Подумай только, если бы человек, обладающий полумиллиардом франков, тратил в минуту по франку, то ему понадобилась бы тысяча лет, чтобы истратить всю эту сумму! Нет, знаешь, как-то странно даже чувствовать себя наследником полумиллиарда франков.

– Полмиллиарда франков! – повторил Марсель, потрясённый, по-видимому, больше этой цифрой, чем самим событием. – А знаешь, как вы могли бы лучше всего распорядиться этими деньгами! Отдать их Франции на уплату контрибуции⁸. Это была бы десятая часть всего, что ей надо выплатить.

– Не вздумай только внушать это отцу! – испуганно вскричал Октав. – Он способен на такой поступок. Мне кажется, что он уже задумал что-то в этом роде... Вложить деньги в государственный заём – это ещё куда ни шло, по крайней мере хоть проценты останутся.

– Ты, по-видимому, сам того не подозревая, сущий капиталист по натуре, – сказал Марсель. – Боюсь, что для тебя, бедный мой Октав, было бы лучше, если бы это состояние оказалось не таким огромным. Я, конечно, не говорю о твоём отце, человеке здравомыслящем и трезвом, но для тебя я предпочёл бы, чтобы у вас было ну примерно тысяч двадцать пять годового дохода на двоих, пополам с сестрёнкой, а не эти чудовищные золотые горы.

Он снова принялся за работу, но Октав не в состоянии был ничего делать: он то вскакивал, то снова садился, то принимался шагать по комнате, так что Марсель наконец не выдержал:

– Ты бы лучше пошёл прогуляться. Я вижу, ты совершенно не способен заниматься сегодня.

– А правда, пожалуй, – ответил Октав, с радостью хватаясь за это предложение, которое позволяло ему увильнуть от занятий.

Надев шляпу, он сбежал с лестницы и мигом очутился на улице. Но, пройдя несколько шагов, он остановился у первого же уличного фонаря и, вынув из кармана письмо отца, снова начал его перечитывать. Ему нужно было ещё раз убедиться, что все это не сон.

---

⁸ **Контрибуция** – принудительные платежи, взимаемые государством-победителем с побеждённого государства. В результате франко-прусской войны побеждённая Франция уступила Германии Эльзас и Лотарингию и обязалась выплатить огромную контрибуцию (5 млрд. франков).

– Полмиллиарда! Полмиллиарда! – повторял он – Это значит, по меньшей мере двадцать пять миллионов годового дохода! Если отец будет давать мне хотя бы миллион в год или даже полмиллиона, ну пусть даже четверть миллиона... какое это будет счастье! Ведь с деньгами можно все сделать. А уж я-то сумею их употребить! Ведь не дурак же я на самом деле! Пройти конкурс в Центральную школу – это что-нибудь да значит! И ко всему этому у меня теперь титул баронета. Будьте покойны, я сумею носить его с достоинством...

Октав мимоходом взглянул на своё отражение в зеркальной витрине магазина.

«У меня будет собственный особняк, свои лошади. И у Марселя тоже будет лошадка! Ну, разумеется, если я буду миллионером, он будет жить так же, как я. И как хорошо, что это случилось теперь! Полмиллиарда... И титул баронета! Вот странно: теперь, когда это произошло, мне кажется, что я давно этого ждал. Точно у меня было предчувствие, что вот-вот что-то должно случиться, что я не всегда буду корпеть над книгами и чертежами. Ах, я до сих пор не могу опомниться, как во сне!»

Предаваясь этим восторженным мечтам, Октав шёл по улице Риволи. Дойдя до Елисейских Полей, он свернул на улицу Рояль и вышел на бульвар. Прежде он с полным равнодушием проходил мимо витрин, зная, что все это великолепие, выставленное в них, не имеет к нему ни малейшего отношения. Но сейчас он остановился и, как заворожённый, смотрел на сокровища, которые в любую минуту могли стать его собственностью.

«Все это моё! – мысленно говорил он себе. – Для меня голландские пряжи вертят свои веретена, для меня эльбефские ткачи выделывают свои тончайшие сукна, часовщики делают часы; для меня сияют тысячами огней люстры в Большой Опере, надрываются скрипки, поют знаменитые певицы. Это для меня жокеи объезжают чистокровных лошадей, для меня загорается ослепительным светом „Английское кафе“. Весь Париж мой! Весь мир принадлежит мне! Я отправлюсь путешествовать! Ведь должен же я посетить свои владения в Индии... А там, в Индии, захочу – куплю себе пагоду, со всеми её бонзами и идолами из слоновой кости. Заведу себе слонов! Устрою охоту на тигра! Какое оружие у меня будет! Какая шляпка! Да что шляпка! Нет, я заведу себе роскошную быстроходную яхту и отправлюсь куда захочу; буду останавливаться где вздумается. Да... кстати, насчёт путешествий... Ведь я должен сообщить эту новость матери. Не отправиться ли мне сейчас в Дуа? Гм... а как же школа? Ну что школа, о ней сейчас можно забыть. А вот Марсель... Ему надо дать знать. Пошлю-ка ему телеграмму. Он, конечно, поймёт, что мне не терпится увидеть своих».

Октав зашёл на телеграф и послал Марселю телеграмму, в которой сообщал, что уезжает в Дуэ и вернётся через два дня. Затем он кликнул фиакр и приказал везти себя на Северный вокзал. Едва очутившись в вагоне, он снова погрузился в свои волшебные мечты и промечтал всю дорогу. В два часа ночи он стоял у подъезда родительского дома и трезвонил изо всех сил, а из окон соседних домов высывались испуганные лица, и любопытные кумушки спрашивали друг друга:

– Кто же это заболел? К доктору звонят.

– Доктора нет в городе! – крикнула старая служанка, высунув голову в слуховое окошко из своего чулана на чердаке.

– Это я! Я, Октав! Откройте мне, Франсина!

Наконец, минут через десять, Октава впустили в дом. Мать и сестра Жанна, обе в капотах, выбежали ему навстречу, встревоженные этим неожиданным появлением среди ночи.

Октав вместо всяких объяснений прочёл им вслух письмо отца.

Первое мгновение г-жа Саразен словно остолбенела, а потом со слезами радости бросилась обнимать сына и дочь. Ей казалось, что отныне весь мир принадлежит им, что никакое несчастье никогда не сможет коснуться её детей, которые теперь владеют сотнями миллионов. Но женщины в отличие от мужчин быстро осваиваются с такими головокружительными переменами в своей жизни. Перечитав ещё раз письмо мужа, г-жа Саразен сказала себе, что в конце концов ему принадлежит право решить судьбу её и детей, и на этом успокоилась. Что касается тринадцатилетней Жанны, она радовалась от всей души, видя, как радуются мать и Октав, но она не могла представить себе, что может быть на свете лучше их маленького уютного домика, где жизнь её

протекала так мирно и счастливо под крылышком родителей и дни были наполнены такими интересными занятиями с учителями. Она не понимала, как это может быть, чтобы несколько паек банкнот внезапно изменили её жизнь, и, так как воображение отказывалось прийти ей на помощь, эта блестящая перспектива ничуть не волновала её.

Госпожа Саразен, выйдя замуж в очень молодом возрасте за человека, всецело отдавшегося науке, с благоговением относилась к занятиям мужа, которого она нежно любила, хотя и не совсем понимала его увлечения. Чуждая тех радостей, которые доктор Саразен черпал в своей работе, она иногда чувствовала себя несколько одинокой рядом с этим тружеником науки и весь свой избыток нежности, все свои надежды перенесла на детей. Она любила мечтать о том, какая у них будет роскошная, счастливая жизнь. Она не сомневалась, что Октава ждёт блестящая будущность. Когда Октав поступил в Центральную школу, это скромное учебное заведение, выпускавшее молодых инженеров, преобразилось в её глазах в некий питомник знаменитостей. Единственно, что иной раз омрачало её радужные мечты, был недостаток средств – препятствие, которое могло помешать головокружительной карьере сына, так же как и счастьем её дочери Жанны. Письмо мужа рассеяло все её опасения – теперь ей уже нечего было бояться, её материнское сердце было спокойно.

Мать с сыном сидели и разговаривали чуть ли не до самого рассвета; каких только планов они не строили на будущее, а маленькая Жанна, вполне довольная своим настоящим, совсем не думала о будущем и так и заснула, сидя в кресле.

Наконец, когда они уже собирались идти спать, г-жа Саразен спросила сына:

– Что же ты мне ничего не говоришь о Марселе? Разве ты не показал ему письмо отца? Что он об этом думает?

– Ну разве ты не знаешь Марселя, – ответил Октав. – Ведь это сущий мудрец, да что там, настоящий стоик. Он, знаешь, испугался за нас... не за отца, конечно, за него, как он сказал, при его здравомыслии учёного нечего опасаться, – но что касается нас, тебя, Жанны и в особенности меня, он говорит, что его пугает это огромное богатство, что он предпочёл бы для нас нечто более скромное – тысяч двадцать пять годового дохода.

– И может быть, он прав, – ответила мать, задумчиво глядя на сына. – Есть такие натуры, для которых неожиданное богатство может оказаться гибельным.

При этих словах Жанна проснулась.

– Ты помнишь, мама, – сказала она, поднимаясь и протирая глаза, – помнишь, как ты мне однажды сказала, что Марсель никогда не ошибается? Я верю всему, что говорит Марсель.

И, поцеловав мать, Жанна вышла из комнаты.

Глава третья

Хроника происшествий

Когда доктор Саразен явился на четвёртое заседание гигиенического конгресса, он обнаружил, что все его коллеги проявляют по отношению к нему исключительное внимание. До сих пор его светлость лорд Глендовер, кавалер ордена Подвязки и почётный президент собрания, едва достаивал замечать присутствие скромного французского врача.

Этот лорд был весьма важной персоной, и его участие в конгрессе заключалось в том, что он объявлял об открытии и закрытии заседания и предоставлял слово ораторам по списку, лежавшему перед ним на столе. Он сидел всегда в одной и той же позе, заложив правую руку за борт сюртука, не потому, что он когда-то повредил себе руку, упав с лошади, а потому, что эта неудобная поза была увековечена английскими скульпторами в бронзовых памятниках английских государственных деятелей.

Мучнисто-белое, гладко выбритое лицо, покрытое красными пятнами, замысловатый парик с высоко взбитыми локонами над узким лбом, явно свидетельствующим о полном отсутствии мыслей, вполне гармонировали с этой надутой, чопорной фигурой, неподвижно застывшей в нелепой, натянутой позе. Когда необходимость заставляла лорда Глендовера повернуться, он поворачивался всем корпусом сразу, точно деревянный манекен. И даже глаза у него двигались в

орбитах не так, как у людей, а точно у куклы, рывками.

На первом заседании конгресса, когда доктор Саразен подошёл представиться президенту, лорд Глендовер в ответ на его приветствие ограничился снисходительно-покровительственным кивком, который можно было бы расшифровать так:

«Здравствуйте, маленький человечек! Это вы, кажется, добывая себе средства к существованию, возитесь с какими-то жалкими машинками? Надо обладать моим острым зрением, чтобы разглядеть так далеко от меня, где-то там внизу, столь незаметного человека. Ну что ж, разрешаю вам приютиться под сенью моего величия».

Но на этот раз лорд Глендовер встретил доктора Саразена приветливой улыбкой и простёр свою любезность до того, что указал ему на пустое кресло возле себя. Все остальные члены конгресса почтительно поднялись со своих мест.

Чрезвычайно удивлённый этим знаком исключительного и лестного внимания к своей особе, доктор Саразен решил, что, по-видимому, его счётчик кровавых шариков, после того как с ним ознакомились ближе, признан более ценным изобретением, чем это показалось сначала.

Но это самообольщение длилось недолго. Едва только он сел на предложенное ему место, как лорд Глендовер круто повернулся всем корпусом, что вполне могло привести к вывиху позвоночника у его светлости, наклонился к доктору и шепнул ему на ухо:

– Я слышал, вы получили громадное наследство? Говорят, вы теперь «стоите» двадцать один миллион фунтов стерлингов. Правда это?

Лорд Глендовер был, по-видимому, страшно огорчён, что он легкомысленно просчитался в своём обращении с человеком, представлявшим собой такую громадную ценность. Вся его поза, казалось, говорила: «Почему же вы нас не предупредили? Ну, знаете, откровенно говоря, это нехорошо. Ввести человека в такое заблуждение!»

Доктор Саразен, который, по совести говоря, отнюдь не считал, что «ценность» его со времени прошлого заседания увеличилась хотя бы на одно су, только удивился, каким образом известие о его богатстве успело так быстро распространиться. Но в это время доктор Овидиус из Берлина, его сосед справа, повернулся к нему с приторно-сладкой улыбкой и сказал:

– Говорят, вы теперь не уступите самому Ротшильду! Разрешите вас поздравить, дорогой коллега. Я прочёл об этом в «Дейли телеграф».

И он протянул доктору утренний выпуск газеты. Там, в отделе «Хроника происшествий», красовалась следующая заметка, автора которой нетрудно было узнать по стилю:

«Колоссальное наследство. Многолетние поиски законных наследников огромного состояния бегумы Гокооль стараниями многоопытных поверенных конторы „Биллоус, Грин и Шарп“ (93, Саутгемптон-роу, Лондон) наконец увенчались успехом. Счастливым обладателем двадцати одного миллиона фунтов стерлингов, находящихся ныне на хранении в Английском банке, является французский учёный доктор Саразен, чей прекрасный доклад на гигиеническом конгрессе в Брайтоне был помещён на страницах нашей газеты всего три дня тому назад.

Долгие, терпеливые поиски и усилия, сопряжённые со всевозможными препятствиями и злключениями, описанию которых можно было бы посвятить целую книгу, позволили наконец мистеру Шарпу установить, что доктор Саразен является прямым потомком баронета Жан-Жака Ланжеволя, супруга бегумы Гокооль во втором браке. Этот доблестный солдат, отличившийся на военной службе, был уроженцем маленького французского городка Бар-ле-Дюк.

В настоящее время для введения в права наследника осталось выполнить лишь некоторые формальности. Необходимые бумаги уже представлены на утверждение в канцлерский суд⁹. Столь удивительное стечение обстоятельств приносит в дар французскому учёному британский титул и несметное богатство, собранное многими поколениями индийских раджей. Однако судьба могла оказаться менее разборчивой, и мы можем только порадоваться, что это колоссальное состояние попало в руки человека, который сумеет распорядиться им достойным образом».

Доктор Саразен читал заметку со странным чувством досады. Ему была неприятна быстрая огласка этого события. Хорошо зная человеческую природу, он предвидел, что ему будут без

---

⁹ Канцлерский суд – высший суд Англии.

конца надоедать, а главным образом он испытывал глубокое унижение от того, что люди придавали этому такое значение.

Доктору казалось, что его личное достоинство умаляется огромной цифрой состояния. Его труды и личные заслуги уже потонули в этом море золота даже в глазах его учёных собратьев. Они уже не ценили в нём неутомимого исследователя, тонкого, проницательного учёного, талантливое изобретателя, они ценили в нём только обладателя полумиллиарда. Будь он прирождённым кретином, или совершенно невежественным готтентотом, или даже сущим ничтожеством, ценность его была бы та же. Как выразился лорд Глендовер, он теперь «стоит» двадцать один миллион фунтов стерлингов, ни больше, ни меньше. Его охватило чувство отвращения, и члены конгресса, которые с чисто научным интересом разглядывали сидящего среди них «полумиллиардера», не без удивления констатировали, что физиономия представителя этой породы выражает непонятное огорчение.

Но доктор заставил себя подавить эту минутную слабость. Он вспомнил о той великой цели, которой решил посвятить своё нежданное богатство, и лицо его прояснилось. Во время перерыва, наступившего после доклада доктора Стивенсона из Глазго о воспитании малолетних кретинов, он встал и попросил слово для важного сообщения.

Лорд Глендовер сейчас же предоставил ему слово, хотя на очереди было выступление доктора Овидиуса. Он предоставил бы ему слово, даже если бы весь конгресс, учёные мужи всей Европы выразили бы единогласный протест против такого явного попустительства. И лорд Глендовер ясно дал почувствовать это своим тоном.

– Господа, – сказал доктор Саразен, – я хотел подождать несколько дней, прежде чем сообщить вам об этом удивительном событии, происшедшем в моей жизни, и о благоприятных перспективах, которые оно открывает для науки. Но, поскольку событие это приобрело гласность, с моей стороны было бы явным позёрством умалчивать о нем... Итак, господа, я действительно оказался законным наследником громадного капитала, находящегося на хранении в Английском банке. Но нужно ли мне говорить вам, что я в данном случае являюсь не чем иным, как душеприказчиком науки! (Сенсация в зале.) Этот капитал принадлежит не мне – он принадлежит человечеству, прогрессу. (Движение в зале. Одобрительные возгласы. Дружные аплодисменты. Весь зал встаёт, взволнованный этими словами.) Не аплодируйте мне, господа. Я твёрдо убеждён, что каждый честный труженик науки, поистине достойный этого прекрасного имени, сделал бы на моем месте то же самое. Возможно, кое у кого явится подозрение, что мной в данном случае руководит не столько преданность науке, сколько свойственное всем людям тщеславие. (Возгласы в публике: «Нет! Нет!») Ну что же, в конце концов ведь нам важны результаты. Итак, я заявляю твёрдо и безоговорочно: полмиллиарда, столь неожиданно оказавшиеся в моих руках, принадлежат не мне. Они принадлежат науке. А вам я предлагаю стать тем парламентом, который возьмёт на себя распределить эти средства. Я не считаю себя достаточно компетентным, чтобы самому распоряжаться таким капиталом. Я предлагаю вам разделить со мной эту ответственность и общими усилиями найти наиболее достойное применение этому богатству. (Крики «ура». Волнение в зале переходит в восторженные овации.)

Все поднялись с мест. Многие из членов конгресса влезли на столы. У профессора Тернбулла из Глазго лицо налилось кровью, – кажется, его вот-вот хватит удар. Доктор Чиконья из Неаполя чуть не задохнулся от восторга. Один лорд Глендовер сохранял величественное спокойствие и невозмутимость, приличествующие его высокому сану. Впрочем, он был убеждён, что доктор Саразен мило шутит и, разумеется, не имеет ни малейшего намерения привести в исполнение столь безрассудный проект. Наконец в зале кое-как восстанавливается тишина, и доктор Саразен получает возможность продолжать.

– Итак, с вашего разрешения, господа, я позволю себе предложить вам на обсуждение следующий план, который вы легко сможете исправить, усовершенствовать и дополнить.

Услышав это заявление, члены конгресса напрягают слух и с благоговейным вниманием ловят каждое слово оратора.

– Господа, мы наблюдаем вокруг много причин болезней, нищеты и смертности. Я считаю необходимым обратить ваше внимание на одну из них, имеющую первостепенное значение: это

чудовищные антисанитарные условия, в которых вынуждена жить большая часть человечества. Я имею в виду главным образом большие города, где масса людей ютится в тесных домах, зачастую лишённых света и воздуха, этих двух необходимых источников жизни. Такие скопления людей нередко являются настоящим рассадником заразы. Люди, живущие в таких условиях, обречены на преждевременную гибель. Те, что выживают, теряют здоровье и работоспособность, а общество в силу этого несёт громадные потери в рабочей силе, которой можно было бы найти полезное применение... Почему бы нам не попробовать, господа, прибегнуть для борьбы с этим злом к одному из самых могучих средств – показать пример? Разве мы не могли бы объединить все силы нашего воображения, всю нашу изобретательность для того, чтобы создать проект образцового города в соответствии с самыми строгими требованиями науки. (Возгласы: «Да! Да! Правильно! Правильно! Превосходная мысль!») А затем мы могли бы употребить наш капитал на постройку этого города и преподнести его миру как пример, достойный подражания. («Да! Да! Браво!» Гром аплодисментов.)

Члены конгресса, охваченные исступлённым восторгом, кричат, пожимают друг другу руки, бросаются к доктору, поднимают его и торжественно проносят по всему залу.

– Господа, – продолжает доктор, после того как ему наконец удалось вернуться на своё место, – этот город, который каждый из нас мысленно видит перед собой, этот город здоровья и благоденствия, через несколько месяцев может воплотиться в действительность и будет открыт для народов всех стран. Мы издадим на всех языках подробное описание и план нашего прекрасного города и распространим их по всему свету... Мы позволим жить в нашем городе честных людей, которых нужда и безработица гонят из перенаселённых стран. У нас же найдут применение своим способностям и те (не удивляйтесь, что я о них думаю), кого чужеземцы-завоеватели обрекли на жестокое изгнание; они внесут в наше дело духовный вклад, более драгоценный, чем все сокровища мира. Мы построим прекрасные школы, которые будут воспитывать молодёжь, руководствуясь мудрыми принципами, способными развить и направить на должный путь все духовные, умственные и физические силы человека. И это обеспечит нам в будущем здоровое, цветущее поколение.

Нет слов описать всеобщий энтузиазм, охвативший аудиторию, когда доктор Саразен закончил свою речь. Рукоплескания, возгласы и крики «ура» не смолкали по меньшей мере четверть часа. Но не успел доктор сесть, как лорд Глендовер снова наклонился к нему и, многозначительно прищурившись, шепнул на ухо:

– Недурная идея! Вы рассчитываете на доходы с городских пошлин, не так ли?.. Дело верное. Надо только хорошо организовать рекламу, собрать побольше влиятельных имён. А люди после болезни или нуждающиеся в поправке охотно поедут к вам. Надеюсь, вы для меня прибережёте хороший участок?

Бедный доктор, глубоко оскорблённый упорной настойчивостью, с которой лорд Глендовер усматривал в его действиях одни лишь корыстные побуждения, только собрался ответить его светлости, как вице-президент предложил собранию выразить единодушное одобрение и благодарность автору столь высокогуманного проекта.

– Брайтонский конгресс, – сказал он, – где зародилась эта великая идея, будет увековечен в памяти людей. И мы должны признать, что человек, у которого возникла эта идея, поистине должен обладать высоким умом, большим сердцем и безмерным великодушием. И вот теперь, когда нас посвятили в эту идею, не кажется ли нам странным и удивительным, что до сих пор она никому не приходила в голову? Сколько миллиардов, истраченных на кровопролитные войны, сколько состояний, выброшенных на бессмысленные спекуляции, могли быть вложены в это прекрасное начинание!

Закончив свою речь, оратор предложил наименовать новый город в честь его основателя «Саразина».

Предложение было единогласно принято, но, по просьбе доктора Саразена, пришлось заново проголосовать.

– Нет, – сказал он, – моё имя здесь ни при чем. Не будем приклеивать будущему городу никаких нелепых наименований, заимствованных из латинского или греческого языка, от них

веет невыносимой скукой. Ведь это будет город благоденствия... Я бы хотел дать ему имя моей родины, давайте назовём его Франсевиллем.

Разумеется, никому не пришло в голову оспаривать предложение доктора, и просьба его была немедленно удовлетворена. Итак, Франсевилль был заложен пока только на словах, но сегодня же его имя должны были внести в протокол и таким образом запечатлеть на бумаге. Собрание тут же приступило к обсуждению первых статей проекта.

Оставим почтенных членов собрания за этой практической работой, которая столь отличается от обычного круга их деятельности, вернёмся к заметке из хроники происшествий, напечатанной в «Дейли телеграф», и проследим за ней шаг за шагом по одному из её бесчисленных маршрутов.

Вечером 29 октября эта заметка, перепечатанная слово в слово всеми английскими газетами, облетела все уголки Соединённого королевства. Появилась она, между прочим, и в Гулльсской газете и, украсив собой этот скромный листок, отправилась с ним на гружённой углём трехмачтовой шкуне «Мери Куин» в Роттердам, куда и прибыла 1 ноября. Здесь её сейчас же поймали и вырезали проворные ножницы главного редактора и единственного секретаря «Эко Нидерланд», затем перевели на язык великих живописцев Кейпа и Поттера¹⁰, и 2 ноября она на всех парах прикатила в город Бремен, прямёхонько в редакцию газеты «Бремен мемориал». Здесь её приодели, причесали и перепечатали на немецком языке. Стоит ли упоминать о том, что тевтонский репортёр, снабдив перевод заманчивым заголовком «Eine ubergrosse Erbschaft»¹¹, не утерпел и, положившись на доверчивость читателей, смошенничал и приписал в скобках: «От собственного корреспондента в Брайтоне».

Итак, жульнически онемеченная заметка попала в редакцию внушительной «Северной газеты», где её поместили во втором столбце третьей страницы, обкорнав ей заголовок, чересчур авантюрный для такой солидной газеты.

Наконец 3 ноября вечером, пройдя через все эти превращения, заметка очутилась в толстых руках здорового саксонца, лакея профессора Иенского университета Шульце, и проникла в комнату, служившую кабинетом, гостиной и столовой герру профессору.

Особа профессора Шульце, удостоенная столь высокого звания, на первый взгляд не представляла собой ничего примечательного. Это был человек лет сорока пяти, довольно грузный; квадратные плечи свидетельствовали о его крепком телосложении. Редкие, цвета мочалки волосы на висках и на затылке окаймляли широкую лысину, начинавшуюся от самого лба. Бледно-голубые глаза, лишённые всякого блеска, не выражали ни мысли, ни чувства, но этот тусклый, ничего не выражающий взгляд вызывал неприятное ощущение. Тонкие длинные губы профессора Шульце разжимались словно только для того, чтобы скупно отсчитывать слова, но, раздвигаясь, эти губы обнажали два ряда внушительных зубов, которые, казалось, вцепившись, никогда не выпустят своей добычи. Все это вместе взятое производило весьма неприятное и даже отталкивающее впечатление, но сам профессор Шульце был, по-видимому, весьма доволен своей внешностью.

Услышав шаги входящего лакея, профессор Шульце поднял глаза, взглянул на стенные часы изящной французской работы, которые резко выделялись среди окружающей его грубой безвкусицы, и сухо сказал:

– Без пяти семь... Моя почта поступает ровно в шесть тридцать. Вы подаёте её сегодня с опозданием на двадцать пять минут. Если в следующий раз она не будет у меня на столе ровно в половине седьмого, в восемь вы будете рассчитаны.

Лакей молча выслушал замечание и направился к выходу, но в дверях остановился и спросил:

– Прикажете подавать обед, сударь?

– Сейчас без пяти семь. Я обедаю ровно в семь... Пора вам изучить мои привычки. Вы

---

¹⁰ Кейп и Поттер – голландские художники XVII века.

¹¹ "Колоссальное наследство» (нем.).

служите у меня уже третью неделю. Запомните раз и навсегда, что я никогда не изменяю распорядка дня и не имею обыкновения отдавать приказания дважды.

Профессор отодвинул газету на край стола и снова взялся за перо. Он заканчивал свою статью, которая должна была появиться через два дня в «Вестнике физиологии». Мы не совершим нескромности, сообщив, что она была озаглавлена: «Почему все французы в той или иной степени обнаруживают признаки постепенного вырождения?»

Между тем лакей подал обед, состоявший из огромного блюда сосисок с капустой и гигантской кружки пива. Все это он молча поставил на маленьком столике у камина и бесшумно удалился. Профессор отложил перо и, усевшись за маленький столик, с нескрываемым удовольствием принялся за еду, смакуя её больше, чем подобало бы такому почтенному человеку. Покончив с обедом, он позвонил, чтобы подали кофе, и, закулив большую фарфоровую трубку, снова уселся за свою работу.

Часов около двенадцати профессор дописал последнюю страницу и прошёл к себе в спальню, чтобы предаться вполне заслуженному отдыху. Улёгшись в постель, он развернул газету и начал её просматривать. Его уже начало клонить ко сну, как вдруг ему попалась на глаза и неожиданно привлекла его внимание иностранная фамилия «Ланжеволь» в заметке о колоссальном наследстве. Тщетно старался он припомнить, почему это имя показалось ему знакомым, но, сколько он ни напрягал память, ничего не выходило. Отказавшись наконец от этих безуспешных попыток, профессор бросил газету в сторону, задул свечу и тут же захрапел. Но в силу какого-то странного физического процесса, на изучение и объяснение которого он когда-то и сам положил немало труда, фамилия Ланжеволь преследовала его и во сне и так неотступно, что, даже проснувшись утром, он поймал себя на том, что машинально повторяет её.

И вдруг, когда он потянулся к ночному столику, чтобы взглянуть на свои карманные часы, его словно что-то осенило. Схватив валявшуюся на коврик у кровати газету, он несколько раз подряд прочёл ту самую заметку, в которой вчера обратил внимание на фамилию Ланжеволь. Потирая себе лоб рукой, он изо всех сил напрягал память, силясь поймать какое-то мелькнувшее в его мозгу воспоминание, и вдруг, соскочив с постели и даже не накинув пёстрого халата, бросился к камину и, сняв со стены старинную миниатюру, висевшую около зеркала, повернул её и провёл рукавом по пыльному, пожелтевшему картону.

Он не ошибся. На обратной стороне миниатюры виднелась выцветшая, полустёртая от времени, но все же достаточно разборчивая надпись:

«Тереза Шульце, урождённая Ланжеволь»

В тот же вечер профессор Шульце отправился в Лондон.

Глава четвёртая

Раздел

Шестого ноября в семь часов утра герр Шульце вышел из вагона на вокзале Чэринг-Кросс. В двенадцать часов дня он уже входил в дом номер девяносто три на Саутгемптон-роу. Большой зал конторы разделялся надвое невысокой деревянной перегородкой; по одну сторону её находилось помещение клерков, но другую – приёмная. Здесь стояло полдюжины стульев, чёрный крашенный стол, стенные полки, а на них бесчисленные ряды зелёных папок и адрес-календарь. Двое молодых людей мирно уписывали хлеб с сыром – излюбленный завтрак всей младшей судейской братии.

– Господа Биллоус, Грин и Шарп? – спросил профессор таким тоном, точно он требовал свой обед.

– Мистер Шарп у себя в кабинете. Ваша фамилия? По какому делу?

– Профессор Шульце из Иены. По делу Ланжеволь.

Молодой клерк повторил эти слова в резиновую слуховую трубку, раструб которой торчал

из стены возле его стула, но, получив ответ в собственную ушную раковину, не решился огласить его, ибо он звучал примерно так:

– По делу Ланжеволь? Гоните к черту! Опять какой-нибудь сумасшедший пришёл доказывать свои права.

– Солидный человек, – шёпотом сказал клерк, приложив руку ко рту. – Неприятный господин, но, как видно, с положением.

– Он что, из Германии?

– Так он сказал.

В трубке послышался вздох и горестное:

– Ну хорошо. Пустите.

– Второй этаж, дверь прямо, – громко сказал клерк, показывая на лестницу в глубине комнаты.

Профессор поднялся на второй этаж и очутился перед обитой толстым войлоком дверью, на которой чёрными буквами на медной дощечке красовалась надпись: «Мистер Шарп».

Мистер Шарп сидел за большим столом красного дерева. Комната, именовавшаяся его кабинетом, была обставлена на казённый лад: устланный войлоком пол, стулья с кожаными спинками, картотека и полка с делами. Мистер Шарп слегка приподнялся навстречу посетителю и затем, следуя учтивому обычаю всех истинных чиновников, уткнулся с деловым видом в какую-то папку и по меньшей мере пять минут перелистывал лежащие перед ним бумаги.

Наконец он повернулся к профессору Шульце, который молча сидел в кресле против него, и сухо сказал:

– Прошу вас, сударь, изложите мне ваше дело, и как можно короче. Я очень занят и могу вам уделить всего лишь несколько минут.

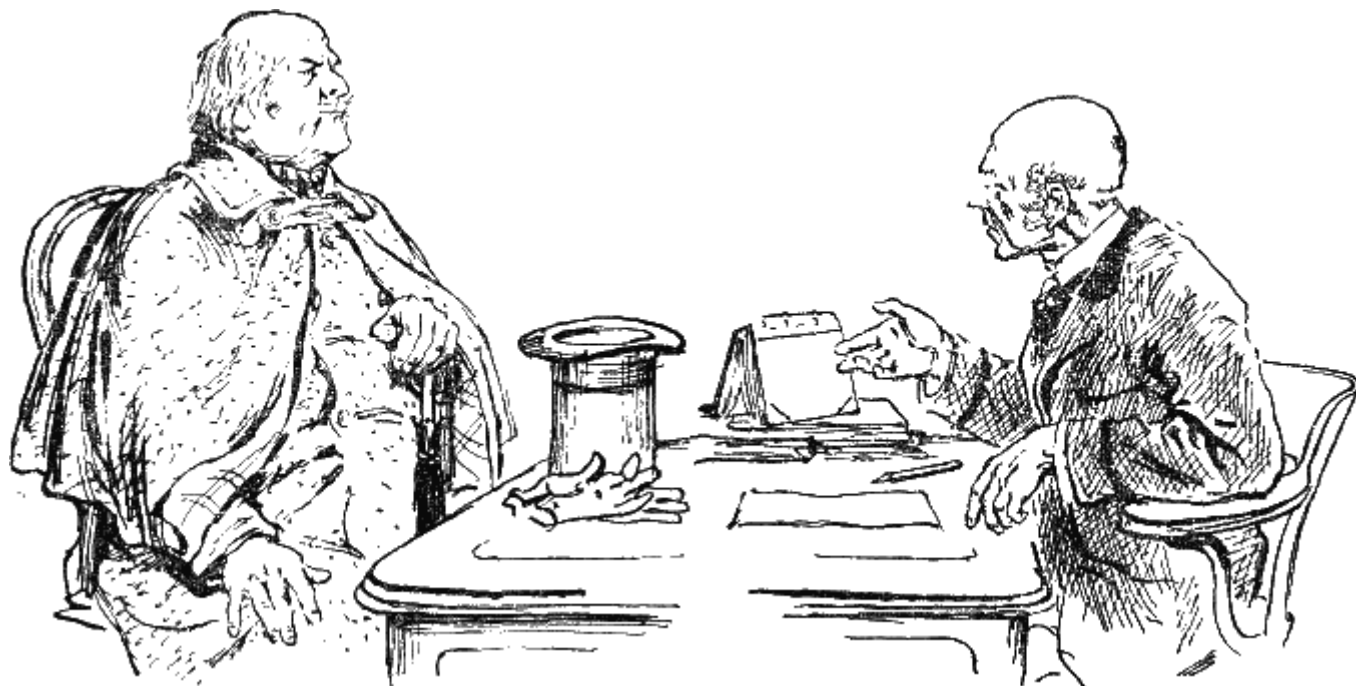
Профессор слегка усмехнулся, явно давая понять, что его отнюдь не смущает этот холодный приём.

– Может быть, вы найдёте возможным уделить мне ещё несколько лишних минут, когда узнаете причину моего посещения, – сказал он.

– Я вас слушаю, сударь.

– Дело касается наследства Жан-Жака Ланжеволя из Бар-ле-Дюка. Я внук его старшей сестры, Терезы Ланжеволь, которая в тысяча семьсот девяносто втором году вышла замуж за моего деда Мартина Шульце, военного хирурга брауншвейгской армии. Он умер в тысяча восемьсот четырнадцатом году. У меня сохранились три письма Жан-Жака Ланжеволя к его сестре и письма моих родных, в которых упоминается о его пребывании в доме моего деда, где он был проездом после сражения при Иене. Кроме того, я, разумеется, могу представить метрические документы, устанавливающие моё родство с ним.

Не будем утомлять внимание читателей подробным изложением всего, что говорил профессор Шульце мистеру Шарпу. На этот раз он изменил своей привычке и говорил весьма пространно. Правда, речь шла о том, о чём герр Шульце способен был говорить с неистощимым красноречием, ибо это была его излюбленная тема. Он стремился доказать мистеру Шарпу, англичанину, превосходство германской расы над всеми прочими. Предъявляя свои права на это наследство, Шульце главным образом ставил себе задачей вырвать его во что бы то ни стало из рук француза, который не способен распорядиться им с толком. Национальность его соперника – вот что больше всего возмущало профессора Шульце. Будь это немец, он, конечно, не стал бы настаивать на своих правах. Но то, что этот осмеливающийся выдавать себя за учёного француз может обратить свой громадный капитал на распространение французских идей, – эта мысль приводила его в исступление, он был готов на все, чтобы отстоять свои права.

Казалось, трудно было понять, что общего между этими политическими рассуждениями и наследством бегумы. Но мистер Шарп был достаточно опытным дельцом, чтобы уловить высшую связь между этими национальными чаяниями германской расы и персональными чаяниями господина Шульце в отношении богатого наследства. Они в сущности были одного порядка.

Однако никаких сомнений быть не могло. Сколь ни унижительно было для профессора Иенского университета оказаться в родстве с отпрыском низшей расы, тем не менее доказательства были налицо: бабка-француженка несла свою долю ответственности за появление на свет этого несравненного образца человеческой природы.

Правда, это родство было весьма отдалённым, и, следовательно, права профессора Шульце на наследство по сравнению с правами доктора Саразена были тоже весьма отдалёнными. Однако мистер Шарп тотчас же почуял возможность найти некие якобы законные основания для поддержания этих прав и, исходя из этой возможности, почуял и нечто другое, весьма заманчивое для фирмы «Биллоус, Грин и Шарп», а именно: превратить выгодное дело Ланжеволя в ещё более выгодный громкий процесс, нечто вроде «Джарндайс против Джарндайса»¹² Диккенса.

Глазам мистера Шарпа представились груды гербовой бумаги, актов, протоколов, отношений. Но тут же у него мелькнула ещё более блестящая мысль – постараться привести своих клиентов, в их же, разумеется, интересах, к некоему обоюдному соглашению, которое принесло бы ему, мистеру Шарпу, почти столько же славы, сколько денег.

Итак, он сообщил герру Шульце, на каких основаниях наследником считается доктор Сара-

---

¹² «Джарндайс против Джарндайса» – в романе Чарльза Диккенса «Холодный дом» (1853) говорится о бесконечной, запутанной судебной тяжбе, продолжавшейся до тех пор, пока оспариваемое наследство не было поглощено судебными издержками. Диккенс обличает в этом романе косность и бюрократизм английского судопроизводства.

зен, показал в подтверждение своих слов некоторые документы и дал понять, что, может быть, фирма «Биллоус, Грин и Шарп» и возьмёт на себя попытку оттягать какую-то часть в пользу герра Шульце на основании его эфемерных прав.

– Весьма эфемерные права, сударь, и если дело дойдёт до суда, вряд ли из этого что-нибудь выйдет.

Фирма может взяться за дело, только полагаясь на чувство справедливости, столь глубоко присущее каждому немцу. Оно-то и должно заставить герра Шульце признать за фирмой несколько иное, но гораздо более несомненное право – право рассчитывать на его благодарность.

Профессор Шульце обладал достаточной сообразительностью и не мог не оценить логического хода рассуждений талантливой дельцы. Он, разумеется, немедленно успокоил его на этот счёт, не уточняя, однако, размеров своей благодарности.

Мистер Шарп попросил разрешения дать ему время ознакомиться с делом и, всячески изъясняя Шульце своё внимание, проводил его до двери. Разумеется, теперь уж не было и речи о считанных минутах, которыми он так дорожил.

Герр Шульце удалился, вполне убедившись, что формально у него нет никаких прав претендовать на наследство бегумы. Но в то же время твёрдо веря, что борьба между германской и латинской расой – а вести эту борьбу долг каждого уважающего себя немца – несомненно должна завершиться торжеством первой.

Теперь главной задачей мистера Шарпа было прощупать на этот счёт самого доктора Саразена. Вызванный телеграммой из Брайтона, доктор в пять часов вечера явился в кабинет поверенного.

Доктор Саразен выслушал сообщение с полным спокойствием, удивившим даже мистера Шарпа.

Он безо всяких обиняков тотчас же заявил, что действительно его родные часто вспоминали о двоюродной бабке, которая воспитывалась в доме какой-то знатной дамы, уехала вместе с ней за границу, а потом вышла замуж в Германии. Но он не знал точно ни имени, ни степени своего родства с этой бабкой.

Мистер Шарп, который уже успел заглянуть в свою картотеку, тщательно подобранную по алфавиту, любезно предложил доктору ознакомиться с нею.

– По всей вероятности, – сказал мистер Шарп, сделав вид, что он не вправе об этом умалчивать, – дело это придётся передать в суд, ибо у второй стороны имеются все основания для тяжбы, а процессы такого рода имеют свойства тянуться весьма неопределённое время. Конечно, доктору Саразену нет надобности посвящать соперника в семейные воспоминания, которыми он так откровенно поделился со своим поверенным. Однако письма Жан-Жака Ланжеволя к сестре, о которых говорил герр Шульце, это как-никак презумпция¹³ в его пользу; презумпция, по правде сказать, довольно невесомая, лишённая всякого законного основания, но все же она существует... Несомненно, герр Шульце постарается представить ещё кое-какие свидетельства, которые ему удастся извлечь из недр муниципальных архивов. Но может случиться и так, что за отсутствием подлинных документов соперник не побоится пустить в ход и поддельные... Тут все нужно предвидеть. Не исключена даже возможность и того, что после всех этих расследований и раскопок закон признает за этой так некстати появившейся с того света Терезой Ланжеволь и её ныне здравствующими потомками преимущественные права на это наследство. Во всяком случае, можно ждать массу всяческих каверз, придирок, недоразумений, – словом, тысячи поводов для бесконечного затягивания дела. Поскольку и та и другая стороны имеют значительные шансы на выигрыш, найдутся финансовые общества, которые охотно предоставят им кредит, возьмут на себя все издержки судопроизводства, нажмут на все рычаги и используют все юридические ухищрения. Один такой знаменитый процесс в канцлерском суде тянулся восемьдесят три года и прекратился только потому, что были истощены все средства: проценты, капитал – все было ухлопано дочиста! Так и здесь: расследования, комиссии, передача дела из одной

---

¹³ **Презумпция** – юридический термин, означающий признание факта достоверным, если в процессе расследования не будет доказана правота другой стороны.

инстанции в другую, тысячи разных процедур – все это может тянуться до бесконечности. Пройдёт десять лет, а суд все ещё не вынесет окончательного решения, и пятьсот миллионов по-прежнему будут лежать в банке.

Доктор Саразен слушал все эти разглагольствования поверенного и думал, когда же он кончит. Хотя он и не принимал за чистую монету всё, что преподносил ему мистер Шарп, все же его невольно охватило чувство унылой безнадежности.

Он сравнивал себя с путешественником, устремившим нетерпеливый взор на желанную пристань, которая была уже совсем, совсем близко и вдруг снова начала удаляться, таять в тумане и, наконец, совсем скрылась из виду. Так может случиться и с этим наследством, – казалось, оно уже было вот здесь, у него в руках, и ему уже было найдено назначение, и вдруг все это стало таким зыбким и, кажется, вот-вот растает у него на глазах.

– Н-да... Что же делать? – наконец промолвил он.

– Что делать? – протянул мистер Шарп. – Гм... Трудно сказать... А распутать этот узел ещё труднее. Но в конце концов все может разрешиться, и вполне благополучно. – Мистер Шарп был в этом почти уверен. – Английское судопроизводство – лучшее в мире. Несколько медлительное, правда, но действует безошибочно. Можно не сомневаться, что через несколько лет доктор Саразен будет бесспорно владеть этим наследством... если, конечно, кхе... кхе... права его будут законно доказаны.

Доктор Саразен вышел из конторы мистера Шарпа сильно поколебленный в своей уверенности, что права его будут когда-либо доказаны, и совершенно убежденный в том, что ему надо выбрать одно из двух: или вести бесконечные тяжбы, или отказаться от своей мечты. И, вспомнив о прекрасном проекте, он тяжело вздохнул.

Между тем мистер Шарп тут же вызвал к себе профессора Шульце и заявил ему, что доктор Саразен никогда не слышал ни о какой Терезе Ланжеволь, что он категорически отрицает существование какой-либо немецкой родни и даже мысли не допускает ни о каком соглашении. Герру Шульце, если он желает настаивать на своих правах, не остаётся, по-видимому, ничего другого, как подать в суд.

Мистер Шарп – лицо в данном случае абсолютно незаинтересованное, ибо его интерес к этому делу носит чисто любительский характер, – разумеется, не станет его отговаривать: чего ещё может пожелать любой юрист, как не судебного процесса! Побольше судебных процессов, да таких, чтобы тянулись несколько десятков лет, как обещает тянуться это дело. Мистер Шарп как профессионал может только радоваться этому. Если бы он не опасался возбудить подозрения у профессора Шульце, то простёр бы свою незаинтересованность вплоть до того, что предложил бы профессору в качестве защитника его интересов одного из своих коллег... О! Выбор защитника в таком деле имеет громадное значение. Профессия юриста в наши дни стала чем-то вроде большой дороги. Какие только проходимцы и авантюристы не лезут сюда! Стыдно сознаться в этом, но приходится.

– А если этот доктор француз пойдёт на соглашение? Сколько это будет стоить? – внезапно спросил профессор.

Вот что значит умный человек: словами его не проведёшь! Сразу видно, человек дела – не тратит времени даром, а идёт прямо к цели. Мистер Шарп даже несколько огорчился такой необыкновенной прямолинейностью. Он стал доказывать герру Шульце, что дела так скоро не делаются, что нельзя предрешать исход переговоров, когда они ещё не начаты, что если доктора Саразена и удастся склонить к соглашению, то не иначе как путём проволоочки, чтобы у него отнюдь не могла явиться мысль, что герр Шульце готов идти на мировую.

– Прошу вас, сударь, – заключил он, – предоставьте это дело мне, положитесь во всем на меня, и я вам ручаюсь за успех.

– Я тоже ручаюсь, – сказал герр Шульце, – но я бы хотел знать, сколько это будет стоить.

Однако на этот раз ему не удалось вывести у мистера Шарпа, в какую сумму английский поверенный расценивает немецкую благодарность, и он вынужден был предоставить юристу в этом деле полную свободу действий.

Когда на другой день доктор Саразен, вызванный мистером Шарпом, вошёл к нему в каби-

нет, мистер Шарп, несколько встревоженный тем невозмутимым спокойствием, с которым доктор осведомился о своих делах, заявил ему, что после тщательного рассмотрения, взвесив все «за» и «против», он пришёл к выводу, что зло надо уничтожить в самом корне и лучшее, что можно сейчас сделать, — это предложить новому претенденту пойти на соглашение. Мистер Шарп тут же подчеркнул, что немногие на его месте способны бы проявить такое исключительное бескорыстие и дать своему клиенту подобный совет. Но он, мистер Шарп, печётся об этом деле с истинно отеческой заботливостью и ставит себе целью привести его к скорейшему разрешению.

Доктор Саразен, выслушав этот совет мистера Шарпа, признал его более или менее разумным. Он так свыкся за эти дни с мечтой осуществить как можно скорее свой прекрасный проект, что готов был всем поступиться для этой цели. Отложить его на десять лет или хотя бы даже на год было бы для него жестоким разочарованием. Слабо разбираясь в финансовых и юридических вопросах, он хоть и не вполне доверял пышным разглагольствованиям мистера Шарпа, тем не менее охотно готов был уступить свои права за солидную сумму наличными деньгами, которые позволили бы ему немедленно приступить к делу. Поэтому он предоставил мистеру Шарпу полную свободу действий.

Таким образом, английский поверенный добился того, чего хотел. Возможно, что другой на его месте поддался бы соблазну затянуть дело, затеять ряд бесконечных судебных процессов, которые обеспечили бы его фирму солидной пожизненной рентой. Но мистер Шарп был не из тех людей, которые занимаются длительными спекуляциями. Он видел перед собой возможность снять одним махом обильный урожай и решил не упускать случая. На другой день он написал доктору, что герр Шульце, по-видимому, не возражает против того, чтобы вступить в переговоры о соглашении.

В следующие визиты к доктору и затем к герру Шульце он по очереди сообщил своим клиентам, что противная сторона категорически отказывается от каких бы то ни было переговоров о соглашении и что, кроме того, ходят слухи о где-то объявившемся третьем претенденте на наследство.

Эта игра тянулась примерно неделю. С утра все как будто складывалось как нельзя лучше, а вечером вдруг возникало какое-нибудь неожиданное препятствие, и все шло насмарку. Бедному доктору то и дело расставлялись какие-то капканы, внезапно возникали какие-то недоразумения, колебания, задержки... Мистер Шарп никак не мог решиться дёрнуть удочку — он очень боялся, что в самый последний момент рыба начнёт биться и сорвётся с крючка. Но по отношению к доктору Саразену все эти меры, предосторожности были совершенно излишни. С самого первого дня доктор, во что бы то ни стало желавший избежать всяких проволочек, связанных с процессом, готов был пойти на соглашение. Наконец, когда, по мнению мистера Шарпа, «психологический момент» наступил, или, выражаясь более развязным языком, клиент был «готов», он сразу дёрнул лесу и предложил немедленно подписать соглашение.

Тут же нашёлся и готовый к услугам благожелательный банкир Стилбинг, который предложил разделить капитал поровну между обеими сторонами, отсчитать каждому из них по двести пятьдесят миллионов и удержать за услугу в качестве комиссионных всего лишь скромный излишек полумиллиарда — двадцать семь миллионов.

Доктор Саразен чуть было не бросился на шею мистеру Шарпу, когда тот явился к нему с этим предложением. Он готов был подписать эти условия тут же, он жаждал подписать их, он находил их великолепными и с радостью воздвиг бы золотые памятники банкиру Стилбингу, поверенному Шарпу и всей банковской и сутяжнической братии Соединённого королевства.

Итак, составили акты, созвали свидетелей. В Сомерсетхауз все подготовили для скрепления актов. Герр Шульце сдался.

Прижатый к стене мистером Шарпом, он, скрежеща зубами, должен был признать, что, имея он своим противником не столь покладистого человека, как доктор Саразен, он только прогорел бы на своих хлопотах и остался бы ни с чем.

Все совершилось очень быстро. После того как оба наследника представили свои полномочия и официально заявили о своём согласии на раздел наследства, каждый из них получил чек на

предъявителя на сто тысяч фунтов стерлингов и гарантийное обязательство на выплату всего капитала тотчас же по завершении некоторых необходимых формальностей.

Так, к величайшей славе и торжеству англосаксонской расы, закончилось это поистине удивительное дело.

Рассказывают, что в тот же вечер мистер Шарп, обедая со своим приятелем Стилбингом в Кобсден-клубе, выпил бокал шампанского за здоровье доктора Саразена и другой за здоровье профессора Шульце, а потом, увлечшись, воскликнул, приканчивая бутылку:

– Урра! Правь, Британия!.. Ну, разве может кто тягаться с нами!

Но, сказать правду, банкир Стилбинг считал, что его приятель опростоволосился, ибо, польстившись на двадцать семь миллионов, он выпустил из рук дело, которое могло бы принести по меньшей мере пятьдесят, и то же самое думал профессор Шульце, поскольку он-то, разумеется, был вынужден пойти на любое соглашение! А подумать только, что можно было сделать с таким человеком, как доктор Саразен! Легкомысленный, неустойчивый кельт да и фантазёр к тому же.

Герр Шульце слышал о проекте своего соперника построить французский город и создать в нём такие условия, которые способствовали бы развитию лучших человеческих качеств на здоровых моральных и физических основах и счастливому росту мужественных и сильных поколений. Эта затея доктора Саразена казалась профессору нелепой. Он заранее предсказывал её полный провал, ибо она, по его мнению, противоречила закону эволюции, который обрекал латинскую расу на вырождение, на полное подчинение саксонской расе, а в дальнейшем на полное исчезновение с лица земли. Однако, если проект доктора будет в какой-то мере осуществлён и тем паче если представить себе, что он будет иметь успех, этот процесс может нежелательным образом затянуться. Поэтому долг каждого истинного саксонца, признающего этот незыблемый закон и приверженного идее мирового порядка, стараться всеми силами помешать безумной затее. И тут становилось ясно, что именно он, профессор Шульце, доктор химических наук, приват-доцент Иенского университета, известный своими многочисленными трудами о различии рас, – трудами, в которых он доказывал, что германская раса избрана поглотить все другие, – именно он призван великой неизменной созидательной и разрушительной силой природы уничтожить этих пигмеев, осмелившихся взбунтоваться против неё. От века было предрешиено, что Тереза Ланжеволь соединится браком с Мартином Шульце и что обе эти расы – германская в лице профессора Шульце и латинская в лице доктора Саразена – столкнутся друг с другом и первая уничтожит вторую. И вот он, Шульце, уже держит в своих руках половину состояния доктора Саразена – оружие, которым он будет бороться.

Впрочем, этот поединок в программе профессора Шульце отнюдь не стоял на первом месте: он только дополнял его другие, гораздо более обширные планы об истреблении всех народов, которые не захотят слиться с германской расой и посвятить себя служению Фатерланду¹⁴.

Однако, объявляя себя беспощадным врагом французского учёного, профессор Шульце считал необходимым поближе ознакомиться с его проектом, если только это можно было назвать проектом. С этой целью он принял участие в международном гигиеническом конгрессе и стал аккуратно посещать его заседания. После одного из таких заседаний, когда члены конгресса покидали зал, доктор Саразен и кое-кто из присутствующих услышали, как профессор Шульце в разговоре с кем-то громко заявил, что одновременно с Франсевиллем будет воздвигнут другой мощный город, который сотрёт с лица земли этот противоестественный, нелепый муравейник.

– Я надеюсь, – прибавил он, – что опыт, который мы сделаем, послужит примером всему миру.

При всей своей любви к человечеству доктор Саразен отлично знал, что не все его ближние достойны именоваться филантропами¹⁵. Человек здравомыслящий, он тут же сказал себе, что

---

¹⁴ **Фатерланд** – по-немецки «родина». Так немцы часто называют Германию.

¹⁵ **Филантроп** – человек, занимающийся благотворительной деятельностью. Французские утописты тщетно взывали к милосердию богачей, надеясь с их помощью переустроить буржуазное общество на справедливых началах. Именно таким филантропом изображён доктор Саразен.

никогда не стоит пренебрегать никакой угрозой, и хорошо запомнил эти слова своего противника. Спустя некоторое время в письме Марселю, которому он предлагал принять участие в своём проекте, он рассказал об этом случае и так живо изобразил профессора Шульце, что юный эльзасец понял, с каким жестоким врагом предстоит иметь дело доброму доктору Саразену. Письмо доктора заканчивалось следующей фразой:

«Нам понадобятся сильные и энергичные люди, деятельные и неутомимые учёные не только для того, чтобы созидать, но и для того, чтобы защищаться».

Марсель тотчас же ответил ему:

«Если я в настоящее время и лишён возможности принять участие в созидании вашего города, вы твёрдо можете рассчитывать на то, что я приду вам на помощь в нужный момент. Я постараюсь не упускать из виду этого Шульце, которого вы так живо описали. Мой долг эльзасца обязывает меня поближе ознакомиться с его планами. Рядом с вами или вдали от вас я предан вам неизменно. И, если даже в течение нескольких месяцев, а может быть и лет, вы ничего не услышите обо мне, не беспокойтесь. Где бы я ни был, цель у меня одна – трудиться на пользу вам и, следовательно, служить Франции».

Глава пятая **Стальной город**

Прошло пять лет с тех пор, как наследство бегумы перешло в собственность её наследников. Действие происходит теперь в Соединённых Штатах, на юге Орегона, в десяти милях от побережья Тихого океана. Здесь, между двумя пограничными государствами, расстилается обширная территория, представляющая собой нечто вроде американской Швейцарии.

В самом деле, здесь все напоминает Швейцарию: крутые утёсы вонзают в небо свои остроконечные вершины, глубокие лощины прорезают длинные цепи гор, величественный и дикий ландшафт открывается взору, если поглядеть сверху, с высоты птичьего полёта.

Но в этой обманчивой Швейцарии не процветает мирный труд, как в той европейской Швейцарии, где жители пасут скот на горах, содержат гостиницы для приезжающих, нанимаются в проводники, – нет, это скорее альпийские декорации: скалистые горы, ущелья, поросшие вековыми соснами, а под всем этим царство железа и каменного угля.

Если какой-нибудь путник, прельстившись этим уединённым пейзажем, остановится и прислушается к горной тишине, он не уловит в этом величественном безмолвии того гармонического лепета жизни, которым наполнены тропы Оберланда. До него доносятся издалека глухие удары молота, он чувствует у себя под ногами тяжёлое содрогание земли от отдалённых взрывов. Ему кажется, словно он стоит на подмостках необъятного театра, что эти громадные скалы пусты внутри и что они в любую минуту могут кануть в какие-то таинственные глубины.

Дороги, мощённые щебнем со шлаком, извиваются по склонам гор. Среди пучков жёлтой, опалённой травы куски дроблёного шлака, отливающие всеми цветами, горят, как глаза василиска. Там и сям заброшенная шахта, размытая дождями, поросшая по краям колючим терновником, зияет своей разинутой пастью, открывая бездонную пропасть, напоминающую кратер потухшего вулкана. Воздух пропитан копотью и плотно окутывает землю тёмной пеленой. Ни одна птица не пролетит, даже насекомые исчезли отсюда, и никто и не помнит, водились ли здесь когда-нибудь бабочки.

Обманчивая Швейцария! На северной границе этого горного района, там, где крутые уступы переходят в отлогую равнину, открывается между двумя грядами голых холмов «красная пустыня», – так называлась до 1871 года эта местность по цвету почвы, пропитанной окислами железа. Ныне она именуется «Штальфельд», что значит «стальное поле».

Представьте себе горное плато, простирающееся на пять-шесть квадратных миль, с песчаной бесплодной почвой, усеянной галькой, безжизненное, пустынное, как высохшее дно какого-то давно исчезнувшего моря. Природа ничего не сделала, чтобы оживить эту пустыню, но чело-

век внезапно проявил неслыханную энергию и упорство.

За пять лет на голой, каменистой равнине выросло восемнадцать рабочих посёлков с маленькими серыми, сплошь одинаковыми деревянными домишками, – их привезли совсем готовыми из Чикаго, и теперь здесь живёт многочисленное рабочее население.

В самом центре рабочих посёлков, у подножия горного кряжа, таящего неистощимые запасы каменного угля, возвышается тёмная громада – мрачные квадраты зданий с симметрично расположенными рядами окон, а над Красными крышами этих зданий густой лес цилиндрических труб, непрестанно изрыгающих громаднейшие клубы чёрного дыма; этот дым заволакивает небо чёрной завесой, которую то и дело прорезают яркие огненные вспышки. Ветер доносит издалека глухой грохот, похожий на раскаты грома или на гул прибоя, но более ритмичный и величественный.

Это Штальштадт – Стальной город, немецкий город, собственное владение герра Шульце, бывшего профессора химии Йенского университета, а ныне благодаря миллионной бегумы крупнейшего в мире сталелитейщика, который занимается главным образом отливкой пушек, поставляя их во все страны Нового и Старого Света.

Он отливал пушки всех видов и всех калибров, с гладким каналом и с нарезкой, с казённым, неподвижным и скользящим, – для России и для Турции, для Румынии и Италии, для Японии и Китая, но больше всего для Германии.

Благодаря могущественной силе денег, как бы по мановению волшебного жезла, выросла из-под земли эта страшная громада, этот город-завод, где живут и работают тридцать тысяч рабочих, преимущественно немцев. В два-три месяца продукция этого нового завода благодаря своему непревзойдённому качеству приобрела мировую известность.

Профессор Шульце добывает железную руду и каменный уголь из собственных шахт; тут же переплавляет их в сталь и тут же отливал из неё пушки. Он сумел достигнуть того, что не удавалось ни одному из его конкурентов. Во Франции делали отливки весом до сорока тысяч килограммов; в Англии удалось отлить чугунную пушку в сто тонн весом; в Эссене, на заводе Круппа, отливают бруски стали весом до пятисот тысяч килограммов, но для герра Шульце не существует никаких пределов: закажите ему пушку любого веса, любой мощности – он отольёт её в точности, блестящую, как новенькая монета, аккуратно в назначенный срок.

Но и цену заломит, будьте уверены! Похоже, что доставшиеся ему в 1871 году миллионы только раздразнили его аппетит.

В пушечном производстве, так же как и во всяком другом, впереди всех оказывается тот, кто умеет делать то, чего не умеют другие. Излишне говорить, что пушки герра Шульце отличаются не только тем, что они могут быть любого размера, но также и своим превосходным качеством. Они, разумеется, изнашиваются от употребления, но они никогда не разрываются. Штальштадтская сталь обладает, по-видимому, какими-то особыми свойствами. Каких только сказок не рассказывают о штальштадтских таинственных сплавах и химических секретах! Но достоверно только одно – никто не знает, в чём заключаются эти секреты. Да, в этом можно не сомневаться, в Штальштадте хорошо умеют хранить секреты.

В этом уголке Северной Америки, отрезанном от мира стеной гор, окружённом пустыней, расположенном по меньшей мере на расстоянии пятисот миль от ближайшего населённого места, нет никаких следов той свободы, из которой выросла могучая сила республики Соединённых Штатов¹⁶.

Если судьба приведёт вас к стенам Штальштадта, тщетно будете вы пытаться проникнуть в его тяжёлые ворота, от которых в обе стороны тянутся глубокие рвы и высятся укрепления. Суровая, неумолимая стража немедленно вернёт вас обратно. Вам придётся остановиться в одном

---

¹⁶ По сравнению с монархическими странами Европы, Соединённые Штаты действительно были передовым государством, хотя, как известно, гражданские права, гарантированные демократической конституцией, с самого начала грубо нарушались. Обещанные свободы оказались действительными только для людей состоятельных, а подавляющее большинство населения не могло и не может ими воспользоваться. В более поздних романах Жюль Верна Соединённые Штаты Америки предстают как «земной рай» лишь для тех немногих, кто располагает неограниченными средствами (см., например, «Плавучий остров»).

из пригородов. Попасть в Стальной город вы можете только, если знаете магическое слово, пароль, или если у вас имеется пропуск, скреплённый всеми надлежащими печатями и подписями.

Такой пропуск, по-видимому, был у молодого рабочего, который в одно пасмурное ноябрьское утро прибыл в Штальштадт и, оставив в гостинице предместья свой потёртый кожаный саквояж, направился пешком к ближайшим воротам этого города.

Это был рослый малый, крепкого сложения, одетый на манер американских колонистов в толстую матросскую куртку без воротника, шерстяную фуфайку и широкие плисовые штаны, заправленные в высокие сапоги. Низко надвинув на глаза широкополую фетровую шляпу, словно стараясь скрыть своё прокопчённое угольной пылью лицо, он шёл лёгкой походкой, тихонько насвистывая себе в бороду.

Подойдя к воротам, молодой человек протянул караульному бумажку, на которой было что-то напечатано, и его тотчас же пропустили.

– У вас пропуск к мастеру Зелигману, сектор «К», улица девять, мастерская семьсот сорок три, – сказал караульный. – Ступайте направо по окружному шоссе до указательного знака «К» и там подойдёте к будке. Правило знаете? За вход в чужой сектор тут же увольняют! – крикнул он вслед удалявшемуся молодому человеку.

Молодой рабочий пошёл по указанному направлению и очутился на круговом шоссе. Справа от него тянулось полотно окружной железной дороги, а за нею высилась точно такая же стена, как та, что окружала город. Таким образом, весь город представлял собой систему концентрических кругов, разделённых радиальными укреплениями на обособленные, не сообщающиеся между собой секторы, но опоясанные одним общим рвом и крепостной стеной.

Вскоре молодой человек подошёл к столбу с литерой «К», стоявшему против массивных ворот, над которыми была высечена из камня та же буква. Он постучал в окошко будки. На этот раз к нему вышел человек на деревянной ноге, с медалью на груди. Он внимательно прочёл бумажку, приложил к ней ещё одну печать и сказал:

– Пойдёте прямо. Девятая улица налево.

Молодой человек миновал этот второй заградительный пост и очутился, наконец, в секторе «К». По обе стороны дороги, которая вела от ворот, тянулись под прямым углом ряды одинаковых зданий.

Грохот машин становился все оглушительней. Эти мрачные серые корпуса, глазающие тысячью светящихся окон, были похожи на каких-то чудовищ. Но пришелец, по-видимому, привык к такого рода зрелищу и не обращал на него никакого внимания.

Минут через пять он завернул на девятую улицу и, разыскав цех 743, вошёл в небольшое помещение, заставленное стеллажами и картотеками, среди которых восседал мастер Зелигман.

Мастер взял пропуск, внимательно прочёл его и перевёл глаза на молодого человека.

– Пудлинговщиком¹⁷ поступаете? – спросил он. – Уж очень вы молоды.

– Не в возрасте дело, – отвечал молодой рабочий. – Мне скоро будет двадцать шесть, и я уже семь месяцев как работаю пудлинговщиком. Могу, если желаете, показать вам аттестаты, которые я предъявлял начальнику вашей конторы по найму в Нью-Йорке.

Молодой человек говорил по-немецки свободно, но с каким-то лёгким акцентом, который, по-видимому, вызвал некоторое подозрение мастера.

– Вы эльзасец? – спросил он.

– Нет, я швейцарец, из Шафгаузена. Да вот, я могу показать вам мои бумаги, у меня все в порядке.

Он вынул из кожаного портфеля паспорт, аттестаты и удостоверения и протянул все это Зелигману.

– Хорошо, хорошо, – сказал тот, успокоившись при виде официальных документов, – в конце концов вас приняли, и моё дело только указать вам рабочее место.

Он внёс имя Иоганна Шварца в большую книгу, затем написал это имя на голубой карточ-

---

¹⁷ **Пудлинговщик** – рабочий, осуществляющий производственные операции пудлингования – переработки чугуна в особых печах в мягкое сварочное железо.

ке под номером 57938 и вручил её молодому человеку.

– Ежедневно в семь утра вы должны являться к будке у ворот «К» и предъявлять эту карточку, по которой вас будут пропускать в город. В будке вы возьмёте жетон с вашим номером и утром, приходя, будете предъявлять этот жетон мне. В семь часов вечера, по окончании работы, вы будете опускать этот жетон в ящик у входа в цех. Ровно в семь, ни минутой раньше.

– Правила-то мне известны... А я могу жить на территории завода? – спросил Шварц.

– Нет, вы должны найти себе помещение в посёлке, но питаться вы можете в цеховой столовой за очень умеренную цену. Ваша заработная плата пока что будет доллар в день. Через каждые три месяца она увеличивается на двадцать процентов. Взысканий у нас не бывает – только увольнения. При первом же нарушении правил я отдаю приказ об увольнении. Приказ подписывает инженер цеха. Вы хотите сегодня же приступить к работе?

– А почему бы нет?

– Предупреждаю, что сегодняшний день будет считаться за полдня, – сказал мастер и, предложив Шварцу следовать за ним, направился к внутренней галерее. Они прошли широким коридором, пересекли двор и вступили в обширное помещение, которое своими размерами и устройством напоминало дебаркадер большого вокзала. Окинув цех взглядом профессионала, Шварц на секунду замер на месте от восхищения.

По обе стороны длинного зала шли в два ряда массивные цилиндрические колонны, не уступающие по высоте и диаметру колоннам храма Святого Петра в Риме. Они поднимались от земли до стеклянного свода и через него выходили наружу. Это были трубы пудлинговых печей, поставленные на каменном фундаменте. Их было пятьдесят в каждом ряду. К одному концу платформы ежеминутно подходили поезда с чугуном, которым загружали печи; с другого конца чугун, уже превращённый в сталь, грузили в прибывающие пустые составы.

Это превращение и достигается пудлингованием. Здесь проворно и ловко орудовали бригады полуголых циклопов, вооружённых железными крючьями.

В печь, засыпанную шлаком, укладывают куски чугуна и доводят их до сильного накала. Чтобы получить железо, этот чугун доводят до состояния вязкой массы и затем начинают размешивать. Чтобы получить сталь – металл, столь близкий железу по составу, но вместе с тем столь отличающийся от него по своим свойствам, – надо выждать, чтобы сплав превратился в текучую массу, для чего требуется более высокий накал печи. Тогда пудлинговщик, вооружённый железной кочергой, ворочает и мешает в огне эту металлическую массу до тех пор, пока

оболочка из шлака не достигнет вязкости. Затем, разделив её на четыре части – «крицы»¹⁸, он передаёт их одну за другой на паровой молот.

Тут же производится следующая операция. Против каждой печи установлен паровой молот, приводимый в движение паром из вертикального котла, вделанного в эту же печь. Молотобоец в высоких сапогах с наколенниками, в нарукавниках из листового железа, в толстом кожаном фартуке и в металлической сетке, защищающей лицо, похожий на рыцаря в доспехах, подхватывает длинными щипцами раскалённую крицу и укладывает её под молот. Под действием парового молота, который обрушивается на крицу всей своей колоссальной тяжестью, все лишние примеси и загрязняющие шлаки выжимаются из крицы, словно из губки, – снопы искр, огненные брызги летят во все стороны. Затем крицу снова бросают в печь и, накалив до нужной степени, опять кладут под паровой молот.

В этой огромной кузнице стоял непрерывный гул, скрежет, тяжкие глухие удары; стремительно двигались тысячи приводных ремней, высоко фейерверком разлетались огненные брызги, нестерпимое пламя раскалённых добела печей слепило глаза. Человек среди этого яростного рёва порабощённой материи казался почти ребёнком.

Но какие же крепкие, сильные молодцы были эти пудлинговщики! Стоять у пылающей печи и месить вытянутыми руками несколько часов подряд в этой адской температуре раскалённую добела металлическую массу в двести килограммов весом и при этом не спускать с неё глаз, – от такого каторжного труда самый здоровый человек в какие-нибудь десять лет приходит в полную негодность.

Шварц, как бы желая показать мастеру, что он к этому делу привычен, сбросил с себя куртку, снял фуфайку и, обнажив торс молодого атлета с отчётливо обрисовывающимися крепкими мускулами, вооружился клюшкой и начал умело орудовать в печи.

Убедившись, что он прекрасно справляется с этим делом, мастер оставил его за работой, а сам вернулся в контору.

Юноша работал без перерыва до самого обеда. Но потому ли, что он вносил в свою работу слишком много рвения, или, быть может, недостаточно подкрепился с утра, он вдруг как-то сразу выдохся и ослаб, что тотчас же заметил старший в бригаде.

– Нет, ты в пудлинговщики не годишься, – сказал он. – Лучше сейчас же просись в другой цех, а то потом поздно будет.

Шварц стал уверять его, что это случайная усталость, которая скоро пройдёт, и что он может пудлинговать не хуже всякого другого. Тем не менее бригадир счёл нужным доложить начальству, и молодого рабочего тотчас же вызвали к старшему инженеру.

Инженер тщательно проверил его документы и, покачав головой, сурово спросил:

– Разве вы пудлинговщиком работали в Бруклине?

Шварц в смущении опустил глаза.

– Я уж вам сознаюсь, что я работал литейщиком... Хотел заработать побольше, вот и решил пойти в пудлинговщики.

– Вот все вы так, – с досадой сказал инженер, пожимая плечами. – В двадцать пять лет вы хотите делать работу, которая и в тридцать пять не всякому под силу... Хороший ли вы литейщик по крайней мере?

– Последние два месяца я числился по первому разряду.

– Незачем вам было уходить оттуда. Здесь вы начнёте с третьего. И ещё будьте довольны, что вам дают возможность перейти в другой цех.

Инженер черкнул несколько слов на пропуске, связался с конторой по проволочному телеграфу и, обратившись к Шварцу, сказал:

– Верните ваш жетон, выходите из цеха и отправляйтесь прямо в сектор «О», в контору старшего инженера. Он предупреждён.

У ворот сектора «О» Шварцу снова пришлось пройти через все те формальности, какие он

---

¹⁸ **Крица** – бесформенный кусок сварочного железа, получаемого при различных способах обработки руды и чугуна в кричном горне или пудлинговой печи.

преодолеет, чтобы попасть сюда.

Его опросили, прежде чем впустить, потом направили к мастеру, и тот сам проводил его в литейный цех.

Здесь работа была более спокойная и не такая напряжённая.

– Это у нас малый цех, – сказал мастер, – мы отливаем здесь только сорокадвухмиллиметровые пушки. К отливке больших орудий допускаются только рабочие первого разряда.

«Малый» цех имел сто пятьдесят метров в длину и шестьдесят пять в ширину. В нём, по беглому подсчёту Шварца, помещалось по меньшей мере шестьсот тиглей, установленных в зависимости от их размеров по четыре, по восемь и двенадцать штук в печах, расположенных вдоль стен.

Посредине, во всю длину цеха, шло продольное углубление, где стояли готовые формы, куда поступала расплавленная сталь. По обе стороны углубления тянулись рельсы, по которым двигался подъёмный кран, подавая и забирая эти огромные массы металла. Как и в пудлинговом цеху, с одного конца по путям прибывали составы, гружённые сталью, с другого увозили только что отлитые пушки. Возле каждой формы стоял рабочий с железным прутом в руках, наблюдавший за плавкой в тиглях. Все эти операции, которые были знакомы Шварцу по другим заводам, здесь были доведены до совершенства.

Когда проба показывала, что плавка готова, раздавался сигнальный звонок, и тотчас же к каждой печи подходили двое рабочих одинакового роста с железной штангой на плечах. По свистку бригадира, который с хронометром в руках наблюдал за операцией, тигель щипцами вынимали из огня и вешали на крючья штанги. Рабочие плавным движением опрокидывали содержимое тигля в специальные желоба из огнеупорной глины, по которым расплавленная сталь стекала в воронку, расположенную над изложницей, а раскалённый тигель опускали в приспособленную для этой цели ванну.

Эта операция производилась последовательно каждой бригадой рабочих у каждой печи, без единого перебоя, причём каждое движение было так строго рассчитано, что через одну десятую секунды после того, как опрокидывали последний тигель, все тигли уже лежали в ванне. Железная дисциплина, привычка, приобретённая опытом, и ритмическая согласованность всех движений совершали это чудо.

Шварц, по-видимому, был хорошо знаком с этим процессом. Его поставили в пару с рабочим его роста и после проверки работы на пробной отливке признали превосходным литейщиком. После окончания работы мастер сказал ему, что он может надеяться на быстрое повышение.

Когда Шварц в семь часов вечера вышел за пределы Стального города, он первым делом отправился в гостиницу за своим саквояжем. Оттуда он пошёл по дороге, которая вела к группе домиков, замеченных им ещё утром. Здесь он без труда нашёл себе комнатку у одной доброй женщины, которая взяла его на полный пансион.

Пожинав, он не пошёл искать встречи с другими молодыми рабочими в пивной, а заперся у себя в комнате, вынул из кармана кусок стали и кусок шихты, которые он незаметно подобрал в литейной, и при свете коптящей лампы стал внимательно рассматривать их.

Затем он достал из саквояжа толстую переплетённую тетрадь и, перелистав страницы, исписанные разными заметками, формулами и вычислениями, сел писать. Он писал по-французски, но из предосторожности шифром, ключ которого был известен ему одному:

«Десятое ноября. Штальштадт. В методе пудлингования не обнаружил ничего особенного. Взаимоотношения температур, сравнительно невысоких при первой и повторной плавке, соответствуют правилам Чернова¹⁹. Что же касается литья, оно производится по способу Круппа, но с совершенно изумительной точностью и согласованностью действий.

В этой точности и кроется секрет успеха немцев. Она объясняется присущей немцам музыкальностью. Англичанам труднее достигнуть такого совершенства, и не столько из-за дисциплины, сколько из-за отсутствия слуха. А вот французы, лучшие танцоры в мире, легко могли бы

---

¹⁹ **Чернов Дмитрий Константинович (1839– 1921)** – выдающийся русский учёный-металлург, создавший научную теорию производства стали.

этого добиться. Пока что не нахожу ничего загадочного в этом замечательно поставленном производстве. Образцы руды, которые я подобрал в горах, мало чем отличаются от наших доброкачественных железняков. Каменный уголь действительно очень высокого качества и прекрасно коксуется²⁰, но не отличается никакими другими особенностями. Несомненно, к процессу обработки у Шульце приступают только после тщательной очистки руды, но это не так уж трудно осуществить. Теперь, для того чтобы до конца проникнуть во все тайны их производства, мне осталось только определить состав огнеупорной глины, из которой они делают тигли, литейные формы и трубы. Когда этот секрет будет у нас в руках и мы приучим наших рабочих-литейщиков к такой же дисциплине и точности, я не сомневаюсь, что мы сможем делать у себя то же, что делают здесь. Правда, я видел пока ещё всего только два цеха, а их по крайней мере двадцать четыре, не считая центрального аппарата, планового и модельного отделов и секретного кабинета. Что-то они замышляют в этом логове? После угроз герра Шульце, заполучившего в свои руки такое наследство, можно опасаться всего».

Тут Шварц, почувствовав усталость, захлопнул тетрадь, разделся, взял какую-то старую книжку и, улёгшись в постель, которая отличалась всеми неудобствами типичной немецкой постели, закурил трубку.

Мысли его блуждали где-то далеко. Попыхивая трубкой, он рассеянно следил за лёгкими облачками светлого ароматного дыма. Наконец он отложил книгу и долго лежал задумавшись, словно углубившись в решение какой-то трудной задачи.

– Ах, что бы там ни было, – вдруг воскликнул он, – хотя бы сам черт помогал герру Шульце, всё равно я проникну в его секрет и узнаю, что он там такое задумал против Франсевиля!

Он уснул с именем доктора Саразена на устах, но во сне с губ его срывалось другое имя, имя маленькой девочки Жанны.

Она все ещё была девочкой в его воспоминании, хотя с тех пор, как они расстались, она уже успела превратиться во взрослую девушку. Конечно, это было естественной ассоциацией идей. Мысль о докторе влекла за собой невольное воспоминание о его дочери. Во всяком случае, когда Шварц, или, вернее, Марсель Брукман, проснулся на другой день, все ещё полный мыслями о Жанне, он ничуть не удивился упорству этого воспоминания, а усмотрел в нём лишь новое подтверждение правильности превосходных психологических трактатов Стюарта Милля²¹.

Глава шестая

Шахта Альбрехт

Госпожа Брауэр, добрая женщина, у которой поселился Марсель Брукман, была швейцарка. Муж её, рудокоп, погиб четыре года тому назад во время одной из катастроф, которые ежеминутно угрожают жизни шахтёра. Завод выплачивал ей маленькую пенсию – тридцать долларов в год; к этому присоединялось то, что она выручала от сдачи внаём комнаты со столом, и заработок её маленького сына Карла.

Хотя Карлу было только тринадцать лет, он уже работал в шахте; на его обязанности лежало открывать после прохода вагонеток с углём одну из тех заслонок, которые служат в шахте для вентиляции и правильного циркулирования воздуха. Домик, где жила бедная вдова, находился далеко от шахты Альбрехт, и мальчику было не под силу совершать каждый день такое утомительное путешествие, поэтому он ночевал в шахте и сменял конюха, который уходил вечером домой; маленький Карл оставался на его месте и присматривал за шестью лошадьми, работавшими в шахте.

Таким образом, жизнь Карла изо дня в день круглые сутки протекала на глубине пятисот метров под землёй. Днём он дежурил у вентилятора, ночью спал на соломе возле своих лошадей.

---

²⁰ **Коксовать** – превращать каменный уголь в кокс путём прокаливания без доступа воздуха. Получаемый твёрдый продукт применяется при выплавке чугуна в доменных печах, в химической промышленности.

²¹ **Милль Джон Стюарт (1806–1873)** – английский политический деятель, экономист и психолог.

Только раз в неделю, по воскресеньям, он поднимался на землю и в течение нескольких часов мог наслаждаться благами, доступными каждому человеку: солнечным светом, синевой неба и материнской улыбкой. Легко представить себе, что этот мальчик после недельного пребывания под землёй отнюдь не походил на выхоленного ребёнка. Он напоминал скорее сказочного гнома, а не то так маленького трубочиста или негритёнка. Поэтому госпожа Бауэр обычно час с лишним хорошенько отмывала его с помощью изрядного количества мыла и горячей воды. Потом она извлекала на свет из недр большого некрашеного шкафа добротный костюмчик из толстого зелёного сукна, переделанный из отцовских обносок, и, облачив в него Карла, весь день любовалась своим сынишкой, находя его краше всех на свете.

Отчищенный от угольной пыли, Карл и в самом деле выглядел не хуже других. Волосы у него были светлые, шелковистые, а на бледном, прозрачном личике сияли кроткие голубые глаза; он был очень маленького роста для своих лет. Жизнь под землёй делала его слабым и болезненным, как хилое растение, выросшее без солнечного света, в подвале. Если бы кто-нибудь взял на себя труд исследовать его кровь при помощи аппарата доктора Саразена, у него, несомненно, обнаружили бы явный недостаток красных кровяных шариков.

Характер у Карла был спокойный, несколько флегматичный, и в его манере держать себя уже обнаруживалось то молчаливое сознание собственного достоинства, присущее всем шахтёрам, которое поддерживается чувством постоянной опасности, суровым трудом и упорством, необходимым для преодоления тяжёлых и непредвиденных препятствий. Любимым занятием мальчика было, усевшись рядом с матерью за большим столом, стоявшим посреди комнаты, накалывать на картон чудовищных насекомых, которых он находил под землёй.

Тёплая и ровная атмосфера шахт имеет свою фауну, мало исследованную натуралистами; тоже можно сказать и о подземной флоре: на влажных пластах каменного угля растут причудливые зеленоватые мхи, уродливые, безымённые грибы и стелется бесформенная плесень.

Инспектор Маульсмуле, страстный энтомолог, чрезвычайно интересовался этой подземной жизнью. Он обещал мальчику, что будет давать ему серебряную монету за каждый экземпляр нового вида. Это обещание заставляло мальчугана тщательно обыскивать все закоулки шахты и постепенно развило в нём любовь к коллекционированию. Теперь он уже с увлечением собирал насекомых для собственной коллекции.

Но он увлекался не только пауками и мокрицами. В своём уединении он завёл тесную дружбу с двумя летучими мышами и полёвкой. Он утверждал, что эти его друзья были самыми умными и самыми кроткими зверьками на свете, пожалуй, умнее даже его лошадок с длинной, блестящей, как шёлк, шерстью, о которых он с восхищением рассказывал матери.

Карл особенно любил мудрого Блер-Атоля, самого старого обывателя подземной конюшни, которого шесть лет тому назад спустили на глубину пятисот метров и с тех пор ни разу не поднимали на свет божий. Теперь он уже почти совсем ослеп, но как он хорошо знал подземный лабиринт! Как уверенно поворачивал направо или налево, когда тащил вагонетку! Не было случая, чтобы Блер-Атоль когда-нибудь ошибся. Он всегда вовремя останавливался перед заслоном как раз на таком расстоянии, чтобы можно было открыть дверцу, не задев его. И каким приветливым ржанием встречал он мальчика утром и вечером, когда тот приносил ему корм! Такое доброе, ласковое, привязчивое животное!

— Ты знаешь, мама, он по-настоящему целует меня, он трётся мордой о мою щеку каждый раз, когда я подхожу к нему! — говорил Карл. — А ещё знаешь, мама, какое это для нас счастье, что Блер-Атоль так хорошо знает часы! Если бы не он, мы бы целую неделю так и не знали — утро или вечер, день или ночь у нас в шахте.

Так он болтал, сидя за столом, а госпожа Бауэр слушала его и восхищалась. Она тоже любила Блер-Атоля, к которому так привязался её мальчик, и никогда не забывала послать ему кусок сахара. Как бы ей хотелось посмотреть на этого старожилу, которого знал ещё её покойный муж! Её тянуло взглянуть на это ужасное место, где после взрыва нашли обугленный труп бедного Бауэра... Но женщин не пускали в шахты, и она должна была довольствоваться рассказами своего сына.

О, она хорошо знала его шахту, эту огромную чёрную пропасть, поглотившую её мужа!

Сколько раз она ждала его у этой огромной зияющей пасти, сколько раз следила взглядом за двойной клетью, в которой скользили вдоль каменной кладки стен бадьи, подвешенные к стальным блокам на своих тросах; как часто навевывалась она в деревянное здание у входа в шахту, заглядывала в машинное отделение, в кабинку табельщика и в другие служебные помещения! Сколько раз грелась она у огня громадной сушильни, где углекопы, выйдя из ствола, сушат свою одежду, а нетерпеливые курильщики спешат зажечь трубку! Как свыкла она с каждым стуком и скрипом этой адской двери! И как хорошо знала всех этих подземных тружеников – приёмщиков, которые отцепляли гружённые углём вагонетки, прицепщиков, сортировщиков, промывальщиков, машинистов, кочегаров, – все они проходили мимо неё, отправляясь на работу.

Она рисовала в своём воображении то, чего не могла видеть глазами, следуя мысленным взором за этой исчезающей бадьёй, набитой людьми, среди которых когда-то был её муж, а теперь её единственный ребёнок. Некоторое время до неё ещё доносились смех и голоса, но, быстро удаляясь, они слабели, затихали и, наконец, совсем смолкали в глубине. Ей казалось, что она видит, как эта клетка опускается все ниже и ниже в узком вертикальном стволе, вот она уже на глубине пятисот, шестисот метров, – какая огромная высота отделяет её от поверхности земли, вчетверо выше самой высокой пирамиды! Вот наконец клеть останавливается, рабочие спешат выйти и мигом расходятся влево и вправо по своему подземному городу: откатчики идут к своим вагонеткам, забойщики, вооружённые кайлом, в свои забои – рубить пласты, бутовщики – заменять породой извлечённые угольные сокровища, крепильщики – ставить крепления, подпирающие кровлю галерей, дорожные мастера – чинить пути, прокладывать рельсы, каменщики – выкладывать своды.

Широкая, как проспект, главная штольня идёт от центрального ствола к другому стволу на расстоянии трех-четырех километров. Оттуда под прямым углом расходятся второстепенные галереи и дальше параллельно им подсобные ходы.

Между этими галереями возвышаются чёрные стены – массивы угля или породы. И все это такими правильными квадратами, громоздкими, чёрными!

В этом лабиринте чёрных, совершенно одинаковых улиц, при свете безопасных ламп движется, копошится, снуёт взад и вперёд целая армия полуголых рабочих.

Вот что видела перед собой госпожа Бауэр, когда, оставшись одна, сидела в раздумье у камелька, глядя на огонь.

И в этом лабиринте подземных ходов она особенно ясно представляла себе тот коридор, который она знала лучше других, где её маленький Карл открывал и закрывал дверцу заслона.

Когда наступал вечер, дневная смена поднималась вверх, а в шахты спускалась ночная смена. Но её мальчик не поднимался вместе с другими. Он отправлялся в конюшню к своему любимцу Блер-Атолю, задавал коню порцию овса и сена и, усевшись возле него, принимался за свой скромный ужин, который ему присылали сверху; потом, поиграв с полёвкой, пригревшейся у его ног, и с двумя летучими мышами, кружившимися возле него, он укладывался спать тут же на подстилке из соломы.

Как ясно представляла себе все это госпожа Бауэр и как быстро, с полуслова понимала она всё, что рассказывал о своей подземной жизни маленький Карл!

– Знаешь, мама, что мне вчера сказал господин Маульсмюле? Он сказал, что если я отвечу ему правильно на все вопросы по арифметике, которые он мне задаст, то он возьмёт меня к себе в помощники, когда будет снимать план шахты, и даст мне держать нивелировочную ленту. У нас, кажется, собираются прокладывать новый штрек, чтобы соединить нашу шахту с шахтой Вебера, а ведь это очень трудно измерить все так, чтобы он вышел как раз туда, куда нужно.

– Вот как! – воскликнула обрадованная госпожа Бауэр. – Тебе сказал это сам господин Маульсмюле!

И она тут же представила себе, как её маленький Карл держит протянутую по всей галерее нивелировочную ленту, а инженер ходит с записной книжкой в руке и, справляясь со своим компасом, отмечает, где пройдёт штрек.

– Но я боюсь только, что я не все понимаю в этой арифметике, – продолжал Карл, – и мне некого попросить, чтобы мне объяснили. Вдруг я отвечу неверно.

Тут Марсель, который молча курил свою трубку, сидя на табурете возле печки, вмешался в разговор и, обратившись к Карлу, сказал:

– А ты бы мне показал, что ты там не понимаешь, – может быть, я смогу тебе объяснить.

– Вы сможете объяснить? – с сомнением в голосе спросила госпожа Бауэр.

– А что же, – сказал Марсель, – ведь не зря же я каждый день после ужина хожу на вечерние занятия. Наш учитель очень доволен мной и говорит, что я могу помогать ему заниматься с отстающими.

С этими словами Марсель прошёл к себе в комнату, принёс оттуда чистую тетрадь и, усевшись рядом с мальчиком, спросил, что ему непонятно в задаче, и так хорошо объяснил ему всё, что Карл тут же решил её без всякого труда.

С этого дня госпожа Бауэр прониклась уважением к своему жильцу, а Марсель и маленький Карл стали друзьями.

Между тем на заводе Марсель зарекомендовал себя превосходным литейщиком, и его скоро перевели во второй, а затем и в первый разряд.

Каждое утро ровно в семь часов он входил в ворота сектора «О» и каждый вечер после ужина отправлялся на вечерние занятия, которые вёл инженер Трюбнер. Геометрию, алгебру и черчение он одолевал с одинаковым усердием, и его необыкновенные успехи поражали учителя. Спустя два месяца после поступления на завод Шульце молодой рабочий Шварц заслужил репутацию самого способного и толкового работника не только у сектора «О», но и во всем Стальном городе. Рапорт, представленный о нем в конце квартала его непосредственным начальником, заканчивался следующей официальной характеристикой: «Шварц (Иоганн), двадцати шести лет, литейщик первого разряда. Считаю своим долгом обратить внимание высшей администрации на этого молодого человека, который обладает исключительными способностями и выделяется как своими теоретическими знаниями, так и практической смёткой и ярко выраженной изобретательской жилкой».

Однако, чтобы привлечь к Марселю внимание высшей администрации, понадобился совершенно необыкновенный случай; случай этот не замедлил представиться, но обстоятельства, сопутствующие ему, оказались весьма трагическими.

Как-то раз утром в воскресенье Марсель, прислушавшись к бою часов, с удивлением обнаружил, что уже пробило десять, а его маленького друга Карла все ещё нет. Он спустился вниз спросить госпожу Бауэр, не знает ли она, отчего запоздал Карл, но госпожа Бауэр сама была в страшном беспокойстве: мальчик должен был прийти из шахты по крайней мере два часа тому назад. Марсель, видя её в таком смятении, решил пойти узнать, что случилось, и направился к шахте Альбрехт.

Дорогой он встретил кое-кого из шахтёров и спросил, не видели ли они маленького Карла, но, получив от них отрицательный ответ и пожелав им *Gluck auf*, что значит буквально «счастливого вернуться наверх» (обычное приветствие немецких углекопов), отправился дальше.

Часов около одиннадцати он подошёл к шахте Альбрехт. В это воскресное утро здесь не было той оживлённой сутолоки, какая обычно бывает у входа в шахту в рабочие дни. Одна только молоденькая «модистка» (шахтёры так в шутку прозвали сортировщиц) болтала с табельщиком, которому даже в праздничные дни полагалось дежурить у шахты.

– Не заметили вы, поднялся из шахты маленький Карл Бауэр, номер сорок одна тысяча девятьсот два? – спросил его Марсель.

Табельщик заглянул в свой список и отрицательно покачал головой.

– А другого выхода из шахты нет?

– Нет, это единственный. Второй, северный выход ещё только строят.

– Тогда, значит, мальчик внизу?

– Очевидно, – отвечал табельщик, покачав головой, – но это странно. По воскресеньям там остаются только пять дежурных сторожей.

– Нельзя ли мне спуститься – узнать, не случилось ли там чего?

– Без разрешения нельзя.

– А вдруг его там завалило? – сказала молоденькая «модистка».

– Ну что там может завалиться в воскресенье? – невозмутимо ответил табельщик.

– Но всё-таки ведь надо узнать, что с ним такое, – продолжал настаивать Марсель.

– А вы обратитесь к мастеру машинного отделения, вон там в будке, если только он ещё здесь...

Мастер, к счастью, оказался на месте. В праздничном костюме, в туго накрахмаленном, точно сделанном из жести воротничке он возился с каким-то отчётом. Человек отзывчивый, серьёзный, он тотчас же откликнулся на просьбу Марселя.

– Мы сейчас вместе посмотрим, что там случилось, – сказал он и тут же распорядился, чтобы дежурный механик приготовил машину для спуска.

– А вы не захватите с собой приборы Галибера? – спросил Марсель. – Может быть, они нам пригодятся.

– Пожалуй, вы правы... Никогда нельзя знать, что может случиться под землёй.

Мастер достал из шкафа два одинаковых резервуара, похожих на сифоны, в которых на улицах Парижа продают прохладительные напитки. Это сосуды со сжатым воздухом, оканчивающиеся резиновой трубкой с роговым наконечником, который зажимают зубами. Сосуд накачивают воздухом при помощи специальных мехов. С этим запасом воздуха, зажав нос деревянными щипчиками, можно безнаказанно находиться в отравленной вредными газами атмосфере.

Надев на спину приборы, мастер с Марселем вошли в бадью, канат стал сматываться с барабана, и спуск начался. При слабом свете маленьких электрических фонариков они медленно углублялись в тёмное подземелье.

– А у вас, видно, нервы крепкие, – заметил мастер. – Новички обычно побаиваются спускаться, сидят, как кролики, жмутся на дне бадьи.

– Ну, что вы, – отвечал Марсель, – чего ж тут бояться. Правда, мне раза два-три уже приходилось спускаться в рудники.

Наконец они очутились на дне шахты. Сторож, дежуривший на площадке, сказал им, что не видел маленького Карла.

Они отправились в конюшню. Лошадям, по-видимому, наскучило стоять в одиночестве – так, по крайней мере, можно было заключить по тому радостному ржанию, каким встретил их Блер-Атоль. На стене висел брезентовый плащ Карла, а в углу, рядом со скребницей, лежал его учебник арифметики.

Марсель сейчас же заметил, что безопасной лампы Карла в конюшне нет, и, следовательно, мальчик находится где-нибудь в глубине шахты.

– Может, конечно, случится, что его где-нибудь засыпало, – сказал мастер, – но это маловероятно. Зачем ему понадобится идти в рабочие забои в воскресенье?

– А может, он пошёл охотиться за букашками, – сказал сторож. – Он за ними куда хочешь пойдёт.

Подошедший в это время конюх подтвердил эти предположения. Он видел, как Карл рано утром, часов около семи, пошёл с фонарём в шахту. Недолго думая, решили приступить к поискам. Созвали свистками дежурных сторожей, взяли большой план шахты, распределили маршрут и, вооружившись лампами, углубились в боковые галереи и ходы.

Через два часа все разветвления шахты были пройдены, и все семь человек сошлись на центральной площадке. Нигде не было обнаружено никаких признаков обвала, но и никаких следов маленького Карла.

Проголодавшийся мастер высказал предположение, что, может быть, мальчик как-нибудь незаметно давно уже поднялся наверх и сидит преспокойно дома, но Марсель уверял его, что этого не может быть, и настаивал на продолжении поисков.

– А вот это что такое? – внезапно спросил он, указывая на плане место, отмеченное пунктиром, подобно тому как географы на картах отмечают ещё не исследованные земли в Арктике.

– Это брошенная выработка. Начали было разрабатывать, да оказался очень тонкий пласт, – объяснил мастер.

– И там есть заброшенные ходы? – вскричал Марсель. – Ну, значит, там и надо искать.

Он сказал это с такой уверенностью, что никто не стал возражать, и все вместе направи-

лись к заброшенному участку.

Они вскоре достигли устья галереи; судя по мокрым, обомшелым стенкам хода, здесь уже давно не вели никаких работ. Некоторое время они не обнаруживали ничего подозрительного. Внезапно Марсель остановился и спросил:

– Никто из вас не чувствует тяжести в ногах? Слабости или дурноты? У меня вот уже несколько времени, как кружится голова. Здесь явно ощущается присутствие углекислого газа. Вы разрешите мне зажечь спичку? – обратился он к мастеру.

– Конечно, мой друг, зажигайте.

Марсель вынул из кармана спичечницу, зажёл спичку и, наклонившись, поднёс её к земле. Пламя тотчас же погасло.

– Так я и думал, – сказал он. – Газ этот, будучи тяжелее воздуха, стелется по земле. Здесь не годится оставаться, – я, конечно, имею в виду тех, у кого нет прибора Галибера. Может быть, мы с вами вдвоём осмотрим этот участок? – обратился он к мастеру.

Тот согласился. Отослав остальных, они взяли в рот наконечники своих приборов и, зажав нос деревянными щипчиками, пошли дальше по заброшенной галерее.

Через четверть часа им пришлось выйти оттуда, чтобы возобновить запас воздуха, после чего они снова продолжали свои поиски.

Наконец после третьей передышки их усилия увенчались успехом. Они увидели в глубине тусклый голубоватый свет безопасной лампы. Ускорив шаги, они направились туда.

У сырой стены неподвижно лежал уже похолодевший маленький Карл. Губы у него были синие, лицо багровое, пульс не работал.

По-видимому, он хотел поднять что-то с земли, наклонился и, вдохнув насыщенный углекислотой воздух, сразу лишился сознания.

Все усилия вернуть его к жизни оказались тщетными. Он лежал здесь уже по меньшей мере часа четыре.

На следующий день к вечеру на кладбище Штальштадта прибавилась ещё одна могила, а бедная госпожа Бауэр осталась одна-одинёшенька на белом свете.

Глава седьмая Центральный сектор

Медицинское заключение доктора Эхтернаха, главного врача шахтёрского участка Альбрехт, гласило, что смерть Карла Бауэра, № 41902, тринадцати лет от роду, «заслонщика» в галерее 228, последовала от асфиксии²² в результате отравления углекислотой, поглощённой в большом количестве дыхательными органами.

Другое, не менее учёное заключение – инженера Маульсмуле – указывало на необходимость расширить вентиляционную сеть и охватить ею участок «В» пятнадцатой зоны, где наблюдается медленное просачивание вредных газов.

Второй, краткий рапорт инженера Маульсмуле обращал внимание высшей администрации на самоотверженное поведение мастера Райера и литейщика первого разряда Иоганна Шварца.

Спустя дней десять после этого трагического случая литейщик Иоганн Шварц, войдя утром в караульную будку, чтобы снять с доски свой жетон, увидел на этой доске следующий приказ:

«Литейщику Шварцу явиться сегодня в десять часов утра в контору главного директора, центральный сектор, ворота и улица „А“. Одежда городская».

«Наконец-то! – подумал Марсель. – Долго же они думали, но хорошо, что додумались».

Из своих воскресных прогулок в окрестностях Штальштадта и разговоров с товарищами Марсель успел узнать кое-что об организации города. Он знал, что приглашения явиться в центральный сектор удостоивались немногие, и по этому поводу рассказывали всякие легенды. Говорили, что смельчаки, пытавшиеся хитростью проникнуть в запретную зону, не возвращались

---

²² Асфиксия – кислородное голодание и избыточное накопление углекислоты в организме.

обратно; что каждый рабочий и служащий, допущенный в это святая святых, подвергался всякого рода таинственным испытаниям и приносил торжественную клятву хранить все виденное и слышанное им в тайне, а нарушившего клятву судили тайным судом и карали смертью.

Святылище это соединялось с окружной линией подземной железной дорогой. По этой дороге ночью нередко прибывали таинственные гости. За высокими стенами в центральном здании происходили заседания Высшего совета, в которых эти загадочные незнакомцы принимали участие...

Марсель не очень доверял подобным разговорам и слухам, но знал, что они вызваны действительно трудным доступом в центральный сектор.

У него было немало друзей среди рабочих – и рудокопы, и углекопы, и доменщики, в формовщики, и плотники, и кузнецы, но ни один из тех, кого он знал, никогда не переступал заповедных ворот «А».

Со смешанным чувством любопытства и тайного удовлетворения Марсель в назначенный час подходил к воротам. Он сразу мог убедиться в том, что здесь поистине соблюдались все самые строгие меры предосторожности.

Прежде всего выяснилось, что его уже ждали. Два человека в серых мундирах, с саблями на боку и револьверами у пояса, стояли в караульном помещении. Это помещение, подобное келье сестры-привратницы какого-нибудь сурового монастыря, имело две двери: одну – отворявшуюся наружу, другую – внутреннюю. При этом двери никогда не отворялись одновременно.

Марсель подал пропуск; его тщательно проверили, поставили печать, а затем люди в серой форме, ни слова не говоря, завязали Марселю глаза и, подхватив его под руки, повели в неизвестном направлении.

Они прошли около трех тысяч шагов, поднялись по лестнице, перед ними распахнулась дверь, которая, впустив их, тотчас же захлопнулась, и наконец Марселю разрешили снять повязку.

Молодой человек увидел, что находится в просторной комнате, где стояло всего несколько

стульев, чёрная доска и большой чертёжный стол со всеми принадлежностями для черчения. Свет проникал в комнату через высокие окна с матовыми стёклами.

Тотчас же вслед за ними вошли два человека, напоминавшие своим видом университетских профессоров.

– Нам аттестовали вас как исключительно одарённого субъекта, – сказал один из них. – Мы намерены проэкзаменовать вас, и, если ваши знания окажутся удовлетворительными, вы будете переведены в модельный цех. Угодно вам сейчас подвергнуться испытаниям?

Марсель скромно ответил, что он готов.

Тогда оба экзаменатора по очереди стали задавать ему вопросы из химии, геометрии и алгебры. Молодой человек отвечал безошибочно и ясно; вычерченные им на доске геометрические фигуры отличались безупречной отчётливостью, строгостью и изяществом линий. Цифры его уравнений вытягивались стройными, правильными рядами, как колонны войск на параде. Одно из его решений поразило экзаменаторов своей необыкновенной тонкостью и новизной доказательства, они не замедлили выразить ему своё удивление и спросили, где он учился математике.

– На родине, в Шафгаузене, в средней школе, – скромно ответил Марсель.

– Вы, по-видимому, прекрасный чертёжник?

– Это был мой любимый предмет.

– Вы не находите, что народное образование в Швейцарии поставлено на удивительную высоту? – сказал экзаменатор, обращаясь к своему коллеге. – Так вот, мы вам даём два часа на выполнение этого чертежа, – продолжал он, повернувшись к Марселю и передавая ему схему довольно сложной паровой машины, представленной в разрезе. – Если вы проявите себя в этом так же, как проявили в устных ответах, мы дадим вам оценку «весьма удовлетворительно и вне конкурса».

И с этими словами они удалились.

Марсель, оставшись один, с жаром принялся за работу.

Ровно через два часа экзаменаторы вернулись. Чертёж Марселя, по-видимому, настолько поразили их, что они не ограничились обещанной лаконичной оценкой, а с обоюдного согласия приписали: «У нас нет чертёжников с таким исключительным дарованием».

Вслед за тем в комнату снова вошли молчаливые серые проводники и, подвергнув Марселя той же церемонии, то есть завязав ему глаза, повели его в кабинет главного директора.

– Вас рекомендуют чертёжником в модельный цех, – сказал Марселю директор. – Готовы ли вы подчиниться всем нашим правилам?

– Я их не знаю, но полагаю, что они приемлемы, – отвечал Марсель.

– Так вот. Во-первых, вам надлежит в течение всего срока вашей службы жить на территории самого цеха. Вы не можете выходить за пределы этой территории без особого разрешения, которое даётся только в исключительных случаях. Во-вторых, вы подчиняетесь военному уставу и должны беспрекословно повиноваться вашему начальству. Всякое нарушение дисциплины влечёт за собой соответствующее взыскание согласно воинскому уставу. Вам присваивается звание унтер-офицера действующей армии Стального города, и, проявляя себя достойным образом, вы можете достигнуть самых высших чинов. В-третьих, вы даёте присягу никогда никому не разглашать того, что вы увидите или услышите в отделе, где будете работать. В-четвёртых, ваша переписка будет вскрываться начальством, и вести её разрешается только с родными...

«Короче говоря, настоящая тюрьма», – подумал Марсель, но вслух сказал спокойно:

– Я нахожу эти условия справедливыми и готов им подчиниться.

– Хорошо. Поднимите руку и повторяйте за мной слова присяги... Итак, вы зачисляетесь чертёжником в четвёртый цех. Вам будет предоставлено помещение. Питаться вы будете здесь же – у нас отличная столовая. Ваши вещи с вами?

– Нет, я не знал, зачем меня вызывали. Все моё имущество у меня на квартире.

– За ним будет послано, ибо вы с этого момента не имеете права выходить за пределы этой территории.

«Хорошо, что я писал свои заметки шифром, – подумал Марсель. – Вот бы они попались им в лапы!»

К концу дня Марсель окончательно расположился в уютной комнате на четвёртом этаже огромного здания, стоявшего в глубине двора, и уже мог составить себе некоторое представление о своей будущей жизни. Она уже не казалась ему такой безотрадной, как вначале.

Его товарищи по работе, с которыми он познакомился в столовой, были по большей части спокойные, мягкие люди, всецело поглощённые своим трудом.

Чтобы внести некоторое оживление в своё чересчур монотонное существование, они организовали своими силами недурной оркестр и каждый вечер устраивали интересные концерты. В редкие часы досуга можно было пойти в библиотеку или читальню, которые предоставляли богатейший выбор научной литературы. Кроме того, при цехе были устроены специальные, обязательные для всех курсы, где занятия вели старые, опытные профессора. Время от времени слушатели подвергались испытаниям или участвовали в конкурсах. Словом, в этом ограниченном мирке не хватало только движения, воздуха, свободы. Это было своего рода закрытое учебное заведение для вполне сложившихся взрослых людей, но учебное заведение с таким суровым режимом, что, как бы ни были люди приучены к железной дисциплине, такая атмосфера не могла не действовать угнетающе.

Зима прошла в усидчивой работе, которой Марсель отдавался душой и телом. Его усердие, совершенство его чертежей и поразительные успехи по всем предметам были отмечены всеми профессорами и экзаменаторами и завоевали ему славу среди товарищей. Он считался, по общему признанию, самым талантливым, изобретательным и самым искусным чертёжником-конструктором. Возникало ли какое-нибудь затруднение – обращались к Марселю. Даже начальство, считаясь с его опытностью и знаниями, относилось к нему с невольным уважением, которое внушает к себе истинное дарование наперекор самой чёрной зависти.

Но, если Марсель, проникнув в центральный сектор Стального города, надеялся, что теперь проникнет во все его тайны, он жестоко ошибся. Вся его жизнь протекала за железной решёткой, окружавшей пространство в триста метров в диаметре.

Умственная деятельность Марселя охватывала все самые разнообразные отрасли металлургической промышленности. Практически же она ограничивалась конструкцией и чертежами паровых машин.

Он чертил машины любого размера, любой мощности, для любой отрасли производства и промышленности, начиная с военного корабля и кончая типографией. Но дальше этого он не шёл. Строжайшее разделение труда, доведённое до крайности, замыкало его, словно тиски.

После четырехмесячного пребывания в центральном секторе Марсель знал о продукции Стального города в целом не больше, чем до своего поступления сюда. Ему удалось только приобрести некоторое представление об организации этой машины, в которой он, несмотря на все свои заслуги, был не более чем ничтожным винтиком. Он знал теперь, что центром этой паутины, именуемой Штальштадтом, была так называемая «Башня быка» – циклопическая постройка, высоко вздымающаяся над всем городом. Из рассказов, которые обычно передавались шёпотом в столовой и не всегда отличались правдоподобием, Марсель узнал, что личная резиденция герра Шульце находится в основании башни и там же, в самой глубине, в центре помещается и знаменитый тайный кабинет. Рассказывали, что это большой сводчатый зал со всякими противопожарными приспособлениями, бронированный изнутри, как военное судно снаружи, что у него целая система стальных дверей с секретными скорострельными замками, которые сделали бы честь любому банку.

По общему мнению, герр Шульце заканчивал работу над новой чудовищной военной машиной неслыханной мощности, которая якобы должна обеспечить Германии владычество над всем миром.

Тщетно Марсель ломал себе голову, стараясь найти способ проникнуть в тайну профессора Шульце, тщетно придумывал он тысячи самых отчаянных планов с переодеванием и верёвочной лестницей. Он вынужден был признаться себе, что все его проекты неосуществимы. Эти мрачные толстые стены, залитые ночью потоками яркого света, охраняемые испытанной стражей, были непреодолимой преградой для всех его надежд и усилий. Но, если бы даже ему удалось каким-то чудом одолеть эту преграду, что увидел бы он за ней? Частности, только частности, ведь

всё равно ему не удалось бы раскрыть все сложные махинации этого злодейского замысла.

Но ничего! Он поклялся себе не отступать и не отступит. Если ему придётся тянуть эту лямку десять лет, он выдержит десять лет. Но пройдёт час, когда эта тайна откроется ему. Это должно случиться. А между тем благодатный город Франсевилль растёт и процветает, открывая усталым, исстрадавшимся людям новый, сияющий горизонт.

Марсель не сомневался, что это великое достижение, этот триумф латинской расы приводит Шульце в ярость и что он сейчас более, чем когда-либо, исполнен решимости привести в исполнение свои угрозы. Подтверждением этому были Штальштадт и вся деятельность этого страшного города.

Прошло несколько месяцев. Как-то раз в марте, когда Марсель в тысячный раз давал себе эту клятву Ганнибала²³, перед ним внезапно выросла серая фигура служителя и объявила ему, что его требует главный директор.

– Я получил приказ от герра Шульце, – сообщил ему этот высокий сановник, – прислать ему нашего лучшего чертёжника. Это, без сомнения, вы. Извольте сейчас же собрать ваши вещи, и вас немедленно проводят во внутренний сектор. Кроме того, имею честь вам сообщить, что вы произведены в лейтенанты.

Итак, в ту минуту, когда он уже почти готов был отчаяться, его мужественный, героический труд в силу естественного, логического хода вещей открывал ему доступ к цели.

Марсель так обрадовался, что забыл о самообладании, – лицо его просияло.

– Я счастлив сообщить вам такую прекрасную новость, – продолжал директор, – и могу только посоветовать вам и впредь держаться того пути, который вы своим усердием проложили себе. Перед вами открывается блестящее будущее. Ступайте же.

Наконец-то путём такого длительного испытания он приблизится к цели, которой поклялся достичь.

Марсель мигом уложил вещи и последовал за своими серыми провожатыми. И вот наконец он миновал последнюю преграду, и перед ним открылись единственные ворота с улицы «А», которые так долго оставались для него закрытыми. Через несколько минут он очутился у подножия неприступной «Башни быка», которая до сих пор показывала ему только свою мрачную вершину, теряющуюся в облаках.

Зрелище, открывшееся перед ним, было для него полной неожиданностью.

Представьте себе человека, который из шумного, скучного, казённого европейского учреждения внезапно перенёсся в девственный тропический лес.

Это чудо свершилось с Марселем. При этом надо заметить, что девственный лес, конечно, сильно выигрывает, когда мы знакомимся с ним по описаниям великих писателей, тогда как парк герра Шульце был поистине настоящим чудом, созданным руками человека. Кругом со всех сторон поднималась зелёная чаща – стройные пальмы, широколиственные бананы, причудливой формы кактусы; гибкие лианы, обвиваясь вокруг высоких эвкалиптов, ниспадали зелёными гирляндами или пышной, густой завесой.

Всюду пестрели прекрасные невиданные цветы. Сочные ананасы и гуавы зрели рядом с благоухающими апельсинами. Стаи колибри и райских птичек носились над головой, сверкая всеми красками своего роскошного оперения. Знойный тропический воздух был насыщен тонким благоуханием.

Марсель оглядывался по сторонам, ища глазами стеклянные крыши и калориферы, производившие это чудо, но видел только синее небо и не мог прийти в себя от изумления.

Потом он вдруг вспомнил, что где-то совсем близко отсюда находятся каменноугольные копи, где вот уже много лет происходит постоянное горение, и понял, что герр Шульце остроумно использовал при помощи металлических труб эти неистощимые запасы подземного тепла. Но и объяснив себе это чудо, он продолжал стоять как вкопанный, не в силах оторвать очарованного

---

²³ **Клятва Ганнибала** – клятва в верности какой-либо идее или делу до конца жизни. Знаменитый карфагенский полководец Ганнибал (Аннибал), живший в III веке до н.э., по преданию, девятилетним мальчиком поклялся отцу в непримиримой вражде к Риму до конца своей жизни.

взора от зелёных газонов и с упоением вдыхая пропитанный благоуханием воздух. Наконец-то он может вознаградить себя за те шесть месяцев, что он провёл взаперти, не видя ни единой травинки. Усыпанная песком аллея отлого спускалась к широкой мраморной лестнице с величественной колоннадой. За ней возвышалась тяжёлая громада массивного квадратного здания, служившего как бы пьедесталом «Башни быка». По обе стороны лестницы стояли лакеи в красных ливреях, а выше, у входа, швейцар в треуголке, с булавой в руке. Роскошные бронзовые канделябры сверкали между колоннами. Поднимаясь по ступеням, Марсель слышал у себя под ногами глухой, отдалённый шум подземной железной дороги.

Марсель назвал своё имя, и его тотчас же ввели в вестибюль, представляющий собой настоящий музей скульптуры. Но он едва успел бросить взгляд по сторонам: они уже вошли в громадный, обитый красным с золотом зал, затем во второй – чёрный с золотом и, наконец, в третий – жёлтый с золотом, где ему велели подождать. Через несколько минут двери распахнулись, и его пригласили войти в роскошный кабинет, отделанный зелёным с золотом.

Сам герр Шульце, собственной персоной, сидел за столом со своей неизменной фарфоровой трубкой в зубах, перед ним стояла громадная кружка пива. Посреди всего этого блеска и роскоши он производил впечатление грязного пятна на ярко вычищенном лаковом сапоге.

Не приподнявшись, даже не повернув головы, стальной король спросил холодно и сухо:

– Вы чертёжник?

– Да, сударь.

– Я видел ваши чертежи. Они превосходны. Но вы, по-видимому, занимались исключительно конструкцией паровых машин?

– Мне никогда не поручали ничего другого.

– Имеете ли вы хоть какое-нибудь представление о баллистике²⁴?

– Я изучал её в свободное время для собственного удовольствия.

Ответ этот, по-видимому, пришёлся по душе герру Шульце. Он удостоил поднять глаза на своего подчинённого.

– Так вот! Способны ли вы под моим руководством сделать чертёж пушки? Посмотрим, как вы справитесь с этой задачей. Не знаю, удастся ли вам заменить этого дурака Зоне, которого сегодня утром разорвало на куски из-за его неосторожного обращения с динамитом. Дубина, он чуть было всех нас не отправил на тот свет!

Нужно сознаться, что грубость и жестокость этих слов в устах герра Шульце казались вполне естественными.

Глава восьмая

Пещера дракона

Читатель, внимательно следивший за успешной карьерой молодого эльзасца, наверное, не удивится, узнав, что через несколько недель юноша сделался самым приближённым лицом герра Шульце. Стальной король не отпускал его от себя ни на минуту. Они вместе работали, вместе ели, прогуливались вдвоём в парке или сидели, покуривая, за кружкой пива.

Никогда за всю свою жизнь бывший профессор Иенского университета не встречал помощника, который пришёлся бы ему так по душе. Этот молодой человек понимал его с полуслова и с необычайной быстротой схватывал все его теоретические построения.

И это был не только искусный специалист своего дела, нет, это был усердный работник, неистощимый, талантливый изобретатель, на редкость скромный человек и при всём этом интереснейший собеседник.

Профессор Шульце был от него в полном восторге: десять раз в день он повторял про себя: «Какая находка! Истинное сокровище этот мальчишка».

Секрет был в том, что Марсель с первого взгляда безошибочно угадал характер своего

---

²⁴ **Баллистика** – наука о движении артиллерийских снарядов, мин, бомб и пуль при стрельбе.

страшного патрона. Он увидел, что господствующей чертой его характера был чудовищный, всепоглощающий эгоизм, проявлявшийся прежде всего в неукротимом, гнусном тщеславии. Стараясь во всем потворствовать этой отвратительной черте, Марсель неуклонно согласовывал с ней каждый свой поступок, каждое слово. За очень короткое время Марсель так хорошо овладел этим искусством, что Шульце в его руках был подобен инструменту в опытных руках музыканта.

Тактика заключалась в том, что он, изоцряя насколько возможно свои способности, делал все так, чтобы у Шульце всегда оставалась возможность чувствовать своё превосходство.

Так, например, делая какой-нибудь чертёж, он доводил его до совершенства, но оставлял на самом виду какую-нибудь бросающуюся в глаза, легко исправимую ошибку, на которую бывший профессор тотчас же с великим воодушевлением указывал ему. Возникала ли у Марселя какая-нибудь интересная для Шульце мысль, он старался вернуть её в разговор так, чтобы у герра Шульце создалось впечатление, что эта мысль зародилась у него самого.

Иногда Марсель даже оставлял в стороне все эти хитрости и попросту говорил:

– Герр Шульц, я набросал вам модель этого нового судна со съёмным тараном, о котором вы мне говорили.

– Я говорил? – в недоумении спрашивал герр Шульце, у которого и в мыслях не было ничего подобного.

– Ну да. Разве вы забыли? Съёмный таран, оставляющий в борту неприятельского судна веретенообразную торпеду, которая взрывается по истечении трех минут.

– Представьте, совершенно из головы вылетело. Ну оно и не удивительно – у меня столько всяких идей!

И герр Шульце со спокойной совестью приписывал себе изобретение своего ассистента.

Возможно, что сам он и не совсем верил в это. Весьма вероятно, что в глубине души он считал Марселя значительно осведомленнее и способнее себя. Но по какому-то странному сдвигу мышления, которое иногда совершается в мозгу человека, он вполне удовлетворялся видимостью превосходства и тем впечатлением, какое оно производило на других, в особенности на его подчинённого.

– А всё-таки, при всём своём уме и способностях, он сущий простофиля, этот Шварц, – нередко говорил он себе, самодовольно посмеиваясь и обнажая при этом свои чудовищные, звериные зубы.

Однако главным источником удовлетворения его ненасытного тщеславия было то, что он, один он во всем мире, мог осуществить эти технические изобретения, эти удивительные, смелые фантазии. Только благодаря ему и только для него, для него одного, они воплощались в действительность. Марсель в конечном счёте был всего лишь одним из полезных винтиков того мощного механизма, создание которого принадлежит ему, Шульце.

И как ни тесно было его сотрудничество с Марселем, герр Шульце никогда не посвящал его в свои планы. После пяти месяцев пребывания в «Башне быка» тайны центрального сектора были все так же непроницаемы для Марселя. Правда, кое-какие из его предположений обратились в уверенность. С каждым днём он все больше убеждался, что в Штальштадте действительно существует некая тайна и что деятельность герра Шульце ставит себе целью не только наживу. Его теоретические занятия и самый характер его производства вполне определённо указывали на то, что он изобрёл какую-то новую военную машину.

Но ключ к этой тайне никак не удавалось подобрать.

Время шло, и Марсель в конце концов вынужден был сказать себе, что ожиданием он ничего не добьётся и только какой-нибудь исключительный случай может дать ему возможность проникнуть в эту тайну. А так как случай заставлял себя ждать, он решил создать его сам.

Вечером 5 сентября он сидел с герром Шульце за обедом. Ровно год тому назад, в этот самый день, Марсель нашёл в шахте Альбрехт труп своего маленького приятеля Карла. Рано наступающая суровая зима в этой американской Швейцарии уже успела окутать окрестности своим белым покровом. Но в парке Штальштадта воздух был тёплый, как в июне, и хлопья снега, тая на лету, ложились на землю обильной свежей росой.

– А сосиски с капустой сегодня были недурны, – мечтательно промолвил герр Шульце, который при всех своих миллионах не утратил привязанности к своему излюбленному кушанью.

– Да, изумительны! – подхватил Марсель, который с мужественным терпением каждый день ел эти до смерти опротивевшие ему сосиски. Он почувствовал, как у него поднимается тошнота, и, должно быть, это чувство заставило его решиться доделать, не откладывая, задуманный им опыт.

– Я иногда думаю, – со вздохом продолжал герр Шульце, – как это люди, которые живут в странах, где нет ни пива, ни сосисок, ни капусты, могут мириться с таким жалким существованием.

– Да, конечно, такая жизнь – сплошное мучение, – поддакнул Марсель. – По-моему, было бы высшим актом гуманности присоединить их всех к Фатерланду.

– А что ж, так оно и будет, так и будет! – воскликнул герр Шульце. – Вот мы уже сейчас в самом центре Америки. Дайте нам только занять островок-другой поближе к Японии, и вы увидите, как быстро мы приберём к рукам весь земной шар.

Лакей подал им трубки. Герр Шульце не спеша набил трубку, раскурил её и, откинувшись на спинку кресла, погрузился в полное блаженство. Марсель только и ждал этой минуты.

– Признаться, не очень я верю в возможность такого завоевания, – сказал он, помолчав.

– Какого завоевания? – с удивлением спросил герр Шульце, который уже успел забыть, о чём они говорили.

– Да вот, завоевания немцами всего мира.

Бывшему профессору Иенского университета показалось, что он ослышался.

– Вы не верите в то, что немцы завоюют мир?

– Не верю.

– Нет, это прямо поразительно! Может быть, вы соблаговолите изложить причины вашего неверия?

– Причина, на мой взгляд, самая простая. Мне кажется, это не может произойти потому, что французская артиллерия в конце концов обгонит вас и возьмёт над вами верх. Мои соотечественники, которые хорошо знают французов, считают, что француз, которого раз проучили, стоит двоих. Урок тысяча восемьсот семидесятого года обернётся против тех, кто его дал. У меня на родине, в моей маленькой стране, сударь, в этом никто не сомневается, и, уж если говорить все до конца, того же мнения держатся и наиболее дальновидные люди Англии.

Марсель произнёс эти слова холодным, сухим, резким тоном, который должен был насколько возможно усилить действие этого неслыханного оскорбления, нанесённого ни с того ни с сего стальному королю.

Герр Шульце сидел ошеломлённый, неподвижный, задыхающийся. Вся кровь хлынула ему в лицо, так что Марсель даже испугался, не зашёл ли он слишком далеко.

Но, видя, что его жертва хоть и задохнулась от бешенства, но не испустила дух, он снова заговорил:

– Да, как ни грустно, но это так. А если наши соперники не поднимают столько шума, как мы, из этого не следует, что они не делают дела. Вы думаете, эта война ничему их не научила? Можете быть уверены, что в то время, как мы с тупым упорством стремимся только к одному – увеличить вес наших орудий, они готовят что-то новенькое и покажут нам свою новинку при первом же удобном случае.

– Готовят новинку! Новинку! – пробормотал герр Шульце. – Позвольте, а мы что же, этого не делаем?

– Вот в этом-то вся и штука, что нет. Мы отливаем из стали то, что наши предшественники мастерили из бронзы, вот и всё! И удваиваем размеры и дальноточность наших орудий.

– «Удваиваем!» – с негодованием воскликнул герр Шульце.

– Да, по сути дела, – невозмутимо продолжал Марсель, – мы не что иное, как жалкие подражатели. Хотите знать правду? Вся беда в том, что нам недостаёт изобретательской жилки. Нам никогда ничего нового не выдумать, а у французов есть выдумка, с этим никто спорить не станет.

Герр Шульце внешне овладел собой. Но по тому, как дрожали его губы, по багровым пятнам, проступавшим на его побледневшем лице, можно было судить о том, как он потрясён.

Дойти до такого унижения! Ему, Шульце, создателю и собственнику величайшего в мире пушечного завода, ему, который видел у своих ног королей и парламенты, выслушивать от какого-то жалкого швейцарца-чертёжника, что у него, стального короля Шульце, не хватает выдумки, что его побьёт французский артиллерист!!! И это говорится здесь, где рядом за стальной обшивкой толстой блиндированной стены находится нечто, чем он может припереть к стене этого наглого мальчишку, заткнуть ему рот, свести на нет все эти идиотские рассуждения! Нет, этого он не может стерпеть!

Герр Шульце так внезапно сорвался с места, что трубка его полетела на пол и разбилась. Окинув Марселя язвительным, уничтожающим взглядом, он сжал челюсти и прошипел сквозь зубы:

– Идёмте, сударь! Вы сейчас собственными глазами изволите убедиться, как у герра Шульце не хватает выдумки.

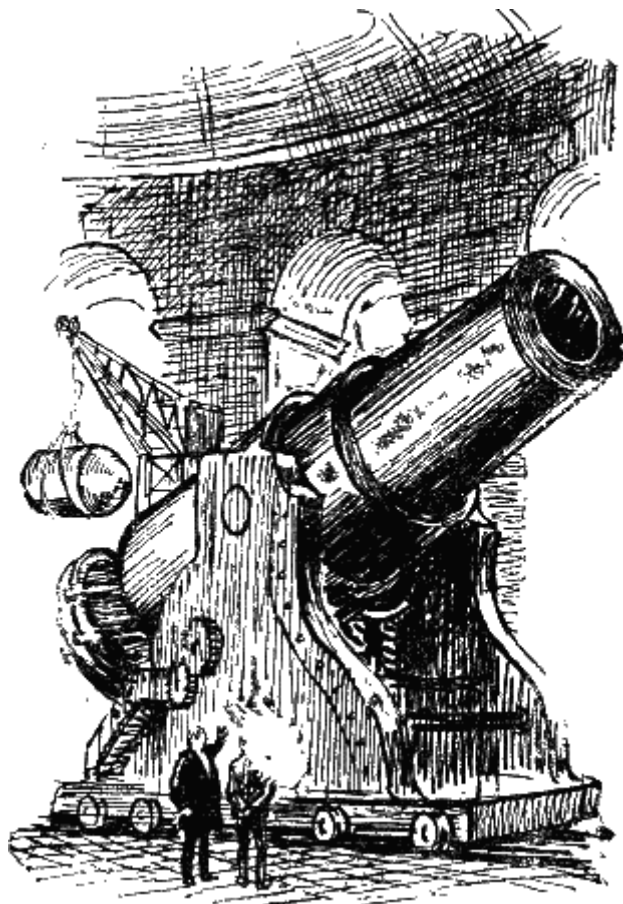
Марсель затеял опасную игру, но он выиграл. Выиграл потому, что ему удалось сначала ошеломить Шульце своим неожиданным дерзким заявлением, а потом, не давая ему времени опомниться, привести его в полное исступление. Ибо, когда у Шульце было задето тщеславие, он забывал думать об осторожности. Теперь ему уже не терпелось поделиться своей тайной.

Он вошёл в кабинет и, пропустив Марселя вперёд, тщательно запер за собой дверь; потом подошёл к книжным шкафам и прикоснулся к одной из полок – в стене тотчас же открылся узкий проход, замаскированный рядами книг; он выходил на каменную лестницу, которая вела до самого подножия «Башни быка». Они очутились перед тяжёлой дубовой дверью; Шульце отпер её небольшим ключиком, который всегда носил при себе. За этой дверью оказалась вторая, из кованого железа, запертая сложным замком с шифром, – такими замками запирают несгораемые шкафы. Шульце составил слово и отворил тяжёлую железную створку со сложным автоматическим приспособлением с внутренней стороны, взрывающимся от прикосновения. Марсель из чисто профессионального любопытства хотел было рассмотреть поближе этот механизм, но спутник его не дал ему на это времени.

Они очутились перед третьей дверью, без всякого наружного запора, открывшейся от простого нажима, произведённого, разумеется, по какому-то определённом способу.

Преодолев эти три преграды, они поднялись на двести ступеней по чугунной лестнице, которая привела их на вершину «Башни быка», поднимавшейся высоко над городом.

Верхняя площадка этой несокрушимой гранитной башни представляла собой нечто вроде круглого каземата с узкими бойницами в стенах. В самом центре этого каземата стояла громадная стальная пушка.

– Вот, – сказал профессор, который за все время, пока они шли, не проронил ни слова.

Пушка представляла собой самое большое осадное орудие, какое когда-либо видел Марсель. Веса она по меньшей мере триста тысяч тонн и заряжалась с казённой части. Жерло её имело в диаметре полтора метра. Установленная на стальном лафете, она скользила на стальных ползунах и двигалась с такой лёгкостью при помощи системы шестерён, что управлять ею мог бы и ребёнок. Система стабилизаторов с задней стороны лафета ослабляла отдачу и после каждого выстрела автоматически возвращала орудие в его первоначальное положение.

– А какова пробойная сила этой штуки? – спросил Марсель, невольно залюбовавшись этим стальным чудом.

– Полным зарядом на расстоянии двадцати километров это орудие пробивает сорокадюймовую плиту с такой лёгкостью, как если бы это был бутерброд.

– А дальнбойность?

– Дальнбойность! – воодушевляясь, вскричал Шульце. – Вот вы только что говорили, что мы, жалкие подражатели, можем только удваивать вес и дальнбойность наших пушек. Так вот, из этой пушечки я берусь с достаточной точностью отправить снаряд на расстояние сорока километров.

– Сорок километров! – вскричал поражённый Марсель. – Вы, вероятно, пользуетесь каким-то новым порохом?

– О, я теперь могу вам все рассказать, – каким-то загадочным тоном ответил Шульце. – Теперь я могу без всяких опасений посвятить вас во все тайны. Да, крупнозернистый порох отжил свой век. Я употребляю пироксилин²⁵. Его взрывчатая сила в четыре раза превышает силу чёрного пороха. И я ещё увеличиваю её впятеро, прибавляя на восемь десятых пироксилина две десятых нитроглицерина²⁶.

---

²⁵ **Пироксилин** – химическое вещество, из которого изготавливается так называемый бездымный порох.

²⁶ **Нитроглицерин** – одно из сильнейших в мире взрывчатых веществ. Из-за своей неустойчивости применяется лишь как примесь во взрывчатых составах.

– Но разве может какое-нибудь орудие, будь оно из самой высококачественной стали, выдержать давление такого взрыва? – усомнился Марсель. – После трех-четырех выстрелов ваша пушка износится и придёт в совершенно негодное состояние.

– Пусть она выстрелит только один-единственный раз – этого будет достаточно.

– Дорого обойдётся вам такой выстрел!

– Один миллион – столько, сколько обошлось мне это орудие.

– Миллион за один выстрел?

– Ну что ж, если он произведёт разрушений на миллиард!

– На миллиард! – повторил Марсель, но тут же, спохватившись, подавил восклицание ужаса, смешанного с невольным восхищением этим смертоносным орудием. Сделав над собой усилие, он сказал спокойным голосом: – Да, это, конечно, замечательное орудие, но при всех своих несомненных достоинствах оно как раз подтверждает мою мысль: усовершенствование, подражание, но ничего нового.

– «Ничего нового»! – фыркнул герр Шульце, насмешливо пожимая плечами. – Ну хорошо. Я, кажется, вам уже говорил, что у меня от вас нет никаких тайн. Идёмте.

Они вышли из каземата и при помощи гидравлической подъёмной машины спустились в нижний этаж. Здесь, в большом зале, на полу стояли ряды продолговатых, цилиндрической формы предметов, которые издали можно было принять за снятые с лафетов пушки.

– Вот наши снаряды, – сказал герр Шульце.

На этот раз Марсель должен был признать, что ничего подобного ему никогда не приходилось видеть.

Это были громадные цилиндры двух с половиной метров длины и метр с лишним в диаметре, в свинцовой оболочке, на которой легко отпечатывались нарезы орудия, сзади цилиндр был закрыт стальным диском, закреплённым болтом, а спереди оканчивался стальным сигарообразным наконечником, снабжённым ударником.

Трудно было определить по наружному виду, в чём заключались особые свойства этих снарядов, но, глядя на них, чувствовалось, что они таят в себе такую страшную разрушительную силу, какой ещё не видывал мир.

– Что, не догадываетесь? – спросил герр Шульце, видя недоумение Марсея.

– Нет, честно признаюсь, не понимаю, зачем нужен такой длинный и такой, если судить по виду, тяжёлый снаряд.

– Вид обманчив, – сказал Шульце. – Вес его мало чем отличается от веса обыкновенного снаряда такого же калибра. Но я вам сейчас расскажу. Это снаряд-ракета из стекла в дубовой обшивке, заряженный под давлением в семьдесят две атмосферы жидкой углекислотой. При падении свинцовая оболочка разрывается, и жидкость превращается в газ. В результате этого температура в окружающей зоне понижается на сто градусов ниже нуля, и вместе с тем огромное количество углекислого газа распространяется в воздухе. Всякое живое существо, находящееся в пределах тридцати метров от места взрыва, должно неминуемо погибнуть от этой леденящей температуры и от удушья. Тридцать метров – это, так сказать, исходная цифра, на самом же деле действие снаряда охватывает, вероятно, значительно большую площадь, примерно сто, двести метров в окружности. Тут надо учесть ещё одно благоприятное для нас обстоятельство, а именно то, что углекислый газ благодаря своей тяжести надолго задерживается в нижних слоях атмосферы, в силу чего охваченная его действием зона остаётся заражённой в течение нескольких часов после взрыва и всякое существо, осмеливающееся проникнуть туда, погибает. Как видите, выстрел из моей пушки даёт двоякий результат – мгновенный и длительный! И при этом раненых не бывает – одни трупы.

Профессор Шульце явно наслаждался, расписывая достоинства своего изобретения. К нему вернулось его прекрасное настроение, он раскраснелся, он весь сиял от гордости и показывал все свои тридцать два зуба.

– Представьте себе, – продолжал он, – несколько таких орудий, жерла которых направлены на осаждённый город. Предположим, что на каждый гектар поверхности требуется одна пушка. Тогда, значит, для уничтожения города в тысячу гектаров надо располагать сотней батарей по

десяти орудий в каждой. И вот вообразите себе все наши орудия на местах, для каждого выбрана цель, погода благоприятная, ясная. По электрическому проводу даётся общий сигнал – и в одну минуту на площади в тысячу гектаров не останется ни одного живого существа! Целый океан углекислоты затопит город! А знаете, что навело меня на эту мысль? Медицинский отчёт о смерти мальчика-шахтёра в шахте Альбрехт в прошлом году. Правда, что-то в этом роде мне мерещилось ещё в Неаполе, когда я осматривал «Собачий грот». Но только после этого случая моя мысль обрела подходящий импульс. Ну-с, вам теперь ясен принцип моего изобретения? Искусственно созданный океан чистой углекислоты! Целый океан! А ведь известно, что присутствие одной пятой этого газа в воздухе уже делает его непригодным для дыхания.

Марсель стоял молча. Ему в сущности нечего было сказать. Герр Шульце наслаждался полным торжеством, поэтому он даже несколько смягчился.

– Меня только одно не удовлетворяет, – сказал он.

– Что именно? – спросил Марсель.

– А то, что мне не удаётся добиться того, чтобы выстрел и взрыв были совершенно бесшумны. Досадно, что выстрел из моего орудия слишком напоминает выстрел самой обыкновенной пушки. Подумайте только, что было бы, если б и то и другое происходило совершенно бесшумно! Эта неожиданная смерть, которая прилетает беззвучно ясной, тихой ночью и настигает внезапно сотни тысяч людей...

Воображаемая картина так увлекла герра Шульце, что он замолчал, поглощённый своей мечтой, которая, в сущности, была не чем иным, как манией величия. Марсель неожиданно вывел его из этого блаженного состояния.

– Все это, конечно, превосходно, действительно превосходно, – сказал он. – Но соорудить тысячу таких пушек – на это нужно время и деньги.

– Деньги? Денег у нас хватит! А время? Временем распоряжаемся мы.

Этот немец, истинный представитель своей нации, говорил с полным убеждением, искренне веря своим словам.

– Допустим, – продолжал Марсель. – Конечно, ваш снаряд, наполненный углекислотой, не такая уж новинка – снаряды с удушливыми газами были изобретены уже давно, но что касается его разрушительной силы, она чудовищна, с этим спорить не приходится. Тут только...

– Что – только?

– Не слишком ли мал его удельный вес? Пролетит ли он сорок километров?

– С меня достаточно, если он пролетит восемь, – усмехаясь, ответил герр Шульце. – Но вот, – добавил он, показывая на другую бомбу, – вот вам чугунный снаряд. Он с начинкой. Эта начинка представляет собою сотню маленьких, симметрично расположенных пушечек, которые входят одна в другую наподобие цилиндров в подозрной трубе. Эти пушечки, которые после взрыва разлетаются, как снаряды, через мгновение выбрасывают из себя маленькие бомбы с зажигательными веществами. Это всё равно как если бы я бросил в пространство целую батарею, способную охватить пожаром и смертью весь город, объять его со всех сторон бушующим, неугасимым огнём. И вес этого снаряда рассчитан точно – как раз на сорок километров! Вскоре я произведу один опыт, и тогда те, что сомневаются, смогут собственными руками ощупать сотни тысяч трупов, которые мой снаряд уложит на месте.

Чудовищные зубы Шульце так и сверкали. Марсель с наслаждением выбил бы ему пяток-другой. Но, сделав над собой усилие, он сдержался. Он узнал ещё далеко не всё, что ему было нужно.

– Да, – повторил герр Шульце, – скоро мы произведём решительный опыт.

– Как? Где? – вскричал Марсель.

– Как? Да вот при помощи одного из этих снарядов, который, будучи выпущен из моего орудия, перелетит горный кряж Каскад-Маунтс. Вы спрашиваете, где будет произведён опыт? Над городом, который лежит от нас на расстоянии сорока километров. Город этот не ожидает, что на него обрушится такой громовой удар, а если бы даже и ожидал, ему нечем защитить себя от его испепеляющей силы. Нынче у нас пятое сентября, так вот, тринадцатого сентября, в один-

надцать сорок пять вечера, Франсевилль исчезнет с лица земли! Его постигнет участь Содома²⁷. Профессор Шульце низринет на него пламя с небес.

Марсель от этого неожиданного заявления весь похолодел. К счастью, Шульце не заметил впечатления, какое произвели на слушателя его слова, и продолжал с жаром:

– Мы здесь, в Штальштадте, делаем как раз обратное тому, что делают изобретатели Франсевилля. Мы стремимся сократить человеческую жизнь, тогда как они изыскивают способы продлить её. Но их усилия обречены на гибель, и только смерть, которую мы ниспошлём на них, даст место новой жизни. Однако все в природе имеет свой смысл, и доктор Саразен, основав свой город, предоставил мне, сам того не зная, прекрасный материал для опытов.

Марсель слушал его и не верил своим ушам.

– Но, сударь, – вымолвил он наконец с невольной дрожью в голосе, которая как будто на мгновение привлекла внимание стального короля, – ведь жители Франсевилля не сделали вам ничего дурного! Насколько мне известно, у вас нет повода искать с ними ссоры.

– Дорогой мой, – отвечал Шульце, – в вашем, вообще говоря, недурно устроенном мозгу сохранились кое-какие вздорные кельтские идеи, и, если бы вам предстояла долгая жизнь, они могли бы сильно повредить вам. Добро, зло, право – все это вещи относительные и весьма условные. В мире нет ничего абсолютного, за исключением великих законов природы. Один из этих законов – борьба за существование – столь же непреложный, как закон всемирного тяготения. Пытаться уклониться от него бессмысленно. Надо жить и действовать так, как он нам диктует. И вот потому-то я и уничтожу город доктора Саразена. С помощью моей пушки пятьдесят тысяч германцев без труда отправят на тот свет сто тысяч жалких мечтателей, ибо эта порода обречена на гибель.

Марсель понял, что пытаться отговорить герра Шульце от его преступной затеи – дело бесполезное. Они вышли из зала снарядов. Герр Шульце запер за собой дверь секретным запором, и они вернулись в столовую.

Герр Шульце уселся в кресло, спокойно поднёс к губам кружку пива, позвонил и приказал подать себе новую трубку взамен разбитой.

– Арминий и Сигимер²⁸ здесь? – спросил он лакея.

– Здесь, господин Шульце.

– Скажите им, чтобы они никуда не уходили.

Когда слуга вышел, стальной король повернулся к Марселю и пристально посмотрел ему в лицо. Марсель спокойно выдержал этот холодный, непроницаемый взгляд.

– Вы серьёзно намереваетесь привести в исполнение то, что задумали? – спросил он.

– Совершенно серьёзно. Мне известны до одной десятой секунды широта и долгота Франсевилля. Тринадцатого сентября в одиннадцать часов сорок пять минут вечера он прекратит своё существование.

– Лучше вам было бы держать про себя подобный проект.

– Вы, дорогой мой, по-видимому, абсолютно не способны мыслить логически. Поэтому мне не так уж приходится жалеть, что смерть постигнет вас в таком юном возрасте.

Марсель при этих словах поднялся с места.

– Неужели вам не ясно, – невозмутимо продолжал герр Шульце, – что если я позволил себе кому-то рассказать о своих проектах, так, значит, я уверен, что этот человек никогда не сможет рассказать того, что он от меня услышал.

Он позвонил, и тотчас же в дверях появились два гиганта – Арминий и Сигимер.

---

²⁷ **Содом** – по библейской легенде, древнепалестинский город, жители которого, как и жители Гоморры, прогневляли бога своим беспутным поведением. Содом и Гоморра были уничтожены землетрясением и огненным дождём.

²⁸ **Арминий и Сигимер**. – Арминий – сын Сигимера, предводитель древних германцев, нанёс сильнейшее поражение римским войскам в битве в Тевтобургском лесу (I век н.э.).

– Вам хотелось проникнуть в мою тайну, – сказал герр Шульце. – Ну вот, ваше желание удовлетворено. А теперь вы должны умереть.

Марсель безмолвствовал.

– Вы достаточно умны и вряд ли могли предполагать, что после того, как я открыл вам свою тайну, я позволю вам жить. Это было бы с моей стороны непростительным легкомыслием, полным отсутствием логики. Цель, которую я ставлю перед собой, столь грандиозна, что я не могу рисковать успехом дела из-за таких, можно сказать, ничтожных соображений, как жизнь одного человека – даже такого человека, как вы, дорогой мой, чьи умственные способности я высоко ценю. Признаться, я сейчас очень жалею, что моё уязвлённое самолюбие толкнуло меня на излишнюю откровенность и теперь ставит перед необходимостью вас уничтожить. Но вы должны сами понимать: когда перед человеком стоит такая цель, какую я поставил перед собой, ни о каком личном чувстве не может быть речи. Могу вам сказать теперь, что ваш предшественник, Зоне, погиб не от взрыва динамита, а от того, что он проник в мою тайну. Так что вы видите, это правило без исключений, я не могу от него отступить. Ничего не поделаешь.

Марсель молча смотрел на герра Шульце. По его тону, по животному упрямству, написанному на этом низком плешивом лбу, он понял, что для него все кончено. Поэтому он даже не пытался возражать.

– Когда я должен умереть и каким образом? – спросил он.

– Насчёт этого вы можете не беспокоиться, – спокойно ответил Шульце. – Вы умрёте без всяких мучений. В одно прекрасное утро вы не проснётесь, и все.

По знаку стального короля Марселя взяли под стражу и проводили в его комнату. Гиганты Арминий и Сигимер стали на часах у дверей.

Марсель, оставшись один, перестал сдерживаться. Задыхаясь от гнева и отчаяния, он думал о докторе Саразене и других близких ему людях, о своих соотечественниках, о всех тех, кто был ему дорог.

– Смерти я не боюсь, умереть не страшно, – говорил он себе. – Но как предотвратить эту страшную угрозу, которая нависла над ними?

Глава девятая Побег

Положение поистине было безвыходное. Что мог сделать Марсель, когда часы его жизни были сочтены и надвигавшаяся ночь, быть может, была для него последней?

Он не мог уснуть, охваченный мучительной тревогой. Но он думал не о себе, не о том, что

он каждую минуту может расстаться с жизнью, что вот он, может быть, уснёт и не проснётся, как сказал Шульце. Нет. Все мысли его были устремлены к Франсевиллю.

«Что делать? – спрашивал он себя в сотый раз. – Уничтожить чудовищную пушку? Взорвать башню с казематом? Но как это сделать? И если бы даже мне удалось каким-нибудь чудом бежать из этого проклятого города, как я могу успеть до тринадцатого числа помешать Шульце осуществить его страшную затею? Ах, нет! Я всё-таки мог бы если не спасти самый город, то по крайней мере хоть предупредить его жителей, крикнуть им „Спасайтесь! Бегите отсюда без оглядки! Вам грозит смерть! На вас низринется огонь и железо“.

Потом мысли его вдруг принимали другое направление.

«Этот гнусный негодяй Шульце! – думал он. – Если допустить даже, что он преувеличивает разрушительную силу своих снарядов и они не могут объять пламенем сразу целый город, все же достаточно одного выстрела, чтобы в Франсевилле вспыхнуло несколько пожаров. Чудовищное изобретение! Расстояние, разделяющее оба города, для него не препятствие. Подумать только, начальная скорость в двадцать раз превышает достигнутую до сих пор – что-то около десяти тысяч метров в секунду! Ведь это почти треть той скорости, с которой Земля несётся по своей орбите. Может ли это быть? Увы да. И если только это проклятое орудие не разорвётся при первом выстреле... А оно не разорвётся! Нет! Я знаю металл, из которого оно сделано. Его сопротивление на разрыв почти не имеет предела. И ведь этот мерзавец безошибочно знает расположение Франсевилля. И, не выходя из своей берлоги, он с математической точностью наведёт свою чудовищную пушку и пошлёт снаряд в самый центр города. Как предупредить несчастных жителей?»

С рассветом Марсель поднялся, так и не сомкнув глаз всю ночь.

– Итак, казнь отложена до следующей ночи. Этот палач, по-видимому, решил ждать, пока я не засну от усталости, чтобы отправить меня на тот свет без мучений. Но какой же род смерти придумал он для меня? Может быть, он даст мне вдохнуть синильной кислоты во время сна? Или пустит в мою комнату углекислый газ? А может быть, применят этот газ в жидком состоянии, в каком он вводит его в свои стеклянные снаряды, и заморозит меня? И завтра вместо этого тела, полного жизни и силы, будет лежать оледеневший труп, недвижимый истукан... А, злобное животное! Ты хочешь остановить биение моего сердца, отнять у меня жизнь? Что ж, я готов умереть, лишь бы доктор Саразен и его семейство, лишь бы моя маленькая Жанна остались живы. А для этого мне надо бежать. Я должен, должен бежать, и я убегу!

Произнося эти слова, Марсель машинально взялся за ручку двери.

К его крайнему удивлению, дверь отворилась, он беспрепятственно спустился по лестнице и вышел в сад.

«По-видимому, меня решили не запирать в комнате, – подумал он. – Хотя я и узник, но могу двигаться по всему сектору. Это уже много легче».

Но едва только Марсель сделал несколько шагов, как позади него выросли две громадные тени, два гиганта, носившие столь громкие исторические или, вернее, доисторические, имена: Арминий и Сигимер.

Встречая их раньше, Марсель не раз спрашивал себя, какую службу могут нести эти краснорожие, бородатые великаны с бычьими шеями, с геркулесовскими мускулами, неизменно одетые в серые казакины.

Теперь он узнал, в чём состоит их служба. Это были личные телохранители Шульце, вершители его правосудия, палачи и тюремщики.

В течение всего дня они не спускали с него глаз, они стояли на часах у дверей его комнаты, следовали за ним по пятам, когда он выходил в парк. Они были буквально увешаны оружием – револьверами, пистолетами, кинжалами. При всём этом они были немые как рыбы. Все попытки Марселя вступить с ними в разговор оказались безуспешными. Ответом ему были только свирепые взгляды. Даже его попытка угостить их пивом, против чего, как ему казалось, они не могли устоять, не увенчалась успехом.

Целый день наблюдал Марсель за этими церберами²⁹ и обнаружил у них только одну сла-

---

²⁹ В греческой мифологии *Цербер* – трехголовый злой пёс с хвостом и гривой из змей, охраняющий вход в цар-

бость: это были трубки, которых они не вынимали изо рта. Нельзя ли было воспользоваться этой единственной слабостью для своего спасения? Марсель невольно остановился на этой мысли. Поклявшись бежать, он ещё не знал, каким образом приведёт в исполнение своё намерение, но решил не пренебрегать ничем, не упускать ни малейшей возможности.

И это надо было сделать как можно скорее. Но как же это сделать?

Он знал, что любая попытка к бегству приведёт только к тому, что он получит две пули в голову. Но, если даже предположить, что ему удастся избежать этих пуль, всё равно ведь его окружает тройное кольцо крепостных стен, тройной караул.

По старой привычке, приобретённой в Центральной школе, Марсель поставил себе вопрос о бегстве в форме математической задачи.

«Если человек находится под охраной двух молодцов без совести и сострадания, причём оба они сильнее его и вооружены до зубов, что он должен сделать? Прежде всего ему необходимо уйти от бдительности этих аргусов³⁰. После того как первый шаг будет сделан, ему предстоит выбраться из этой крепости, все выходы которой строго охраняются...»

Марсель без конца ломал себе голову над этой задачей и никак не мог найти способа решения.

Но вдруг его осенило. Случай ли пришёл ему на помощь или, подстёгиваемый нависшей над ним опасностью, он проявил сверхчеловеческую изобретательность – сказать трудно. Но, как бы там ни было, во всяком случае это была счастливая находка.

Прогуливаясь днём в парке, Марсель случайно обратил внимание на невзрачный кустик с острыми продолговатыми листьями и большими красными цветами в форме колокольчиков на длинных стебельках.

Марселю никогда не приходилось всерьёз заниматься ботаникой, но все же ему показалось, что он узнает в этом растении характерные признаки семейства пасленовых. Желая себя проверить, он сорвал листочек и попробовал его пожевать.

Он не ошибся. Свинцовая тяжесть во всем теле, приступы тошноты – все это указывало на то, что у него под рукой находился естественный источник белладонны, сильнейшего наркотического средства.

Продолжая свою прогулку, он подошёл к небольшому искусственному озеру, которое с южной стороны низвергалось водопадом, точно скопированным с водопада в Булонском лесу.

«Куда стекает вода этого водопада?» – заинтересовался Марсель.

Она сбегала в небольшую речку, которая после нескольких крутых поворотов исчезала у ограды парка.

По-видимому, где-нибудь поблизости находился сток, и речка, вливаясь в него, уходила в один из больших подземных каналов, орошающих долину за пределами Штальштадта.

Марсель подумал, что эта речка может быть для него выходом. Разумеется, это не были широко раскрытые ворота, но все же это была лазейка, через которую можно было ускользнуть.

«А что, если канал отгорожен железной решёткой?» – благоразумно шепнул ему робкий голос осторожности.

«Кто не рискует, тот не выигрывает, – возразил другой, насмешливый голос – голос, который диктует нам самые отчаянные решения. – Ведь не для притирки пробок изобретён напильник. У тебя в лаборатории их целая коллекция».

Итак, Марсель принял решение. Идея была блестящая, смелая идея, быть может, она и неосуществима, но он все же попытается привести её в исполнение, если только смерть не настигнет его раньше.

Он не спеша вернулся к кустарнику с красными цветами, нагнулся к нему и под внимательными взорами своих стражей сорвал несколько листочков.

ство мёртвых.

³⁰ **Аргус** – бдительный, неусыпный страж. В греческой мифологии Аргус – многоглазый великан, вечно находящийся на страже: даже когда он спит, часть его глаз бодрствует.

Затем, вернувшись к себе в комнату, он опять-таки на виду у своих тюремщиков высушил листья над огнём, растёр их между пальцами и смешал с табаком.

Прошло шесть дней, а Марсель, к крайнему своему удивлению, просыпался каждое утро живым и невредимым. Могло ли это означать, что герр Шульце, которого он больше не видел с того памятного дня, отказался от своего намерения разделаться с ним? Нет, вряд ли можно было ожидать этого от герра Шульце, а ещё того меньше, чтобы он отказался от своего проекта уничтожить Франсевилль.

Но пока что, пользуясь этой неожиданной отсрочкой, Марсель каждый день проделывал тот же фокус с табаком. Разумеется, он не курил белладонну и постоянно носил при себе два пакета с табаком: один для своего личного пользования, а другой – для своих манипуляций, которые, по его расчётам, должны были возбудить любопытство таких завзятых курильщиков, как Арминий и Сигимер, и заставить их последовать его примеру.

Расчёт его оказался верным, и ожидаемый результат наступил, так сказать, механически. Утром на шестой день – это был канун рокового 13 сентября – Марсель бродил по парку и, украдкой поглядывая на своих стражей, увидел, как они остановились около куста с красными цветами, чтобы нарвать листьев.

Час спустя он уже имел удовольствие наблюдать, как они сушили их над огнём, потом растёрли своими грубыми ладонями и смешали с табаком. По их лицам видно было, что они уже предвкушают наслаждение покурить эту замечательную смесь.

Похоже, что первый шаг на пути к бегству оказался удачным. Если аргусы будут усыплены, Марсель на некоторое время освободится от надзора. Но это было ещё далеко не все. Надо было найти способ проникнуть через сток в канал и проплыть по этому каналу, хотя бы он тянулся на несколько километров. Марселю казалось, что он нашёл такой способ. Правда, шансы на спасение были невелики, но так или иначе жизнь его висела на волоске, и он решил рискнуть.

Настал вечер, подали ужин, а после ужина неразлучное трио, перед тем как отойти ко сну, отправилось в парк.

Марсель, не теряя времени, спокойно направился в глубину парка, к стоящему в уединении флигелю, где находилась мастерская моделей; здесь он уселся на садовую скамью, достал трубку, не спеша набил её и закурил.

Арминий и Сигимер тотчас же расположились на соседней скамье. Трубки у них были уже наготове; они с явным наслаждением затянулись и стали пускать густые клубы дыма.

Действие наркотика не заставило себя ждать. Не прошло и пяти минут, как оба неуклюжих тевтонца начали зевать и потягиваться, покачиваясь из стороны в сторону, как сонные медведи. В ушах у них стоял звон, глаза заволокло, лица из красных сделались багровыми, руки бессильно упали, головы запрокинулись на спинку скамьи, и трубки покатались на землю.

Вскоре к щебетанию птиц, никогда не покидавших штальштадтского парка, с его вечным летом, присоединилось зычное храпение крепко уснувших великанов.

Марсель только этого и ждал. И можно понять, с каким нетерпением! Ведь завтра в одиннадцать часов сорок пять минут Франсевилль, обречённый герром Шульце на гибель, будет стёрт с лица земли.

Не теряя ни минуты, он бросился в мастерскую моделей. Здесь в просторном зале был собран целый музей. Длинными рядами стояли модели гидравлических, паровых, врубовых машин, локомотивов, насосов, турбин, паровых двигателей, судовых корпусов. Это были деревянные модели всех видов продукции завода Шульце, с первого дня его основания и по настоящее время. Большое место среди них занимали модели всевозможных пушек, торпед и снарядов. Тут было на несколько миллионов подлинных шедевров.

Ночь была тёмная, и молодой эльзасец благодарил судьбу, ибо темнота способствовала осуществлению задуманного им отчаянного плана. Прежде чем бежать, Марсель решил уничтожить музей моделей. Ах, если бы он мог также уничтожить и неприступную «Башню быка» с её проклятым казематом и чудовищной пушкой! Но об этом нечего было и думать.

Прежде всего Марсель сунул в карман маленькую стальную пилу, которая висела на стене среди других инструментов. Затем, чиркнув спичкой, он поднёс её к груде чертежей и мелких

моделей из лёгкого соснового дерева, сложенных в углу мастерской. Вспыхнуло пламя, и Марсель быстро выбежал обратно в сад.

Спустя несколько минут огненные языки уже вырывались из окон мастерской, разрывая ночную темь. Загудел набат; электрический сигнал понёсся по проводам, и со всего города съехались пожарные с паровыми насосами. Не замедлил появиться и сам герр Шульце, его присутствие сразу удвоило рвение его подчинённых.

Через несколько минут пустили в ход паровые котлы, и мощные насосы заработали со страшной скоростью, извергая потоки воды на горящие стены и крыши модельной мастерской. Но огонь оказался на этот раз сильнее воды; она не тушила его, а мгновенно испарялась, и скоро все здание запылало, как громадный костёр. В какие-нибудь четверть часа пламя достигло такой силы, что люди принуждены были отказаться от дальнейшей борьбы. Зрелище было страшное, но в то же время величественное.

Марсель, спрятавшись в кусты, не спускал глаз со своего патрона, который понукал людей, словно посылая их на приступ укрепленного города. Но никто не решался лезть в огонь. Мастерская моделей стояла особняком, в глубине парка, и для всех было очевидно, что она сгорит дотла.

Убедившись наконец, что здание спасти нельзя, Шульце закричал громовым голосом:

– Десять тысяч долларов тому, кто спасёт модель номер три тысячи сто семьдесят пять, под стеклянным колпаком посреди зала!

Под этим номером значилась модель знаменитой усовершенствованной пушки Шульце, которая была для него дороже всей его музейной коллекции.

Но, для того чтобы спасти эту модель, надо было ринуться в море огня и в чёрную завесу дыма. Из десяти шансов вряд ли хоть один выйти живым из этого ада. Поэтому, несмотря на заманчивую цифру в десять тысяч долларов, на призыв герра Шульце не отозвался никто.

Люди молча толпились на месте.

И вдруг из-за деревьев вышел человек и решительно направился к пожарищу. Это был Марсель.

– Я пойду, – сказал он спокойно.

– Вы? – недоверчиво вскричал Шульце.

– Да, я.

– Не надейтесь, что это спасёт вас от смерти, – приговор будет приведён в исполнение.

– Я не себя хочу спасти, я хочу спасти драгоценную модель.

– Тогда ступай, – сказал Шульце. – И клянусь: если ты вернёшься с моделью, десять тысяч долларов будут переданы в руки твоим наследникам.

– Полагаюсь на ваше слово, – ответил Марсель.

Ему привязали на спину аппарат Галибера, которым он уже имел случай пользоваться, разыскивая в шахте Альбрехт маленького Карла Бауэра. Зажав нос деревянными щипчиками, Марсель взял в рот наконечник трубки и смело бросился в пламя.

«Наконец-то! – мысленно воскликнул он. – Воздуха у меня на четверть часа. Дай боже, чтобы мне его хватило».

Разумеется, у Марселя и в мыслях не было спасать модель шульцевской пушки. Он только пробежал через окутанное дымом здание, лавируя с опасностью для жизни среди обрушивающихся балок и пылающих головнёй, и в ту самую минуту, когда крыша с грохотом провалилась и огромные снопы искр фейерверком взвились к небу, он успел выскочить в противоположную дверь, выходившую на другую сторону парка.

Он мигом добежал до реки, спустился с откоса к тому месту, где она, образуя сток, вливалась в подземный канал, и прыгнул в воду.

Течение тотчас же подхватило его и увлекло в глубину. Ему нечего было думать о направлении, быстрый поток стремительно уносил его вперёд по узкому подземному каналу, и он доверял ему, как если бы его вела нить Ариадны³¹.

«Далеко ли тянется этот канал? – пронеслось в голове у Марселя. – Если через четверть часа он не кончится, мне не хватит воздуха, и я погиб».

Но он не терял самообладания; течением его несло вперёд по крайней мере минут десять и вдруг обо что-то ударило.

Это была железная решётка, запирающая канал.

«Я должен был это предвидеть», – сказал себе Марсель.

И, не теряя ни секунды, он выхватил из кармана пилу и начал пилить задвижку около замка.

Минут пять он пилил – задвижка не поддавалась. Решётка держалась все так же плотно. Марселю уже трудно было дышать, разреженный воздух скупно поступал из прибора. В ушах стоял звон, глаза налились кровью, в висках стучало. Он продолжал пилить, стараясь задерживать дыхание, чтобы сохранить последние остатки кислорода, но задвижка не поддавалась.

И вдруг пила выскользнула у него из рук.

«Бог не может быть против меня», – подумал Марсель и, схватившись обеими руками за решётку, рванул её изо всех сил, которыми в последнюю минуту наделяет человека инстинкт самосохранения. Решётка открылась, засов отскочил, и течение вынесло несчастного, задыхающегося, обессиленного Марселя на свежий воздух.

* * *

На следующее утро, когда рабочие Шульце пришли на место пожарища, они не нашли среди золы и чёрных головешек ничего, что бы напоминало останки человеческого существа. Повидимому, отважный юноша пал жертвой преданности своему делу: это нисколько не удивило его товарищей по работе.

Драгоценную модель не удалось спасти, но человек, проникший в тайну стального короля, погиб.

«Бог свидетель, что я хотел избавить его от мучений, – сказал себе герр Шульце. – Но как бы там ни было, а десять тысяч долларов остались у меня в кармане».

И это было все, чем он почтил память молодого эльзасца.

Глава десятая

Статья в немецком журнале

За месяц до описанных нами событий в немецком обозрении «Наш век» появилась большая статья, посвящённая Франсевиллю. Статья эта пришлась по вкусу даже самым нетерпимым рев-

---

³¹ В греческой мифологии *Ариадна* – дочь критского царя Миноса – помогла афинскому герою Тезею найти выход из лабиринта с помощью клубка ниток, которыми он отмечал путь. В переносном смысле – путеводная нить.

нителям германской империи, должно быть, потому, что автор рассматривал этот город исключительно с материальной точки зрения.

«Мы уже сообщали нашим читателям о необыкновенной колонии, основанной на западном побережье Соединённых Штатов. Хотя великая американская республика с давних пор приучила мир к необычайным сюрпризам, в силу того, что значительная часть её населения состоит из эмигрантов, однако нельзя не удивляться столь неожиданному возникновению нового города, именуемого Франсевиллем, города, о котором пять лет тому назад не было и речи, ныне же не только благоденствующего, но и достигшего высшей степени процветания.

Этот чудесный город вырос, словно по волшебству, на благоуханном берегу Тихого океана. Мы не ставим себе задачей расследовать, соответствует ли действительности мнение, что первоначальный проект и самая идея этого города принадлежит французу, доктору Саразену. Возможность этого не исключена, принимая во внимание то обстоятельство, что названный доктор может похвастаться тем, что состоит в отдалённом родстве с нашим знаменитым стальным королём. Полагают даже, что основанию Франсевилля немало способствовало полученная доктором Саразеном не совсем честным путём значительная часть наследства, которое, по закону, должно было бы полностью отойти герру Шульце. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что все полезное и хорошее, совершающееся в мире, происходит с участием германской расы, и мы рады воспользоваться случаем, чтобы лишний раз с гордостью отметить этот факт.

Но мы поставили себе целью сообщить нашим читателям подробные и достоверные сведения о неожиданном возникновении образцового города Франсевилля.

Напрасно стал бы читатель искать это название на карте. Даже большой атлас в триста семьдесят восемь томов *in folio* нашего знаменитого Тухтигманна, где с безошибочной точностью отмечен каждый кустик, каждое деревце как Старого, так и Нового Света, даже этот монументальный вклад в географическую науку, предназначенный для артиллеристов, не упоминает о Франсевилле. Всего каких-нибудь пять лет тому назад в том месте, где сейчас вырос новый город, простиралась пустынная равнина. Точное местонахождение этого города определяется $43^{\circ} 11'3''$ северной широты и $124^{\circ} 41'17''$ западной долготы по Гринвичу. Итак, мы видим, что он расположен на побережье Тихого океана, у подножия Скалистых гор, которые в этом месте носят название Каскад-Маунтс, в восьмидесяти километрах к северу от мыса Бланк, штат Орегон в Северной Америке. Район этот был выбран с большой тщательностью; наиболее важными соображениями, говорящими в его пользу, надо считать: умеренный климат Северного полушария, которое всегда играло ведущую роль в истории цивилизации; выгодное в политическом смысле положение в самом центре федеративной республики молодого государства, которое предоставило на первых порах вновь основанному городу полную независимость и права, подобные тем, коими пользуется в Европе княжество Монако, при условии через несколько лет войти в состав штатов; удобное географическое положение на берегу океана, который из года в год становится все более оживлённым торговым путём всего земного шара; благоприятный рельеф, плодородная почва; близость гор, которые задерживают северные, южные и восточные ветры, благодаря чему воздух освежается только здоровым морским ветром, быстрая горная речка с прозрачной, чистой водой, с обильными водопадами, впадающая незагрязненной в море, и, наконец, естественная гавань, образуемая длинным, загибающимся мысом, которую легко можно расширить при помощи молв и дамб.

Отметим бегло кое-какие второстепенные преимущества этого района: прекрасные залежи мрамора и камня, богатые месторождения каолина и даже следы золота.

Надо сказать, что это последнее обстоятельство чуть было не заставило основателей города отказаться от выбранной территории, ибо они опасались, что золотая лихорадка помешает им в осуществлении их проектов. Но, к счастью, самородки оказались ничтожного размера и попадались редко.

Выбор территории занял очень немного времени, хотя вопрос этот и был предметом тщательного и глубокого изучения. Не было надобности снаряжать для этой цели специальную экспедицию. Наука мироведения в наши дни подвинулась так далеко вперёд, что можно, не выходя из кабинета, получить точные и обстоятельные сведения о самых отдалённых уголках земного

шара.

Как только вопрос был решён, двое уполномоченных от организационного комитета сели в Ливерпуле на первый отправлявшийся пароход и на одиннадцатый день прибыли в Нью-Йорк, а оттуда неделю спустя – в Сан-Франциско, где они зафрахтовали небольшое судно, которое через десять часов доставило их к месту назначения.

Переговоры с законодательным собранием штата Орегон о приобретении концессии на участок, простирающийся от побережья на шестнадцать километров вглубь, до хребта Каскад-Маунтс, согласование этого вопроса при помощи нескольких тысяч долларов с полудюжиной землевладельцев, которые обладали действительными или мнимыми правами на эту землю, – все это заняло не более месяца.

К январю 1872 года участок был уже закреплён за новыми владельцами, промерен, обставлен вехами, разведан шурфами, и двадцатитысячная армия китайских кули под руководством пятисот европейцев – десятников и инженеров – приступила к работе. По всей Калифорнии были расклеены объявления о постройке нового города. К скорому поезду, который ежедневно отправлялся из Сан-Франциско и пересекал Североамериканский материк, был прибавлен специальный вагон-реклама, и двадцать три газеты, выходящие в этом городе, ежедневно помещали заметку о Франсвилле. Таким образом, приток рабочей силы был обеспечен. Не понадобилось даже прибегать к широкой рекламе, предложенной за умеренную цену некоей компанией, – высечь из камня гигантские буквы на вершинах Скалистых гор.

Надо сказать, что наплыв китайских кули в Западную Америку сильно понизил в тот год цены на рабочем рынке. Многие штаты вынуждены были принять серьёзные меры, чтобы обеспечить средства к существованию своим гражданам и во избежание кровопролитных стычек прибегнуть к массовому изгнанию несчастных иммигрантов. Постройка нового города Франсвилля спасла этих изгнанников от гибели. Им установили плату по одному доллару в день, при полном содержании, но жалованье уплачивалось только по окончании работ, причём каждый кули давал обязательство, получив расчёт, выехать из города. Таким образом были предупреждены массовые беспорядки и бесстыдная эксплуатация рабочей силы, неизбежно сопутствующие крупному притоку населения. Заработная плата еженедельно в присутствии уполномоченных представителей вносилась в городской банк в Сан-Франциско, и каждый кули получал расчёт, давая обязательство о выезде. Эта мера предосторожности была необходима, дабы предотвратить преобладание жёлтого населения, которое безусловно повлияло бы нежелательным образом на внешний и духовный облик нового города. Но, поскольку основатели города оставили за собой право разрешать или запрещать жительство в городе, соблюдение этой меры предосторожности не представляло особых трудностей.

В первую очередь строителя позаботились провести железнодорожную ветку, которая шла до города Сакраменто и соединяла Франсвилль с Тихоокеанской магистралью. При этом старались по возможности не прибегать к взрывам и избегать прокладки глубоких туннелей, поскольку это нередко влечёт за собой неблагоприятные последствия, способствуя различным эпидемическим заболеваниям.

Постройка этой ветки, так же как и постройка порта, производилась с необычайной энергией и воодушевлением, и уже в апреле месяце первый сквозной поезд из Нью-Йорка доставил на вокзал Франсвилля членов организационного комитета, которые до тех пор оставались в Европе.

К этому времени были уже завершены общая распланировка города, проекты жилищ и общественных зданий.

В строительных материалах не было недостатка. Едва только распространилась весть о постройке нового города, как американские промышленники начали свозить в порт Франсвилля всё, что только могло потребоваться.

Выбор был как нельзя более богатый. Общественные здания решено было строить из тёсаного камня, им же пользовались для орнаментов, а жилые дома – из кирпича, но исключительно высокого качества, без всяких изъянов и прекрасного обжига. Все кирпичные бруски были сделаны по одному образцу, строго определённого веса и плотности, с идущими параллельно ряда-

ми продольных цилиндрических отверстий; эти сквозные отверстия проходят через всю толщу стены и служат душниками, давая свободный доступ воздуху как по всему наружному периметру дома, так и во внутренние переборки. Стены из такого кирпича обладают, кроме того, ещё одним ценным свойством – они поглощают звуки, благодаря чему каждое помещение становится вполне изолированным.

Комитет не счёл нужным навязывать строителям проект однотипной постройки домов. Наоборот, он стремился к тому, чтобы в архитектуре города не было утомительного и безвкусного однообразия. Но он выработал ряд строго определённых правил, которых должны были придерживаться архитекторы:

1. Каждому дому отводится участок земли, на котором надлежит насадить деревья, разбить цветники и газоны. Дом и участок предназначаются для отдельной семьи.

2. Ни один дом не должен иметь больше двух этажей, чтобы не лишать света и воздуха соседние постройки.

3. Фасад каждого дома должен отстоять на расстоянии десяти метров от улицы. На этом пространстве должен быть разбит цветник или газон, который отделяется от улицы оградой в половину человеческого роста.

4. Стены домов строятся из патентованного трубчатого полого кирпича. Лепные украшения домов предоставляются на усмотрение архитектора.

5. Крыши надлежит строить наподобие четырехскатных террас и обносить их, во избежание несчастных случаев, балюстрадами; крыши заливаются асфальтом и обеспечиваются водостоками.

6. Все дома строятся на высоком фундаменте, образующем под нижним этажом открытый сводчатый подвал, который способствует циркуляции воздуха и в то же время служит местом хранения продуктов. Сточные и водопроводные трубы должны проходить в этом подвале вокруг центральной опоры, так, чтобы можно было всегда проверить их состояние, а в случае пожара обеспечить подачу воды. Полы подвального помещения должны находиться на высоте пяти-шести сантиметров над уровнем земли, их следует тщательно посыпать песком. Подвал сообщается с кухней и хозяйственными помещениями особой лестницей, дабы ни зрение, ни обоняние обитателей дома не страдали от кухонной стряпни.

7. Кухня, хозяйственные помещения и помещение для прислуги должны быть расположены, против обыкновения, в верхнем этаже, они сообщаются с крышей-террасой, которая используется таким образом для хозяйственных надобностей.

Каждый дом снабжается подъёмной машиной, с помощью которой можно без труда поднимать тяжести на верхний этаж. За пользование подъёмной машиной, так же как за освещение и водопровод, с жителей взимается умеренная плата.

8. В распланировке комнат и внутренней отделке дома строителям предоставляется полная свобода. Но все вредные элементы – и в первую очередь два главных очага инфекции и бактерий: ковры и обои – строго изгоняются из обихода. Нет надобности прятать под тяжёлой, впитывающей пыль ворсяной материей художественный мозаичный паркет из ценного дерева, а стены, выложенные цветными изразцами, должны радовать взор богатством красок наподобие жилищ Помпеи, и никакие обои, насыщенные всевозможными бактериями, не сравнятся с ними по красоте и прочности. Такие стены можно протирать, как паркет, или мыть, как стекло, и в них не спрячется ни одна вредоносная бактерия.

9. Спальные комнаты надлежит устраивать отдельно, так, чтобы они не сообщались ни с туалетом, ни с ванной. Это помещение, где человек проводит треть своей жизни, должно быть наиболее просторным, чтобы в нём было как можно больше воздуха, и обставлять его следует возможно проще, ибо оно служит только для сна. Достаточно иметь здесь четыре стула, металлическую кровать с пружинным матрацем и лёгким тюфяком, набитым мягкой шерстью, который рекомендуется как можно чаще выбивать. Пуховики, перины, стёганные одеяла – всё, что может способствовать распространению какой-либо инфекции, изгоняется из употребления. Рекомендуется пользоваться лёгкими тёплыми шерстяными одеялами, которые можно часто стирать. Не запрещается вешать шторы, занавески и драпировки, но и для этой цели следует выби-

рать легко моющиеся материи.

10. В каждой комнате должен быть камин, приспособленный для топки дровами или углём, и каждому камину соответствует вентиляционная отдушина, выходящая наружу. Дымовые трубы выводятся не на крышу, а в подземные дымоходы, откуда дым поступает в особые печи, установленные за счёт города позади домов. Здесь он освобождается от частиц угля и в обесцвеченном состоянии выпускается на высоте тридцати пяти метров в атмосферу.

Таковы десять правил, которые надлежит соблюдать при постройке каждого жилого дома.

Столь же тщательно разработана и общая планировка города.

План города в основе своей очень прост и предусматривает возможность расширения и роста Франсевилля. Улицы одинаковой ширины идут на одинаковом расстоянии одна от другой и пересекаются под прямыми углами. Все они обсажены по краям деревьями и обозначены номерами.

Через каждые полкилометра идёт улица на треть шире других, она носит название бульвара или авеню. Вдоль неё с одной стороны идёт широкая выемка для трамвая и метрополитена.

На всех перекрёстках разбиты общественные скверы, украшенные копиями скульптур великих мастеров, пока художники Франсевилля не создали своих произведений, достойных этих великих творений.

Жителям Франсевилля предоставлено право свободно заниматься всеми видами промышленности, ремесла и торговли.

Для получения права жительства в Франсевилле необходимо представить рекомендацию или отзыв, иметь любую полезную профессию, связанную с какой-либо областью промышленности, науки или искусства, и дать обязательство соблюдать законы города. Праздное существование в Франсевилле не допускается.

В городе уже сейчас имеется большое количество общественных зданий: собор, несколько церквей и часовен, музеи, библиотеки, школы, спортивные площадки; все это великолепно оборудовано и отвечает всем самым строгим правилам гигиены, подобающим столичному городу.

Нет нужды говорить, что дети с четырехлетнего возраста в обязательном порядке приучаются к физическим и умственным упражнениям, которые развивают их телесные и духовные силы. Их приучают к такой безукоризненной чистоте, что пятно на платье считается у них настоящим позором.

Забота о чистоте, индивидуальной и коллективной, выдвинута в Франсевилле на первое место. Неустанно поддерживать чистоту в городе, уничтожать и обезвреживать зловередные бактерии, неминуемо зарождающиеся всюду, где скопляется большое количество людей, – это основное и повседневное занятие администрации. С этой целью выходы сточных канав сосредоточены за пределами города, где нечистоты подвергаются обработке и конденсации, после чего их используют для удобрения полей.

В воде нет недостатка, она течёт в изобилии. Улицы, вымощенные торцом, и каменные тротуары блестят, как выложенный платками пол голландской фермы. Особенно строгое наблюдение установлено за рынками. Торговцы, осмеливающиеся продавать несвежие продукты – испорченные яйца, лежалое мясо, разбавленное молоко, – подвергаются строгой каре, как отравители, каковыми они в сущности и являются. Дело санитарной инспекции, чрезвычайно сложное и ответственное, находится в руках опытных специалистов, которые проходят для этого особую школу.

В их ведении находятся также и прачечные, оборудованные по последнему слову техники: паровыми машинами, искусственными сушилками и дезинфекционными камерами. Бельё выходит из прачечной ослепительно белым, причём строго соблюдается правило стирать бельё каждого семейства в отдельности. Эта простая предосторожность имеет огромное значение.

Больницы немногочисленны, ибо всем предоставлена возможность пользоваться врачебной помощью на дому. Больничные койки предназначаются главным образом для бесприютных чужеземцев и для каких-нибудь исключительных случаев.

Излишне говорить, что основателям Франсевилля не могло прийти в голову отвести для больницы самое большое здание в городе и поместить в нём несколько сот больных, создав тем

самым очаг заразы. Заботясь не только о благе города, но и о здоровье каждого гражданина в отдельности, они всячески стремятся изолировать больных, а ни в коем случае не объединять их. Даже и дома рекомендуется держать больных в отдельной комнате, чтобы они не соприкасались с остальными членами семьи.

Больницы в Франсевилле рассчитаны не более чем на двадцать – тридцать человек. Каждый больной помещается в отдельной палате. Строятся больницы по типу лёгких переносных бараков, из елового дерева. Каждый год их сжигают и строят новые. Такие передвижные бараки из готовых деталей, сделанных по одному образцу, имеют то преимущество, что их можно легко переносить с места на место, а в случае надобности быстро построить новые.

Для обслуживания населения на медицинском пункте имеется целый штат опытных сестёр-сиделок, которые проходят для этой цели специальную школу, куда принимают со строгим отбором. Эти сестры являются незаменимыми помощницами врачей. Обслуживая население, они наставляют семью больного, делятся с его домашними практическими знаниями, которые необходимо иметь всякому, чтобы не оказаться беспомощным и не растеряться в трудную минуту. Ухаживая за больными, они одновременно стараются препятствовать распространению болезни.

Но мы никогда не кончим, если будем перечислять все гигиенические усовершенствования, введённые основателями нового города.

Каждый вступающий в число граждан города получает брошюру, где простым и общепонятным языком изложены главные правила, которые следует соблюдать каждому человеку, желающему вести здоровый, нормальный образ жизни.

Из этой брошюры он узнает, что необходимым условием для здоровья является правильная деятельность всех человеческих органов; что труд и отдых одинаково необходимы организму; что мозг также утомляется, как и мускулы, и что девять десятых болезней вызываются инфекцией, передающейся по воздуху или через пищу. Поэтому человек должен тщательно следить за собой и своим жилищем, избегать возбуждающих напитков, заниматься гимнастикой, добросовестно исполнять свои повседневные обязанности, пить чистую воду, есть простую, здоровую пищу, мясо, овощи, спать восемь часов в сутки. Таковы элементарные правила, или, если так можно выразиться, азбука здоровья.

Начав нашу статью с момента основания города, мы незаметно перешли к описанию его внешнего и внутреннего устройства, как если бы постройка его была уже вполне закончена. Это может показаться странным, но в действительности едва только были возведены первые дома, как вслед за ними другие стали вырастать мгновенно, словно по волшебству. Надо побывать на Дальнем Западе, чтобы понять такой бурный рост города. Участок, который в январе 1872 года представлял собой ещё совершенную пустыню, в 1873 году насчитывал уже шесть тысяч домов. В 1874 году цифра жилых домов дошла уже до девяти тысяч, и все общественные постройки были к этому времени вполне закончены.

Большую роль в этом неслыханном росте сыграло то обстоятельство, что дома и прилегающие к ним обширные участки сдавались за очень умеренную цену. Отсутствие пошлин, политическая независимость этой маленькой, обособленной колонии, прелесть новизны, мягкий климат – все это привлекало сюда массу народа. В настоящее время Франсевилль уже насчитывает около ста тысяч жителей.

Весьма показательны и весьма для нас интересны статистические данные, свидетельствующие о результатах санитарных мероприятий нового города.

В то время как в наиболее крупных городах Европы и Нового Света смертность редко падает ниже трех процентов, в Франсевилле средняя цифра за пять лет составляет всего полтора процента. Сюда входят ещё и жертвы эпидемии болотной лихорадки, вспыхнувшей в период основания города.

Цифра смертности за последний год составляет всего один процент с четвертью. Следует отметить ещё одно важное обстоятельство: все зарегистрированные смертные случаи, за небольшим исключением, являются результатом наследственных или хронических болезней. Острые заболевания в Франсевилле наблюдаются несравненно реже, они быстро пресекаются и гораздо менее опасны, чем в какой-либо другой населённой местности. Что касается эпидемий, то

их вовсе не наблюдалось.

Интересно будет проследить дальнейшие результаты этого опыта, и тем более интересно будет установить, может ли действие такого гигиенического режима на протяжении нескольких десятилетий обезопасить подрастающие поколения от тяжёлых наследственных заболеваний.

«Мы позволяем себе надеяться на это, – писал один из основателей этой удивительной колонии, – и, если надежды наши оправдаются, перед человечеством откроются новые блестящие перспективы. Люди будут жить до девяноста и до ста лет и умирать безболезненно от старости, как умирает большинство животных и растений».

Заманчивая мечта!

Но мы позволим себе усомниться в том, что этот опыт приведёт когда-либо к таким блестящим результатам. В постановке этого опыта мы усматриваем один коренной и весьма существенный недостаток. Дело в том, что в организационном комитете, в руках которого находится это предприятие, преобладает латинский элемент, а германский элемент систематически исключается. Это опасный симптом. С тех пор как существует мир, все великое и полезное, что происходит в нём, возникло по инициативе Германии. Ничего серьёзного и решающего без Германии произойти не может. Самое большее, на что способны основатели Франсевилля, – это подготовить почву, выяснить кое-какие узкие вопросы, но не их руками и не на этом участке Америки, а у границ Сирии будет воздвигнут когда-нибудь истинно идеальный город.

Глава одиннадцатая

Обед у доктора Саразена

Тринадцатого сентября, всего за несколько часов до назначенного герром Шульце срока уничтожения Франсевилля, ни губернатор, ни любой из жителей не подозревали о грозящей катастрофе.

Было семь часов вечера.

Утопая в зелени олеандровых и тамариндовых деревьев, город живописно раскинулся у подножия Каскад-Маунтс, купая свои одетые в мрамор набережные в мягко набегающих волнах Тихого океана. На только что политых улицах, овеваемых свежим морским ветром, царило весёлое оживление. Мягко шелестели деревья. Зеленели газоны, цветы раскрывали свои чашечки, наполняя воздух тонким благоуханием; приветливые белые особнячки, казалось, радушно улыбались, воздух был тёплый, небо синело, и море сверкало из-за густой зелени широких бульваров.

Путешественника, очутившегося в этом городе, вероятно, поразили бы необыкновенно цветущий вид жителей и какое то праздничное оживление, царящее на улицах. В школе живописи и скульптуры, в музыкальной школе и в городской библиотеке, где прекрасные публичные лекции были организованы для немногочисленных групп, чтобы каждый слушатель мог полнее общаться с лектором, только что окончились занятия, и, так как все эти учреждения были сосредоточены в одном квартале, толпа молодёжи, выходявшая оттуда, запрудила улицу и площадь. Но никто не толкался, не раздражался, не слышно было никаких окриков. У всех были довольные, весёлые, улыбающиеся лица.

Дом доктора Саразена стоял не в центре города, а на самом берегу Тихого океана. Он был построен одним из первых, и доктор тотчас же поселился в нём со своей женой и дочерью Жанной. Октав, почувствовав себя миллионером, пожелал остаться в Париже. Но при нем, к сожалению, не было его наставника Марселя.

Спустя некоторое время после того, как они жили вдвоём на улице Руа-де-Сесиль, они почти потеряли друг друга из виду. Таким образом, когда доктор с женой и дочерью поселился в Франсевилле, Октав оказался предоставленным самому себе.

Он вскоре совсем забросил занятия в школе, где должен был окончить курс по настоянию отца, и в конце концов провалился на выпускном экзамене.

Когда его приятель Марсель, который до тех пор вёл его на поводу, так как Октав не способен был заниматься самостоятельно, окончив первым Центральную школу, уехал из Парижа,

Октав, что называется, закусил удила. Он снял себе особняк на авеню Мариньи, разъезжал в карете, запряжённой четвёркой лошадей, и чаще всего его можно было видеть на ипподромах. Октав Саразен, который три месяца тому назад едва мог держаться в седле на уроках верховой езды в манеже, внезапно превратился в завязанного лошадирика. Своей эрудицией в этой области он был обязан некоему англичанину – груму, которого взял к себе на службу и который совершенно покори́л его необыкновенными познаниями по этой части.

Утренние часы Октава были распределены между портными, сапожниками и шорниками. Вечера он проводил в оперетке или в гостиных только что открытого на улице Тронше клуба. Октав выбрал этот клуб потому, что его капитал пользовался там таким уважением и любовью, каких сам он своими личными достоинствами нигде не мог завоевать. Общество, которое он встречал там, казалось ему идеалом изысканности. Но, странное дело, в списке членов, вывешенном в нарядной рамке в приёмном зале, красовались почти исключительно иностранные фамилии. Читая этот список, изобиловавший всевозможными титулами, можно было подумать, что вы случайно попали в приёмную профессора геральдики³². Однако, когда вы переходили в гостиную, у вас создавалось впечатление, что вы находитесь на этнологической³³ выставке; казалось, что здесь собрались все ястребиные носы и смуглые лица всех оттенков со всех концов земного шара. Все эти космополитические личности³⁴ шикарно одевались, и в их приверженности к светлым тонам обнаруживалось вечное стремление смуглокожих уподобиться «бледнолицым».

Среди этих двуногих Октав Саразен казался юным богом. Его слова передавались из уст в уста, ему старались подражать во всем, вплоть до его манеры завязывать галстук, мнения его считались законом. А он, опьянённый этим фимиамом, не замечал того, что систематически, изо дня в день, проигрывает свои деньги то на бегах, то в карты, то в рулетку. Возможно, что некоторые члены этого клуба, будучи людьми восточного происхождения, считали, что они в сущности также имеют права на наследство бегумы. Во всяком случае, они медленно, но неуклонно перекладывали это наследство в свои карманы.

Неудивительно, что при таком образе жизни дружба, связывавшая Октава с Марселем, мало-помалу прекратилась. Они почти перестали писать друг другу. Что общего могло быть между суровым тружеником, стремящимся непрестанно совершенствовать свой ум и свои знания, и красивым, изнеженным юношей, проматывающим своё состояние и не интересующимся ничем, кроме конюшен, клубных сплетен в анекдотов?

Мы знаем, что Марсель покинул Париж для того, чтобы следить за махинациями герра Шульце, только что заложившего на той же независимой территории Соединённых Штатов основание Стального города, враждебного Франсевиллю, а впоследствии Марсель поступил на службу к стальному королю.

Октав в течение двух лет вёл бессмысленное, бесполезное существование и за это время успел пустить на ветер несколько миллионов. В конце концов это нелепое времяпрепровождение наскучило ему, и в один прекрасный день он бросил все и приехал к отцу. Это спасло его от гибели, и не только физической, но и моральной.

Итак, сейчас все семейство доктора Саразена было в полном сборе.

Жанна за эти шесть лет жизни в Франсевилле успела превратиться в очаровательную девятнадцатилетнюю девушку, сочетавшую своеобразную прелесть усвоенных ею американских манер с грацией и изяществом француженки. Мать её говорила, что до тех пор, пока они с Жанной не стали неразлучными друзьями, она никогда не подозревала, что близость с дочерью может доставить ей столько радости.

---

³² **Геральдика** – историческая дисциплина, занимающаяся изучением гербов.

³³ **Этнология** – то же, что и этнография: наука, изучающая происхождение, взаимосвязи, культуру, бытовые особенности народов мира.

³⁴ **Космополитические личности** – люди, предпочитающие жить на чужбине, легко меняющие гражданское подданство, потерявшие связь с родиной.

Жизнь госпожи Саразен в Франсевилле была наполнена полезной и плодотворной работой. Она деятельно помогала своему мужу во всех его добрых начинаниях. Только мысль об Октаве не давала ей покоя; но с тех пор как «блудный сын» вернулся в лоно семьи, она чувствовала себя счастливейшей из смертных.

В этот вечер, 13 сентября, у доктора Саразена обедали двое из его ближайших друзей: полковник Гендон, старый ветеран, участвовавший в гражданской войне, потерявший руку при осаде Питтсбурга и уху в сражении при Севен-Оксе, что не мешало ему теперь успешно сражаться в шахматы, и господин Ленц, главный инспектор учебных заведений Франсевилля.

Говорили о городских делах, о различных мероприятиях, проводимых в общественных учреждениях, в больницах, школах, кассах взаимопомощи.

Согласно школьной программе доктора Саразена, в которой важное место было отведено религии, инспектор Ленц создал несколько опытных первоначальных школ, где педагоги, наблюдая за детьми, стремились выявить их врождённые способности и помогали им развиваться в этом направлении.

В школах Франсевилля детям прививали любовь к науке, прежде чем пичкать их знаниями, которые, как говорит Монтень³⁵, «плавают на поверхности мозга» и не приносят ребёнку никакой пользы, не делая его ни умнее, ни лучше. Правильно направленный ум сам выберет себе подходящую деятельность и найдёт наиболее полезное применение своим способностям.

В этой глубоко продуманной системе воспитания серьёзное внимание уделялось также и гигиене тела: ибо мозг и тело человека несут одинаково важную службу, человек не может обойтись одним и отказаться от другого, – ум, предоставленный самому себе, отрешённый от плоти, очень скоро погибнет.

В описываемый нами момент Франсевилль достиг высшей степени как материального, так и интеллектуального расцвета.

На его конгрессы съезжались величайшие учёные мира. Со всех концов земли, привлечённые рассказами об этом чудесном городе, стекались туда знаменитые артисты, художники, скульпторы, музыканты; под их руководством таланты юных франсевилльцев обещали в недалёком будущем прославить этот уголок земного шара. Можно было предвидеть, что эти новые французские Афины вскоре завоюют себе первое место среди столиц мира.

Наряду с гражданским обучением в школах в обязательном порядке проводились и военные занятия.

По окончании школы все молодые люди умели владеть оружием и имели достаточную теоретическую подготовку, чтобы разбираться в вопросах тактики и стратегии.

Когда разговор за столом коснулся этой темы, полковник Гендон с большой похвалой отзывался о своих новобранцах.

– Они отлично тренированы, – сказал он, – и во время манёвров проявили прекрасную подготовку и умение принаровляться к условиям походной жизни. Наша армия хороша тем, что в неё входят все граждане, и в случае надобности все возьмутся за оружие и покажут себя хорошо обученными, дисциплинированными солдатами.

До сих пор Франсевилль поддерживал наилучшие отношения со всеми своими соседями, ибо никогда не упускал случая оказать им какую-нибудь услугу, но, когда дело касается корысти, человеческая неблагодарность не знает предела, и доктор Саразен и его друзья, помня об этом, считали за благо придерживаться мудрого житейского правила: бережёного и бог бережёт.

Обед кончился, и дамы, по английскому обычаю, покинули столовую.

Доктор Саразен, Октав, полковник Гендон и господин Ленц, продолжая начатую беседу, перешли уже к вопросам политической экономии, когда в комнату вошёл слуга и подал доктору «Нью-Йорк геральд».

Эта почтенная газета с самого момента основания Франсевилля проявляла к нему живейшую симпатию и с интересом следила за всеми фазами его развития.

---

³⁵ **Монтень Мишель (1533–1592)** – французский философ и писатель, автор знаменитой книги «Опыты», представляющей собой критические размышления на бытовые и нравственные темы.

Граждане Франсевилля привыкли видеть на её страницах всевозможные высказывания и заметки, отражающие общественное мнение Соединённых Штатов об их городе.

Эта маленькая колония свободных, счастливых, независимых людей вызывала не только восторженное удивление, но самую чёрную зависть, и если у франсевилльцев было в Америке много сторонников, готовых выступить в их защиту, то было и немало врагов, которые рады были при всяком удобном случае нападать и клеветать на них. «Нью-Йорк геральд» неизменно стоял за Франсевилль и всячески высказывал это на своих страницах.

Доктор Саразен, продолжая беседу, разорвал бандероль и, бросив беглый взгляд на передовую статью, хотел было отложить газету, но вдруг, остановившись на полуслове, с недоуменным видом пробежал глазами несколько строк и тут же прерывающимся от волнения голосом прочёл их вслух.

– «Нью-Йорк, восьмое сентября. Мы накануне злодейского покушения на права мирных граждан. Как сообщают из достоверных источников, Штальштадт, собрав мощное вооружение, готовится выступить против французского города Франсевилля, чтобы стереть его с лица земли. Мы не берёмся решать, должны ли Соединённые Штаты вмешаться в это столкновение между германской и латинской расами, но считаем своим долгом довести до сведения всех порядочных и честных людей об этом чудовищном насилии. Жители Франсевилля, не теряя ни минуты, должны принять все меры к обороне...»

Глава двенадцатая

Заседание совета

Ненависть стального короля к городу, созданному доктором Саразеном, ни для кого не была тайной. Все знали, что Штальштадт был задуман им в пику Франсевиллю. Но чтобы он мог напасть на мирный город, разрушить его, воспользовавшись преимуществом грубой силы, – этого никто не мог ожидать. Однако «Нью-Йорк геральд» высказывался вполне определённо. Повидимому, корреспонденты этого влиятельного органа печати каким-то образом проникли в намерения герра Шульце и спешили предупредить франсевилльцев. Они ясно говорили: нельзя терять ни минуты.

Доктор Саразен не мог прийти в себя от охватившего его чувства недоумения. Как все честные люди, он был не склонен верить в зло. Он не допускал мысли, что человек может быть до такой степени извращён, чтобы у него без всякой причины, просто из какого-то самодурства, могло возникнуть желание разрушить целый город, который является культурной собственностью всего человечества.

– Подумать только, – говорил доктор, – что у нас в этом году процент смертности снизился до одного с четвертью, что у нас нет ни одного десятилетнего мальчугана, который не умел бы читать, что со времени основания Франсевилля у нас не было ни одного случая убийства или кражи. И вот находятся варвары, которые жаждут погубить в самом начале такой замечательный опыт. Нет, я не могу поверить, чтобы учёный, химик, будь он хоть сто раз немцем, оказался способным на такое злодеяние.

Однако нельзя было не считаться с предупреждением этой благожелательной газеты, и необходимо было принять срочные меры к самозащите. Подавив горестное изумление, охватившее его в первую минуту, доктор Саразен овладел собой и обратился к присутствующим.

– Господа, – сказал он, – вам как членам муниципального совета надлежит вместе со мной обсудить, что нам следует предпринять для спасения нашего города. Что мы прежде всего должны сделать?

– Нет ли какой-нибудь возможности прийти к соглашению? Возможности избежать войны, не поступаясь нашей честью? – промолвил господин Ленц.

– Нет, такая возможность совершенно исключена, – возразил Октав. – По всему видно, что герр Шульце решил воевать во что бы то ни стало. Его ненависть к нам не даёт ему покоя, и ясно, что он не пойдёт ни на какие уступки.

– В таком случае мы должны постараться дать надлежащий отпор, – сказал доктор. – Как

вы считаете, полковник, способны мы противостоять пушкам Штальштадта?

– Любую военную силу можно успешно отразить другой такой же силой, – ответил полковник, – но дело в том, что у нас нет возможности защищаться теми же средствами и тем же оружием, с которым собирается напасть на нас герр Шульце. Изготовить пушки, которые могли бы бороться с его пушками, слишком долгая история, и, признаться, я сомневаюсь, что мы в состоянии это сделать: для этого нужно иметь специально оборудованные мастерские. Единственный возможный для нас выход – это не дать врагу приблизиться к городу, не допустить вторжения.

– Я сейчас же созову совет, – сказал доктор Саразен и, поднявшись с места, предложил гостям перейти в кабинет.

Это была просторная, светлая комната. Три её стены были до самого потолка заставлены книжными полками, четвёртая увешана картинами, а под ними, на уровне человеческого роста, виднелся ряд обозначенных номерами раструбов, похожих на акустические трубки.

– С помощью телефона мы теперь можем созвать совет, не выходя из дому, – сказал доктор и, нажав кнопку, мгновенно соединился с квартирами членов муниципального совета.

Через три минуты все аппараты, соединённые проводами с аппаратом доктора Саразена, ответили: «Слушаю», и доктор, став перед микрофоном, позвонил в колокольчик и объявил заседание открытым.

– Слово предоставляется почтенному полковнику Гендону. Он имеет сообщить муниципальному совету нечто чрезвычайно важное.

Полковник стал у телефона и, прочитав сообщение «Нью-Йорк геральд», доложил совету, какие, по его мнению, меры следует принять в первую очередь.

Как только он кончил, номер шесть задал ему следующий вопрос: считает ли полковник возможным защищать город, если те меры, о которых он говорит, окажутся недостаточными для того, чтобы задержать врага и помешать ему приблизиться к городу?

Полковник ответил утвердительно.

Вопрос и ответ, так же как и предыдущее выступление, дошли до слуха всех невидимых участников заседания.

Затем номер семь спросил, каким сроком примерно располагают франсевиллы для организации обороны.

Полковник, разумеется, не мог ответить точно на этот вопрос, но сказал, что надо постараться сделать все возможное в течение двух недель.

Номер два:

– Следует ли ждать нападения, не лучше ли постараться предотвратить его?

– Разумеется, мы примем все меры, чтобы предотвратить нападение, – ответил полковник, – и, если нам будут угрожать высадкой с моря, надо пустить в ход торпеды и потопить корабли герра Шульце.

Вслед за этим доктор Саразен предложил созвать учёный совет химиков, инженеров и артиллеристов для обсуждения плана защиты города, разработанного полковником Гендоном.

После доктора Саразена выступил номер один:

– Какая сумма денег потребуется для того, чтобы немедленно начать работы по обороне города?

Полковник Гендон ответил, что для этого понадобится от пятнадцати до двадцати миллионов долларов.

Номер четыре внёс предложение немедленно созвать общее собрание граждан Франсевилля.

Председатель, доктор Саразен, поставил вопрос на голосование. Предложение было принято единодушно.

На этом заседание совета закончилось. Часы показывали восемь. Заседание продолжалось всего восемнадцать минут и никому не доставило никаких хлопот.

Общее собрание граждан было созвано столь же простым и быстрым способом. Доктор Саразен сообщил по телефону резолюцию совета в городскую ратушу, и тотчас же на двухстах

восьмидесяти колоннах, которые стояли на всех перекрёстках города, зазвонили электрические колокола, а стрелки светящихся циферблатов, установленных на этих колоннах, остановились на половине девятого – часе, назначенном для собрания франсевилльцев.

Услышав звон, длившийся четверть часа, жители города Франсевилля поспешно выходили на улицу, прохожие поднимали глаза на ближайший циферблат, и каждый, сознавая, что его призывает гражданский долг, отправлялся в ратушу.

К назначенному часу, всего за каких-нибудь десять – пятнадцать минут, все франсевилльцы были в сборе. Доктор Саразен и другие члены совета восседали на трибуне. Полковник Гендон, который должен был выступить с сообщением, стоял на ступенях трибуны, дожидаясь, когда ему дадут слово.

Большинство граждан уже знало, чем вызвано сегодняшнее собрание, так как заседание совета записывалось фонографом в ратуше и тотчас же было передано в газеты, а те моментально отпечатали экстренный выпуск, который в виде афиш расклеили по всему городу.

Зал собраний в ратуше представлял собой просторное помещение со стеклянной крышей и прекрасной вентиляцией. Длинная вереница газовых рожков, укрепленных под высоким сводом, освещала его ровным ярким светом.

На лицах франсевилльцев не было ни следа уныния. Толпа стояла спокойная, сдержанная; в ней чувствовались сознание собственного достоинства и невозмутимая уверенность в своих силах.

Ровно в половине девятого председатель позвонил в колокольчик, и в зале воцарилась мёртвая тишина.

Полковник Гендон поднялся на трибуну.

Простым, энергичным языком, без всяких ораторских ухищрений и прикрас, но внятно и ясно, как говорят люди, которые знают, что они хотят сказать, полковник Гендон рассказал собравшимся о том, как герр Шульце, всегда питавший ненависть к Франции, к доктору Саразену, поклялся погубить его детище и теперь намеревается привести эту клятву в исполнение. В его распоряжении, как сообщал «Нью-Йорк геральд», имеются чудовищные средства, с помощью которых он собирается стереть с лица земли Франсевилль со всеми его жителями.

– И вот теперь гражданам Франсевилля предоставляется решить, что они будут делать. Конечно, люди трусливые и лишённые чувства патриотизма предпочли бы уступить врагу и позволили бы ему завладеть их новым отечеством. Но можно быть уверенным, что среди наших граждан не найдётся ни одного труса. Люди, которые сумели постигнуть великий идеал, вдохновлявший основателей прекрасного города Франсевилля, люди, которые свято соблюдали его законы, – это люди с мужественным сердцем и ясным умом. Ревностные поборники прогресса, они сделают все, чтобы спасти свой несравненный город, славный памятник благородной человеческой мысли, устремлённой к великой цели – облегчить существование людям. Долг каждого из нас, – заключил полковник, – отдать жизнь во имя этого великого дела.

Гром рукоплесканий покрыл последние слова оратора. Вслед за ним выступило ещё несколько человек, которые поддержали предложение полковника.

Затем доктор Саразен предложил собранию тут же учредить совет обороны, снабдив его всеми полномочиями для проведения необходимых мер по защите города и строгому соблюдению тайны военных приготовлений, необходимой в таком деле.

После того как это предложение было принято, один из членов гражданского совета высказался за то, чтобы поставить на голосование вопрос о предоставлении кредита на первые нужды по обороне города в размере пяти миллионов долларов.

Это предложение также было принято единодушно, и в десять часов двадцать пять минут, после того как состав членов совета обороны был утверждён, собрание было распущено. Франсевилльцы уже собирались расходиться, как вдруг на трибуне неизвестно откуда появился какой-то незнакомец. Вид его был до того необычен, что все остановились.

Рваная, покрытая илом одежда прилипала к телу. Лицо в кровоподтёках и ссадинах носило следы страшного душевного напряжения. Однако держался он решительно и спокойно.

Кто он был? Откуда явился? Никому, даже доктору Саразену, не пришло в голову его

спросить.

Подойдя к самому краю трибуны, он властным жестом призвал толпу к молчанию.

– Я только что вырвался из Штальштадта, – сказал он. – Герр Шульце приговорил меня к смерти, но волей providения мне удалось бежать и явиться вовремя, чтобы попытаться спасти вас... Я не совсем чужой здесь... Надеюсь, мой досточтимый учитель, доктор Саразен, не откажется подтвердить, – хотя я и являюсь перед вами в таком виде, что даже он не узнает меня, – что Марсель Брукман заслуживает некоторого доверия.

– Марсель! – воскликнули в один голос доктор Саразен и Октав и уже хотели было броситься к нему, но он жестом остановил их.

Да, это был Марсель, спасшийся чудом. В ту минуту, когда он, уже совсем отчаявшись, схватился за решётку и она подалась, силы оставили его, и он лишился сознания. Течение вынесло его за пределы Штальштадта и выбросило на берег. Сколько часов пролежал он без чувств на пустынном берегу, во мраке ночи, он не мог сказать. Когда он очнулся, было уже светло.

Едва только сознание вернулось к нему, он вспомнил... Боже! Неужели он вырвался из этого проклятого места? Он свободен! Так скорей же на помощь к друзьям, скорее предупредить доктора Саразена! Невероятным усилием он заставил себя подняться.

Сорок километров отделяло его от Франсевилля. Ни поезда, ни повозки, ни лошадей – ничего! Сорок километров пешком по этой пустынной, словно проклятой богом местности, окружающей страшный Стальной город. Он прошёл эти сорок километров, ни разу не присев, не отдыхая, и в четверть одиннадцатого уже входил в город доктора Саразена. Из расклеенных на стенах афиш он узнал, что жители Франсевилля уже предупреждены о том, что им угрожает опасность; но он понял, что они не знают ни размеров этой чудовищной опасности, ни того, что она обрушится на них сегодня же.

Часы показывали четверть одиннадцатого. Катастрофа, задуманная герром Шульце, должна произойти в одиннадцать сорок пять.

Собрав последние остатки сил, Марсель бегом пробежал расстояние, отделявшее его от городской площади, и в ту минуту, когда собрание уже готово было разойтись, появился на трибуне.

– Друзья мои! – воскликнул он. – Катастрофа угрожает вам не через месяц, не через неделю: она разразится над вами меньше чем через час. Море огня и железа обрушится на Франсевилль. Я видел своими глазами это адское орудие и знаю, что оно уже наведено на ваш город. Пусть женщины и дети сейчас же укроются в подвалах или выйдут за пределы города и спрячутся в горах, а мужчины пусть приготовятся всеми средствами, всеми силами бороться с огнём. Огонь – это сейчас единственный ваш враг. Ни суда, ни войска не движутся на вас. Противник, угрожающий вам, пренебрёг этими обычными средствами нападения. И если планы и расчёты этого человека, способного, как вы знаете, на неизмеримое зло, если, повторяю, эти расчёты правильны, если Шульце на этот раз не ошибся, то весь город от его снаряда мгновенно будет объят пламенем. Огонь вспыхнет сразу в ста различных точках, и нужно будет бороться с ним всюду. Но в первую очередь, конечно, надо спасти население, потому что в конце концов, если нам не удастся спасти дома, памятники, если даже, несмотря на наши усилия, весь город сгорит дотла, то мы сможем построить его заново. Для этого нужны только время и деньги.

В Европе Марселя, наверное, сочли бы за сумасшедшего, но в Америке люди привыкли не удивляться чудесам науки, сколь бы они ни казались невероятными, и толпа, которую взволнованный тон и измученный вид Марселя потрясли не меньше, чем его слова, готова была повиноваться ему без всяких возражений. Доктор Саразен ручался за Марселя Брукмана – этого для франсевилльцев было достаточно.

Тотчас же были отданы необходимые распоряжения и по всем кварталам разосланы уполномоченные с соответствующими инструкциями. Жители стали расходиться по домам: кто укрывался в подвале, решив перетерпеть дома все ужасы бомбардировки, а кто пешком, верхом или в экипаже отправлялся за город, в ущелье Каскад-Маунтс.

Тем временем мужчины таскали на главную площадь и на другие указанные доктором пункты воду, песок, землю – всё, что могло служить оружием для борьбы с огнём.

В зале заседаний между тем продолжалась беседа: члены совета расспрашивали Марселя о смертоубийственном изобретении Шульце.

Но Марсель казался поглощённым какой-то одной неотвязной мыслью. Он рассеянно отвечал на вопросы и, нахмутив лоб, что-то шептал про себя. Внезапно судорожным движением он сунул руку в карман и вытащил записную книжку. Поспешно перелистав её, он лихорадочно начал записывать какие-то цифры, и, по мере того как он проделывал свои вычисления, лоб его разглаживался, лицо прояснялось. Наконец, подняв голову, он обвёл присутствующих сияющим взглядом.

— Друзья мои! — воскликнул он. — Или цифры лгут, или угроза, нависшая над нами, рассеется, как кошмар. Расчёты Шульце идут вразрез с основными законами баллистики. Это подтверждается решением вот этой задачи, над которой я долго ломал себе голову. Шульце на этот раз ошибся. Ничего из того, что он задумал, не случится. Его чудовищный снаряд пролетит над Франсевиллем, не причинив ему никакого вреда. И если нам грозит какая-либо опасность, то во всяком случае не сейчас.

Что означали слова Марселя, никто, в сущности, не понял. Тогда юный эльзасец подробно изложил суть своих вычислений и так просто и внятно объяснил ход своих мыслей и решение задачи, что даже тем, кто никогда не занимался математикой, все стало совершенно ясно.

И у тех, кто его слушал, отлегло от сердца. Снаряд Шульце не только не заденет Франсевилля, но вообще ничего не заденет, ибо начальная скорость этого снаряда настолько велика, что он должен вылететь за пределы атмосферы и затеряться в пространстве.

Доктор Саразен, одобрительно кивая головой, следил за вычислениями Марселя, потом вдруг, подняв руку и указав на светящийся циферблат стенных часов, висевших в зале, сказал громко:

— Через три минуты, друзья мои, мы своими глазами увидим, на чьей стороне правда... Но как бы там ни было, меры предосторожности, принятые нами, никогда не помешают. Если этот удар и минует нас, Шульце на этом не остановится. Ненависть его только возрастёт от неудачи. Будем же готовы дать ему надлежащий отпор.

— Идёмте! — вскричал Марсель.

И все устремились за ним на площадь.

Часы на ратуше медленно прозвонили три четверти двенадцатого. Спустя несколько секунд высоко в небе показалась тёмная масса и с молниеносной быстротой, оглашая воздух зловещим свистом, пронеслась над Франсевиллем и мгновенно скрылась из глаз.

— Счастливого пути! — с хохотом крикнул ей вдогонку Марсель. — Тебе уже больше никогда не увидеть Земли!

Через две минуты в отдалении послышался глухой взрыв, и земля словно охнула у них под ногами. Это был звук пушечного выстрела на «Башне быка», долетевший до них на сто тридцать секунд позже снаряда, который промчался со скоростью, превышающей скорость звука.

Глава тринадцатая

Марсель Бруклин профессору Шульце, Штальштадт

«Франсевилль,
14 сентября

Считаю своим долгом уведомить стального короля, что третьего дня вечером я благополучно перешёл границу его владений, предпочтя спасение собственной персоны спасению модели пушки герра Шульце. Свидетельствуя вам своё почтение, я желал бы поблагодарить вас за проявленную вами любезность и в свою очередь посвятить вас в свою тайну — можете быть спокойны, вам не придётся платить за это своей жизнью.

Моя фамилия не Шварц, и я не швейцарец. Я эльзасец. Зовут меня Марсель Брукман. Я неплохой инженер, по вашему признанию, но прежде всего я француз. Вы

объявили себя неумолимым врагом моей родины, моих друзей, моей семьи. Вы замыслили погубить вашими гнусными изобретениями все самое дорогое для меня. Я пошёл на все, чтобы проникнуть в ваши замыслы. И я сделаю все, чтобы их разрушить.

Спешу довести до вашего сведения, что первый ваш удар, слава богу, не попал в цель. Ваша пушка поистине достойна всяческого удивления, но самое удивительное в ней – это то, что снаряды, которые она выбрасывает при помощи такого чудовищного заряда пороха, никому не могут причинить вреда, ибо они никогда никуда не попадут. Я об этом подумал с самого начала, когда вы мне её показывали, но ныне это неоспоримый факт, который увековечит имя герра Шульце, славного изобретателя ужасного, мощного, но совершенно безобидного орудия.

Итак, я думаю, вам доставит удовольствие узнать, что вчера в одиннадцать часов сорок пять минут четыре секунды мы любовались вашим чересчур усовершенствованным снарядом, когда он пролетал над нашим городом. Он умчался на запад, устремляясь в безвоздушное пространство, где ему отныне суждено носиться до скончания века. Снаряд, начальная скорость которого достигает десяти километров в секунду, то есть, иными словами, раз в двадцать превышает обычную начальную скорость, не может упасть. Его поступательное движение вместе с силой тяготения обратит его в вечно движущееся тело, обречённое носиться в межпланетном пространстве в качестве постоянного спутника нашей планеты³⁶.

Не мешало бы вам помнить об этом.

В заключение выражаю надежду, что ваша пушка в «Башне быка» пришла в совершенную негодность после этой первой пробы. Но выпустить заряд в двести тысяч долларов, чтобы подарить миру новую звезду, а Земле – нового спутника, право, это не так уж дорого.

Марсель Брукман».

Это письмо было немедленно отправлено с нарочным из Франсевилля в Штальштадт.

Читатель, конечно, простит Марселю эту мальчишескую выходку, которая была вызвана вполне невинным желанием – посмеяться над герром Шульце.

Марсель был совершенно прав, утверждая, что знаменитый снаряд герра Шульце, вылетевший в силу своей чудовищной скорости за пределы земной атмосферы, никогда не упадёт на землю и что грозная пушка в «Башне быка», выпустив такой сверхмощный заряд, навсегда выйдет из строя.

Можете себе представить, каким ударом для обманувшегося в своих надеждах Шульце было это письмо! Каким щелчком по его самолюбию!

Едва он пробежал глазами первые строчки, как вся кровь кинулась ему в лицо, и, когда он дочитал до конца, голова его упала на грудь, руки повисли и он так и остался сидеть на месте, словно его кто-то ударил. Так он просидел минут пятнадцать, а когда, наконец, вышел из оцепенения, то его охватила такая ярость, что на него страшно было смотреть.

Однако Шульце был не такой человек, чтобы признать себя побеждённым.

С этой минуты он объявил войну Марселю, войну не на жизнь, а на смерть.

С пушкой не вышло, ну что ж! Посмотрим, как им понравятся его снаряды с жидкой угле-

---

³⁶ Вычисления начальной скорости, необходимой для превращения снаряда в постоянный спутник Земли, или в тело, свободно несущееся в мировом пространстве, были сделаны Жюлем Верном с помощью математика Гарсе во время работы над романом «С Земли на Луну» (1865). Расчёты, основанные на механике Ньютона, приводятся в тексте упомянутой книги, где указаны также необходимые условия, чтобы снаряд, описав замкнутую кривую (гиперболу), вернулся на Землю к месту запуска. В романе «Пятьсот миллионов бегумы» Жюль Верн ограничивается итоговой цифрой (10 километров в секунду), объясняющей ошибку профессора Шульце. В фантастической литературе это были первые научные обоснования космических полётов. В данном случае можно сказать с уверенностью, что завершающий эпизод, вводящий мотивировку событий, разработан Жюлем Верном. Это и помогло «довести ситуацию до развязки».

кислотой, которые на более близкой дистанции можно послать из самого обыкновенного орудия.

Утешившись этой мыслью, стальной король овладел собой и вернулся к прерванным занятиям.

Итак, над Франсевиллем снова нависла угроза, и теперь, более чем когда-либо, ему надо было держаться наготове.

Глава четырнадцатая **Франсевилль готовится к бою**

Опасность хоть и отдалилась, но отнюдь не перестала угрожать Франсевиллю.

Марсель посвятил доктора Саразена и его друзей во все замыслы Шульце, рассказал о его мощных орудиях разрушения и о подготовительных работах, которые велись в Штальштадте.

На следующий день совет обороны, куда вошёл и Марсель, приступил к разработке и осуществлению плана защиты города.

Самым ревностным помощником Марселя оказался Октав, который за время своего пребывания в Франсевилле сильно изменился к лучшему.

Каковы были решения, принятые советом обороны, в это жители города не были подробно посвящены, но инструкции, вытекавшие из этих решений, ежедневно печатались в прессе, и в них нетрудно было угадать практический ум и предусмотрительность молодого эльзасца.

– Для того чтобы хорошо организовать защиту города, – толковали между собой франсевилльцы, – важнее всего знать силы противника и, исходя из этого, возводить оборону. Конечно, пушки Шульце – это страшная штука. Но лучше уж иметь дело с этими пушками, зная их количество, калибр и дальность, чем с какими-нибудь другими разрушительными орудиями, о которых ничего не известно.

Самое главное – не допустить вторжения противника в город как с суши, так и с моря. На этом в первую очередь и сосредоточились все усилия совета.

В тот день, когда на всех улицах появились объявления о том, что план обороны выработан и гражданам предлагается принять участие в его осуществлении, франсевилльцы с радостью бросились предлагать свои услуги. Люди всех возрастов и профессий становились одинаково охотно в ряды простых чернорабочих, землекопов или каменщиков.

Работа шла быстро и весело. В город навезли запасов продовольствия на два года. Крытые городские рынки, превращённые в продовольственные склады, наполнились доверху мешками с мукой, крупой, сахаром, сушёными овощами и фруктами, горами всевозможных консервов, тушами копчёного мяса, различными сортами сыров. Многочисленные гурты домашнего скота были загнаны в сады и парки, разбитые по всему Франсевиллю. На площадях каждый день выгружали горы угля и железа, – и то и другое было необходимо для длительной борьбы: железо для выделки оружия, уголь для отопления.

Приказ о мобилизации всех мужчин, способных носить оружие, был встречен с подлинным энтузиазмом и ещё раз показал высокий моральный уровень жителей Франсевилля, этих граждан-воинов.

В коротких шерстяных куртках и полотняных брюках, в удобных башмаках и мягких кожаных шляпах, вооружённые ружьями Вердера, отряды горожан маршировали по широким бульварам.

Партии кули возводили укрепления, копали рвы и строили редуты.

На вновь оборудованных заводах быстро и бесперебойно отливались пушки. Для этой целигодились дымогарные печи, которые нетрудно было переделать в плавильные горны.

Во всех этих работах Марсель принимал деятельное участие. Он поспевал всюду, и за что бы он ни брался, работа так и кипела у него в руках. Где бы ни возникало какое-нибудь затруднение, теоретическое или практическое, он всегда умел его разрешить. В случае надобности он, засучив рукава, охотно приходил на помощь и показывал, как лучше взяться за то или другое. Благодаря этому он пользовался большим авторитетом, и все его распоряжения исполнялись немедленно и беспрекословно.

Октав старался не отставать от Марселя. Первые дни, правда, он предавался мечтам о том, как он украсит свой мундир золотыми галунами, но очень скоро он все это выбросил из головы и понял, что ему придётся начать свою военную службу простым солдатом. Он занял указанное ему место в строю и сумел стать примером для своих товарищей. А тем, кто пытался подшутить над ним, делая вид, что жалеют его, он отвечал спокойно:

– Каждому своё место по заслугам. Возможно, я не сумел бы командовать, зато теперь я по крайней мере научусь подчиняться.

Между тем в городе распространялись тревожные слухи, и хотя они, к счастью, оказались ложными, каждый франсевиллец, насколько это было возможно, старался приналечь на работу. Кто-то сообщил, что герр Шульце ведёт переговоры с несколькими судоходными транспортными компаниями о перевозке своих орудий. Вслед за этой «уткой» спустя некоторое время кто-то пустил другую, за ней третью, и они стали появляться чуть ли не каждый день. То это были слухи о том, что флот Шульце взял курс на Франсевилль, то сообщалось, что железная дорога в Сакраменто перерезана отрядами улан, свалившимися, по-видимому, с неба.

Но все эти слухи, которые тут же опровергались, выдумывались для забавы читателей досужими репортёрами, – на самом же деле Стальной город не подавал никаких признаков жизни.

Это загадочное молчание, хотя и позволяло франсевилльцам успешно продолжать работы по обороне, все же несколько беспокоило Марселя, когда он в редкие минуты отдыха задумывался над странным поведением Шульце.

«Неужели этот разбойник изменил свои намерения и готовит нам какой-нибудь новый гнусный фокус?»

Но так как план обороны предусматривал все возможности нападения как с суши, так и с моря, то Марсель подавлял своё беспокойство и с удвоенной энергией возвращался к работе.

Работа заполняла весь его день, и единственное удовольствие, которое он позволял себе после трудового дня, были короткие полчаса вечером в гостиной госпожи Саразен.

Доктор с первого же дня настоял, чтобы Марсель каждый день приходил к ним обедать, конечно за исключением тех случаев, когда он будет связан каким-нибудь другим приглашением. Но, как это ни странно, Марсель, по-видимому, не получил ни одного приглашения, ради которого он решился бы отказаться от этой привилегии.

Чем объяснялось такое постоянство? Вряд ли ему доставляло такое уж наслаждение смотреть на послеобеденную партию в шахматы доктора Саразена с полковником Гендоном. По-видимому, его привлекало что-то другое. И хотя он не отдавал себе отчёта в своих чувствах, но ни на что в мире он не променял бы те короткие минуты, которые он проводил вечером после обеда в обществе госпожи Саразен и Жанны, когда они усаживались за большой стол – женщины с работой в руках для будущих походных госпиталей – и мирно беседовали втроём.

– Так, значит, эти стальные болты лучше тех, чертежи которых вы нам показывали в прошлый раз? – спрашивала Жанна, интересовавшаяся всеми работами по обороне.

– Несомненно, мадемуазель, – отвечал Марсель.

– Ну, я очень рада. Но подумать только, сколько труда и изобретательности требует в техническом деле каждая маленькая деталь! Вы мне говорили, что сапёры вырыли вчера около пятисот метров траншей. Ведь это очень много, правда?

– Увы, это далеко не достаточно. Если мы так будем продолжать, вряд ли нам удастся окончить наши укрепления к концу месяца.

– Я бы так хотела, чтобы у нас все уже было готово, и пусть тогда приходят эти гнусные банды Шульце. Насколько мужчины счастливее нас, женщин! Они заняты делом, они знают, что нужны. И ожидание для них не так тягостно, как для нас. А мы, на что мы годимся?

– На что вы годитесь? – пылко воскликнул обычно невозмутимый Марсель. – Как вы можете так говорить, Жанна? А ради кого же, как не ради вас, наши мужчины бросили все и стали простыми солдатами?! Что заставляет их сейчас трудиться не покладая рук, если не единственное желание – обеспечить спокойствие и счастье своих матерей, жён, сестёр, невест? Кто вдохновляет их, как не вы? Во имя чего они готовы жертвовать собой, как не во имя чувства...

Но тут Марсель, запнувшись на этом слове, смутился и замолчал. Жанна тоже молчала. И

доброй госпоже Саразен пришлось прийти им на выручку.

– Чувство долга, – сказала она, – вот что заставляет наших франсевилльцев забывать о себе в минуты опасности.

После таких бесед Марсель с ещё большим воодушевлением возвращался к своей работе и в сотый раз давал себе клятву спасти Франсевилль и не допустить гибели ни одного из его обитателей. Он никак не мог ожидать события, которое вскоре должно было поразить всех, хотя это было естественным, неизбежным следствием того противоестественного положения вещей, когда один человек держит в своих руках все, – а это был основной закон Стального города.

Глава пятнадцатая

Биржа в Сан-Франциско

Биржа в Сан-Франциско, самая оживлённая и самая удивительная в мире, представляет собой некое, так сказать, алгебраическое выражение мировой промышленности и торговли.

Благодаря географическому положению главного города Калифорнии он отличается от всех других своим явно космополитическим характером. Под его роскошными портиками из красного гранита рослый белокурый саксонец сталкивается с бледным, тонким, темноволосым кельтом; негр – с финном и бронзовым индусом; полинезиец с удивлением взирает на гренландца; китаец с искусно заплетённой косой старается перехитрить своего многовекового врага – японца. Все языки, все наречия смешиваются в единый жаргон в этом современном Вавилонском столпотворении.

День 19 октября на этом единственном в своём роде рынке мира начался как обычно и не предвещал ничего особенного. Как всегда, к одиннадцати часам дня начали сходиться главные маклеры и агенты. Они пожимали друг другу руки, весело или сдержанно, в зависимости от темперамента каждого, после чего направлялись к буфету, чтоб совершить перед своими операциями умиловительные возлияния. Затем они один за другим направлялись в вестибюль, где рядами вдоль стен стояли шкафы с нумерованными ящиками для почты. Каждый доставал из своего ящика адресованные на его имя объёмистые пакеты и на ходу бегло просматривал их содержимое. Вслед за этим вскоре устанавливались курсы дня; толпа дельцов постепенно росла, вместе с ней нарастали оживление и сутолока.

К полудню со всех концов земного шара начали в изобилии поступать телеграммы. Среди общего гама и сумятицы ежеминутно раздавался зычный голос, выкрикивающий текст только что доставленной депеши, после чего её тут же наклеивали на стену, где уже красовалась целая коллекция. Сутолока с минуты на минуту росла. Блокноты, записные книжки мелькали в руках. Маклеры сновали взад и вперёд, опрометью бросались к телеграфному бюро, посылали запросы, возвращались с ответами. Казалось, повальное безумие овладевает толпой, и вдруг словно какой-то магнетический ток пробежал по всему залу.

Один из акционеров Дальневосточного банка принёс неслыханное, потрясающее, невероятное известие, и оно с быстротой молнии облетело всех.

- Какой вздор! – говорили одни. – Это наверняка чьи-то фокусы! Кто поверит такой утке!
- Нет, не говорите, – возражали другие, – дыма без огня не бывает.
- Да разве такое предприятие может лопнуть?
- Всякое предприятие может лопнуть.
- Подумайте, какой капитал! Одно оборудование оценивается свыше восьмидесяти миллионов!
- Не считая литья, стали, запасов и готовой продукции!
- Кой черт! Я вам говорю, Шульце стоит не меньше девяноста миллионов. И я берусь реализовать их в любое время.
- Но чем же вы объясняете, что они прекратили платежи?
- А зачем мне объяснять? Не верю я этой чепухе!
- А что, разве на наших глазах такие вещи не случаются чуть ли не каждый день, да ещё с самыми солидными фирмами?

– Штальштадт – не фирма, это целый город.

– Во всяком случае, до краха тут дело дойти не может. Сейчас же объявится какая-нибудь компания и заберёт это дело в свои руки.

– Но почему же сам Шульце не позаботился организовать такую компанию, а допустил, чтобы опротестовали его векселя?

– Вот потому-то я и говорю, что это абсурд. Ну, сами-то разве вы не видите, что это противоречит всякому здравому смыслу? Ясно и очевидно, что это утка, и пустил её не кто иной, как Нэш. Ему до зарезу нужно поднять курс своих стальных акций.

– Вовсе это не утка. Шульце действительно обанкротился. Хуже того: он скрылся.

– Да перестаньте!

– А я вам говорю, скрылся. Да вон там, посмотрите, только что телеграмму наклеили.

Громадная толпа хлынула к стене, где висела доска с депешами. Свеженаклеенная голубая бумажка гласила:

«Нью-Йорк, 12.10. Центральный банк. Завод Штальштадт. Платежи прекращены. Пассив: 47 миллионов долларов. Шульце исчез».

Теперь, как это ни казалось невероятно, сомневаться не приходилось, и пошли всякие догадки и предположения.

К двум часам отовсюду посыпались телеграммы о потерях, понесённых различными предприятиями, связанными с Шульце. Больше всех потерял нью-йоркский Майнинг-банк, затем шла чикагская фирма «Уэстерли и сыновья», потерявшая семь миллионов долларов, банк Милуоки-Буффало – пять миллионов, промышленный банк в Сан-Франциско – полтора миллиона и, наконец, всякая мелюзга, целая серия мелких коммерческих предприятий.

Тем временем и другие неизбежные последствия этого грандиозного события развёртывались с лихорадочной быстротой.

Затишье на бирже, отмеченное экспертами, рано утром сменилось лихорадочным оживлением. Какие взлёты, скачки! Какой неистовый разгул спекуляции!

Подскочили стальные акции, повысились угольные!

Пошли вверх акции всех литейных предприятий Соединённых Штатов Америки. Мгновенно выросли цены на фабричные изделия любой отрасли всех видов железной промышленности. Поднялись в цене земельные участки Франсевилля. Последнее время в связи с надвигающимися военными событиями на них пропал всякий спрос, они перестали котироваться на рынке; сейчас они подскочили сразу до ста восьмидесяти долларов за акр.

Вечером у газетных киосков стояли толпы народу. Но ни «Геральд», ни «Трибюн», ни «Альта», ни «Гардиан», ни «Эко», ни «Глоб», как ни старались возместить жирным шрифтом и грандиозными буквами скудность своей информации, не могли сообщить ничего, кроме того, что уже было известно.

А известно было следующее: 25 сентября банкирам стального короля – «Шпринг, Штраус и К°» в Нью-Йорке – был предъявлен фирмой «Джексон Элдер и К°» вексель на восемь миллионов долларов за подписью Шульце. Обнаружив, что банковское сальдо их клиента не позволяет покрыть этой громадной суммы, они тотчас же послали Шульце запрос по телеграфу, но не получили ответа.

Тогда они бросились проверять свои книги и с удивлением обнаружили, что на протяжении тридцати дней не получили из Штальштадта ни одного ценного письма, ни одного перевода. С этого момента все чеки и векселя, выданные за подписью Шульце на их банк и скопившиеся день за днём, стали возвращаться обратно предъявителям с пометкой: «На текущем счёту денег нет».

В течение четырех дней банкирский дом «Шпринг, Штраус и К°», осаждаемый телеграммами, запросами и бесчисленными возмущёнными требованиями, осаждал в свою очередь Штальштадт десятками депеш, с недоумением ожидая ответа.

Наконец ответ пришёл: герр Шульце 17 сентября бесследно исчез. Никто не имеет ни малейшего представления, что это значит. Он не оставил никаких распоряжений. В кассах Штальштадта денег нет.

Теперь уже невозможно было скрывать истинное положение дел. Наиболее крупные кредиторы испугались и передали свои векселя в коммерческий суд. В течение каких-нибудь двух-трех часов обнаружился полный крах, который с молниеносной быстротой повлек за собой целую серию крупных и мелких банкротств. В двенадцать часов дня 13 октября общая сумма пассива Шульце определялась в сорок семь миллионов долларов. Можно было предполагать, что она дойдёт до шестидесяти миллионов, так как опротестованные векселя все ещё продолжали поступать.

Вот всё, что было известно и что с более или менее живописными подробностями повторяли все газеты. Само собой разумеется, что все они обещали сообщить на следующий день самые достоверные сведения.

И в самом деле, не было ни одной газеты, которая не позаботилась бы с первой же минуты послать своего корреспондента в Штальштадт.

Четырнадцатого октября вечером целая армия репортёров, вооружённых блокнотами и карандашами, подступила к Стальному городу. Но эта армия тотчас же отхлынула, ударившись, как волна, о крепостную стену Штальштадта. Стража, как и прежде, охраняла ворота, и тщетно репортёры пускались на всевозможные уловки, пробовали все средства соблазна – она оставалась неумолимой.

Единственно, что удалось узнать, – это что рабочие пребывали в полном неведении и что в их повседневной рутине пока ничего не изменилось. Только накануне мастера получили распоряжение объявить рабочим, что в цеховых кассах нет денег и в связи с отсутствием каких бы то ни было инструкций из центрального сектора работы будут прекращены в следующую субботу, если до тех пор не будет получено какого-нибудь нового приказа.

Все это не только не разъясняло истинного положения дел, а, наоборот, ещё больше запутывало его. То, что герр Шульце исчез около месяца тому назад, ни для кого не было тайной. Но каковы были причины и смысл этого исчезновения, никто не мог сказать.

Смутное ожидание, что эта загадочная личность вот-вот снова появится, заглушало томительное чувство тревоги.

На заводе первые дни все шло по инерции, как обычно, – каждый с неизменной точностью и быстротой выполнял свои повседневные обязанности. Цеховые кассы аккуратно каждую субботу выплачивали жалованье. Центральная касса до самых последних дней удовлетворяла все местные нужды. Но система централизованной власти в Штальштадте была доведена до столь высокой степени совершенства, все так слепо повиновалось воле хозяина, что его отсутствие не замедлило естественным образом вызвать перебои в ходе этой сложной машины.

Так, в промежутке с 17 сентября, с того дня, как стальной король в последний раз подписал приказы, до 13 октября, когда, как гром с ясного неба, обрушилось известие о прекращении платежей, тысячи писем, адресованных в Штальштадт, и среди них, по всей вероятности, немало весьма ценных, были опущены в почтовый ящик центрального сектора и оттуда доставлены в кабинет герра Шульце. Только он один сохранял за собой право вскрывать эти письма, он сам делал на них пометку красным карандашом и направлял их к главному кассиру.

Даже самым высокопоставленным чиновникам Штальштадта не пришлось бы в голову превысить свои полномочия. Облечённые почти неограниченной властью по отношению к своим подчинённым, они перед лицом герра Шульце, и даже, можно сказать, призрака герра Шульце, были совершенно безличными пешками, послушными исполнителями его воли, лишёнными всякой инициативы и даже права голоса. Каждый из них, замкнувшись в узком круге своих обязанностей, невозмутимо выжидал, медлил, способствуя тем самым назреванию катастрофы. И, наконец, катастрофа разразилась. Она назревала медленно. Крупные заинтересованные фирмы, встревоженные прекращением платежей, посылали запросы, телеграммы, объяснительные письма, протесты, но никто и мысли не допускал, что такое высокорентабельное предприятие может оказаться дутым. Понадобилось довольно много времени, чтобы, наконец, возникло подозрение, что дело обстоит неблагоприятно. Тогда только обратились в судебные инстанции, и, ко всеобщему изумлению, выяснилось с совершенной точностью: герр Шульце скрылся от своих кредиторов.

Это было всё, что удалось узнать репортёрам. И даже самому знаменитому Мейклджону, прославившемуся тем, что он ухитрился выудить кое-какие политические признания у президента Гранта, самого скрытного политического деятеля своего века, и неутомимому Блундербуссу, завоевавшему себе славу тем, что он, скромный корреспондент «Уорлда», первым сообщил русскому царю о капитуляции Плевны, – даже этим китам репортажа посчастливилось не больше, чем остальным их собратьям. Им приходилось сознаться, что ни «Трибуна», ни «Уорлд» не могут сообщить ничего нового о банкротстве Шульце.

Это зловещее событие приобретало совершенно исключительный характер благодаря особому положению, которое занимал Штальштадт – независимый, изолированный город, где нельзя было произвести нормального законного расследования.

Подпись Шульце, правда, была опротестована в Нью-Йорке, и его кредиторы имели все основания предполагать, что имущество, оборудование и продукция завода Штальштадта в какой-то мере удовлетворят их претензии. Но в какой суд следовало обратиться для того, чтобы наложить на это имущество секвестр? Штальштадт представлял собой совершенно независимую территорию, он не относился ни к одному из Североамериканских штатов, он целиком принадлежал герру Шульце. Будь у него хотя бы заместитель, или уполномоченный, или какой-нибудь административный совет... Ничего подобного. В Штальштадте не было даже суда, ни даже какого-нибудь судебного органа. Шульце был и королём, и верховным судьёй, и главнокомандующим, и адвокатом, и нотариусом, и единственным полноправным коммерческим судом. Он олицетворял собой идеал единовластия. И неудивительно, что с его исчезновением Стальной город, это грандиозное здание, рухнуло, как карточный домик.

Во всяком другом такого же рода случае кредиторы могли бы объединиться в синдикат, взять управление делами в свои руки, по-своему распорядиться активом. Они могли бы тут же установить, что при очень небольшой затрате денег и умении управлять эту машину можно немедленно пустить в ход.

Но здесь это было невозможно, ибо не было никакого юридического органа, который мог бы узаконить подобного рода операцию. И это до известной степени моральное препятствие было, пожалуй, ещё более непреодолимо, чем крепостные стены и рвы, окружающие Стальной город. Несчастные кредиторы видели залог, который мог обеспечить их векселя, но не имели возможности наложить на него запрещение.

Им не оставалось ничего другого, как, объединившись всем вместе, устроить генеральное совещание. На этом совещании было решено от лица всех потерпевших подать апелляцию в конгресс, чтобы он защитил интересы американских граждан, вынес решение присоединить Штальштадт к Североамериканским соединённым штатам и подчинил таким образом этот чудовищный феномен законам всего цивилизованного мира. Кое-кто из членов конгресса был лично заинтересован в этом деле; с другой стороны, такая апелляция вполне соответствовала духу американского законодательства, и можно было надеяться, что дело увенчается успехом.

К сожалению, конгресс был только что распущен, и для того, чтобы дать ход этой апелляции, надо было ожидать следующей сессии. Между тем жизнь в Штальштадте постепенно замирала, и гигантские печи его заводов потухали одна за другой.

Глубокое уныние царило в посёлках Стального города, где десять тысяч рабочих семей лишились источника существования. Что делать? Продолжать работу в надежде на жалованье, которое, может быть, выплатят через полгода, а может быть, и совсем не заплатят? А где она, работа-то? Заказы перестали поступать, как только прекратились платежи. Клиенты Шульце выжидали, чем кончится эта загадочная история. Начальники отделов, инженеры, мастера, не получая никаких распоряжений, ничего не могли предпринять сами.

Рабочие сходились, советовались, устраивали собрания, митинги, произносили речи. Но никто не мог предложить никакого определённого плана действий, ибо никаких возможностей действовать не было. Следом за безработицей в город вошли нужда, отчаяние и пороки. Цехи пусты – народ повалил в кабаки; едва только ещё одна труба переставала дымить на заводе, в селе по соседству открывался новый кабак.

Наиболее благоразумные из рабочих, наиболее предусмотрительные, те, что сумели припа-

сти кое-что на чёрный день, складывали свои пожитки, инструменты, милые сердцу хозяйки перины и подушки и, окружённые кучей толстощёких ребятишек, восхищённых перспективой увидеть новый мир из окна вагона, торопились покинуть Штальштадт. Те, кто снялся с места, разбрелись по свету и нашли себе кто на западе, кто на востоке, на севере или на юге другой завод, другую работу, новое жильё. Но таких счастливых оказалось немного, а сколько на каждого из них приходилось бедняков, которых нужда приковала к месту! Они никуда не могли двинуться. С потухшим взором, с отчаянием в сердце, они бродили по улицам, распродавали свой жалкий скarb хищному воронью, которое, словно по инстинкту, слетается к месту человеческих бедствий, а через несколько дней или недель, когда уже нечего было продавать, оставались без денег, без работы, без надежд, и будущее простиралось перед ними холодное, безотрадное и грозное, как ледяная рука надвигающейся зимы.

Глава шестнадцатая

Два француза берут приступом город

Когда известие об исчезновении Шульце дошло до Франсевилля, первые слова Марселя были:

— А что, если это только военная хитрость?

Однако, при зрелом размышлении, он решил, что последствия этой хитрости привели к катастрофе Штальштадта, и это само собой исключает возможность подобного предположения, ибо оно граничит с нелепостью. Тем не менее он говорил себе, что ненависть не рассуждает, а исступлённая ненависть такого человека, как Шульце, может сделать его способным на все. Поэтому, что бы там ни было, Франсевиллю следует по-прежнему держаться настороже.

По настоянию Марселя совет обороны выпустил воззвание к гражданам Франсевилля, в котором он призывал их не доверять лживым слухам, распространяемым врагом с целью усыпить их бдительность.

Воодушевлённые этим призывом, граждане Франсевилля удвоили своё рвение в работе и военной подготовке, решив, что это будет наилучшим ответом на любую вылазку врага.

Но подробные сообщения в сан-францисских, чикагских и нью-йоркских газетах, описания финансовых и коммерческих крахов, вызванных катастрофой в Штальштадте, создавали такую яркую, убедительную картину, что сомневаться в истинности этого происшествия было просто нелепо.

В одно прекрасное утро жители города доктора Саразена проснулись и почувствовали себя в полной безопасности, подобно человеку, который, пробудившись и открыв глаза, чувствует, что он избавился от страшного кошмара.

Да, кошмар рассеялся; никакая угроза не висит больше над Франсевиллем. Радостную весть сообщил франсевилльцам Марсель, который, наконец, твёрдо и безоговорочно убедился в этом.

Чувство несказанного облегчения охватило всех; люди пожимали друг другу руки, целовались, поздравляли знакомых и незнакомых, устраивали званые обеды. В городе наступил праздник: женщины нарядились в лучшие туалеты, мужчины оставили земляные работы, прекратили военные упражнения, покинули лагерь. Все ликовали, радовались, сияли. Город словно вернулся к жизни после тяжёлой болезни.

Но больше всех радовался доктор Саразен. Этот благородный человек чувствовал себя ответственным за судьбу тех, кто с таким доверием и надеждой отдал себя под его покровительство и обосновался в его городе. Мысль о том, что он обрёл этих людей на гибель, он, который думал только об их благополучии и счастье, не давала ему покоя. Наконец-то эта страшная тяжесть свалилась с его души и он может дышать спокойно.

Пережитая опасность теснее сблизила граждан Франсевилля. Люди, принадлежащие к самым различным слоям общества, почувствовали себя братьями, связанными одними и теми же стремлениями, живущими одними и теми же интересами. Каждый ощущал, как в душе его рождается что-то новое. Это новое было их новой отчизной. Они вместе страдали, вместе тревожи-

лись за неё и только теперь поняли, как она дорога им.

Словом, работы по укреплению и обороне Франсевилля, несомненно, послужили ему на пользу. Маленькая колония узнала, рассчитала и проверила свои силы. Она чувствовала себя более уверенной. Теперь уже никакой враг не застанет её врасплох. Короче говоря, никогда до сих пор детище доктора Саразена не видело перед собой более блестящих перспектив.

И удивительное дело, люди не забыли, кому они обязаны своим спасением, не остались неблагодарными. От имени всего города организатору защиты, молодому инженеру, самоотверженная деятельность которого дала возможность Франсевиллю подготовиться к нападению врага, была принесена публичная благодарность. Но Марсель считал, что дело ещё не доведено до конца.

«Тайна, окружающая Стальной город, может ещё заключать в себе опасность, – рассуждал он. – Я только тогда буду спокоен, когда мне удастся рассеять этот мрак и вытащить на свет эту тайну».

И он решил вернуться в Штальштадт и во что бы то ни стало добиться разрешения загадки.

Напрасно доктор Саразен пытался отговорить его от этой затеи; тщетно старался он убедить Марселя, что это дело рискованное, опасное, что ему на каждом шагу может грозить какая-нибудь страшная неожиданность, что это всё равно что самому лезть в преисподнюю.

– Герр Шульце не такой человек, чтобы исчезнуть так просто. Он, даже умирая, не забудет о том, чтобы приготовить ловушку своему врагу. Нельзя даже представить себе, на что способно такое чудовище, – убеждал Марселя доктор.

– Вот именно потому, что я совершенно согласен с вами и допускаю возможность всего того, что вы говорите, дорогой доктор, – отвечал Марсель, – я и считаю своим долгом отправиться в Штальштадт. Это бомба, у которой нужно вынуть фитиль, прежде чем она разорвётся, и я даже хочу просить у вас разрешения взять с собой Октава.

– Октава?! – воскликнул доктор.

– Да, да. Вы только посмотрите, какой это молодец. На него смело можно положиться, и я уверяю вас, что эта маленькая прогулка пойдёт ему только на пользу.

– Ступайте, дети мои, и да сохрани вас бог! – с волнением сказал старик доктор, обнимая Марселя и сына.

На следующий день на рассвете Марсель и Октав, оставив позади пустынные рабочие посёлки, подъехали к воротам Штальштадта. Оба были прекрасно вооружены, предусмотрительно запаслись всем необходимым, и оба твёрдо решили не возвращаться домой до тех пор, пока им не удастся раскрыть эту чёрную тайну.

Они вышли из экипажа и пошли по дороге вдоль высоких укреплений города. И тут их глазам предстала мрачная действительность, которой так долго отказывался верить Марсель.

Завод молчал. На беззвёздном небе смутно вырисовывалась тёмная громада – ни одного освещённого окна, ни зарева огней, ни вспышек искр, разлетающихся огненным снопом, ни газовых рожков, ни фонарей. Никаких признаков жизни. Безмолвие и мрак. Казалось, будто смерть витает над городом, а чёрные трубы торчат, как обугленные скелеты. Звук шагов гулко разносился в пустынной тишине.

– Какое уныние! – невольно вырвалось у Октава. – Точно по кладбищу идёшь.

Было семь часов утра, когда они подошли к главным воротам Штальштадта.

На крепостном валу, где раньше стояли, как столбы, часовые, не видно было ни души. Но мост перед воротами был поднят, и Марсель с Октавом остановилась на краю глубокого рва метров в пять-шесть шириной.

Они потратили не меньше часа, пока им удалось закинуть за железную перекладину ворот захваченный с собой канат. Наконец Марселю посчастливилось удачно закрепить петлю, и Октав поднялся по канату на высокие ворота. Марсель кинул ему одно за другим всё, что у них было с собой, а затем и сам поднялся тем же путём. Перебросить тот же канат по ту сторону стены, переправить «обоз» и спуститься самим было делом нескольких минут. Они очутились теперь на окружном шоссе, по которому некогда шествовал Марсель, направляясь в сектор «О». И тут тоже была пустыня и тишина. Прямо перед ними высились угрюмые заводские здания. Они гляде-

ли на них чёрными глазницами окон и точно говорили пришельцам: «Прочь отсюда! Какое вам дело до наших тайн?»

– Пожалуй, лучше всего нам пройти к воротам «О», я их знаю, – сказал Марсель.

Они повернули налево и вскоре подошли к массивной арке, на которой посредине красовалась буква «О». Тяжёлые дубовые ворота, окованные железом, были закрыты.

Марсель поднял с земли большой булыжник и, размахнувшись, ударил им в ворота.

Ответом ему было только эхо.

– Ну, марш на приступ! – крикнул Марсель.

Они снова принялись забрасывать канат на ворота и порядком измучились, прежде чем им удалось прочно зацепить его. Наконец они очутились по ту сторону стены, на главном проспекте сектора «О».

– Стоило трудиться! – с негодованием воскликнул Октав. – Берём приступом одну стену – вырастает другая, третья... Что же это, так до бесконечности?

– В строю не рассуждать! – смеясь, крикнул Марсель. – Вон посмотри-ка лучше – направо мой цех. Я с удовольствием загляну в него ещё раз. Кстати, мы там захватим кое-какие инструменты и несколько динамитных шашек.

Они вошли в громадный литейный цех, где начал свою карьеру в Штальштадте молодой эльзасец. Каким мрачным казался теперь этот цех, со своими потухшими печами и покрытыми ржавчиной рельсами! Серые от пыли подъёмные краны, словно виселицы, простирали вверх свои громадные разъятые руки! Это зловещее зрелище леденило сердце. Марсель поспешил увести отсюда Октава.

– Вот этот цех, пожалуй, будет интереснее для нас, – сказал он, направляясь по знакомой дороге к столовой, в которой когда-то обедал каждый день.

Октав молча кивнул, но лицо его заметно оживилось, когда он увидел деревянную стойку и на ней целую батарею бутылок всех цветов и размеров. Тут же стояло несколько коробок с консервами самых прославленных фирм. Молодые люди спокойно расположились за прилавком и с удовольствием приступили к завтраку. Экспедиция ещё только началась, и подкрепиться не мешало.

Закусывая, Марсель думал о том, как им проникнуть в «Башню быка». Перебраться через стену центрального сектора нечего было и думать. Эта стена была неприступной высоты и совершенно гладкая, без единого выступа, и при этом поблизости не было ни одного строения, ни одного дерева. Чтобы разыскать вход в неё, и, вероятно, единственный, надо было обойти весь сектор, что было далеки не просто. Оставалось одно: пустить в дело динамит. Конечно, это было весьма рискованно, так как можно было предполагать, что герр Шульце перед своим исчезновением позаботился расставить ловушки своим врагам, заложив где-нибудь мины для пришельцев, которые отважатся завладеть Штальштадтом. Но все эти соображения не могли заставить Марселя отказаться от того, что он задумал.

Когда Октав подкрепился и отдохнул, Марсель предложил пойти прямо по улице, которая перерезала сектор «О» в упиралась в высокую каменную стену.

– Что ты скажешь насчёт того, чтобы подорвать эту стенку динамитом? – спросил он.

– Дело нелёгкое, да ведь мы сюда не гулять пришли, – сказал Октав, готовый на любую попытку.

Недолго думая, они принялись за работу. Им пришлось немало повозиться. Надо было обнажить фундамент стены, вложить в расщелину между двумя камнями сильный рычаг, раскачать его, выломать один камень, пробуровать несколько небольших параллельных отверстий и заложить в них динамит. К десяти часам все было готово. Октав чиркнул спичкой и поджёг фитиль.

Марсель знал, что фитиль будет гореть пять минут. Поэтому он заранее присмотрел поблизости небольшой кабачок в подвале с глубоким сводом и толстыми стенами. Там они и укрылись в ожидании взрыва.

Не без волнения считали они минуты. Вдруг здание и самый подвал покачнулись, как от землетрясения. Вслед за толчком раздался оглушительный взрыв, как если бы несколько десятков пушек грянуло разом, и через две-три секунды все кругом превратилось в груды развалин.

Воздух содрогался от грохота обрушивающихся крыш, обваливающихся стен, балок и далеко разносил звон битого стекла.

Наконец все стихло. Марсель и Октав вылезли из своего убежища.

Картина, представившаяся их глазам, потрясла даже Марсея, хотя ему и не раз приходилось наблюдать действие взрывчатых веществ. Половина сектора «О» взлетела на воздух. Казалось, город подвергся длительному орудиюному обстрелу. Полуразрушенные стены зданий обнажили внутренности цехов. Вывороченные балки, рамы, железные листы, груды битого стекла и щебня покрывали землю, а густые облака пыли ещё носились в воздухе и медленно серой пеленой оседали на горы развалин.

Марсель с Октавом бросились к стене; в ней зияла громадная брешь метров в пятнадцать – двадцать шириной, а по ту сторону виднелся знакомый Марселю двор центрального сектора.

Двор был окружён железной решёткой, но, так как он теперь никем не охранялся, они мигом перемахнули через неё.

И здесь их встретила та же мёртвая тишина.

Марсель обошёл модельные мастерские, где он когда-то изо дня в день сидел над своими чертежами. В одном из кабинетов ему случайно попался на глаза неоконченный чертёж паровой машины. Это был тот самый чертёж, над которым он начал работать, когда его вызвали к герру Шульце. Проходя по читальному залу, он увидел знакомые книги, журналы...

Все словно говорило о том, что жизнь шла здесь своим привычным ходом и вдруг почему-то внезапно остановилась.

Наконец они подошли к внутренней ограде сектора «О», и перед ними выросла стена, за которой находился парк герра Шульце.

– Придётся нам, пожалуй, взорвать и этот заборчик, – сказал Октав.

– Возможно, только давай сначала поищем калитку, может быть, её можно будет взорвать простой петардой.

Они перелезли через ограду и пошли вдоль стены. Иногда им приходилось сворачивать, обходить какое-нибудь здание, делать небольшой крюк, но высокая каменная стена все время была у них перед глазами. Путешествие это оказалось не напрасным. Через некоторое время они увидели низенькую дубовую дверцу, еле заметную в каменной кладке стены. Октав, недолго думая, достал бурав и быстро просверлил отверстие в деревянной калитке. Марсель заглянул в него и увидел пышную тропическую зелень цветущего, благоухающего парка.

– Одолеть эту дверцу, и мы у цели, – сказал он.

– Стоит ли тратить порох на эту деревяшку! – фыркнул Октав и, размахнувшись, стал колотить в дверь ломом.

Она начала чуть-чуть подаваться, как вдруг они услышали глухой скрип отодвигаемого засова и щёлканье ключа. Дверь немного приоткрылась, придерживаемая толстой цепью.

– Wer da? Кто там? – раздался хриплый голос.

Глава семнадцатая Объяснение при помощи перестрелки

Если бы за этой стеной неожиданно грянул выстрел, друзья бы не так удивились. Все что угодно, но этого вопроса они никак не могли ожидать. Из всех предположений Марсея по поводу спящего города единственным, не пришедшим ему в голову было то, что кто-то может задать ему вполне естественный вопрос, зачем он сюда явился.

Их экспедиция, вполне законная в предположении, что Штальштадт покинут жителями, приобретала совсем иной характер, если город оказывался обитаемым. То, что в первом случае представляло собой нечто вроде археологического исследования, становилось во втором незаконным вторжением, да ещё с оружием в руках.

Все эти мысли с молниеносной быстротой промелькнули в голове у Марсея, пока он стоял не двигаясь, словно приросший к земле.

– Wer da? – повторил тот же голос уже нетерпеливо.

Нетерпение казалось, пожалуй, вполне уместным. Но каково было преодолеть столько препятствий, перебраться через ров, через каменные стены, взорвать несколько кварталов, и все это только для того, чтобы услышать совершенно естественный вопрос: «Кто там?» – и не знать, что на него ответить!

Прошло, может быть, полминуты, прежде чем Марсель, овладев собой, понял всю двусмысленность своего положения и, спохватившись, ответил по-немецки:

– Друг или враг, это вы будете судить сами. Мне надо поговорить с герром Шульце.

Едва он успел произнести эти слова, как из-за полураскрытой дверцы раздался изумлённый возглас, и перед глазами Марселя мелькнули огненно-рыжие бакенбарды, щетинистый ус и вытаращенный в тупом удивлении глаз. Это был не кто иной, как бывший телохранитель Шульце Сигимер.

– Иоганн Шварц! – воскликнул ошеломлённый великан, и в его голосе слышалась радость. – Иоганн Шварц!

По-видимому, неожиданное появление вверенного его попечению пленника удивило этого аргуса не меньше, чем его таинственное исчезновение.

– Могу я видеть герра Шульце? – повторил Марсель.

Сигимер отрицательно покачал головой.

– Нет приказ, – сказал он. – Приказ нет, пускать нельзя.

– Так, может быть, вы доложите герру Шульце, что я здесь. Я хочу его видеть.

– Нет герр Шульце. Герр Шульце нет здесь, – уныло отвечал великан.

– А где же он? Когда он вернётся? – допытывался Марсель.

– Нет знать. Знать приказ – никого пускать.

Кроме этих отрывистых, невразумительных фраз, Марсель ничего не мог добиться. Рыжий цербер с тупым упрямством бессмысленно твердил одно: нет приказа.

– Да что нам у него спрашивать разрешения! – не выдержал наконец Октав. – Войдём, да и все!

И он изо всей силы налёг на дверцу плечом. Но цепь выдержала, а вслед за тем здоровенный толчок с той стороны заставил его отлететь на несколько шагов, дверца захлопнулась, звякнул железный засов, и замок защёлкнулся.

– Должно быть, их там делаю шайка! – с досадой воскликнул Октав, несколько пристыженный своей неудачной попыткой, и, нагнувшись, приложился глазом к отверстию. – Смотри-ка, второй! – с удивлением вскричал он.

– Арминий! – подхватил Марсель и, нагнувшись в свою очередь, тоже заглянул в отверстие.

И вдруг откуда-то сверху, чуть ли не с неба, раздался другой голос:

– Кто идёт?

Марсель с Октавом подняли голову.

Голос принадлежал Арминию. Голова его торчала над стеной. По-видимому, он успел подставить лестницу.

– Но ведь ты же сам видишь, Арминий, – ответил Марсель. – Долго я буду ждать? Откроешь ты или нет?

Не успел он договорить, как над стеной показалось дуло ружья, раздался выстрел, и пуля задела шляпу Октава.

– Ах, вот ты как! Ну получай! – крикнул Марсель и всунул петарду под дверь.

Дверь разлетелась в щепки, и молодые люди с оружием в руках бросились в парк.

У стены, давшей трещину от взрыва, ещё стояла лестница; от неё шли следы крови, но ни Сигимера, ни Арминия не было видно. Кругом стеной поднимался тропический лес, волшебный парк герра Шульце. Октав остановился, заворожённый.

– Боже, какая красота! – воскликнул он. – Но знаешь, нам лучше разделиться. Боюсь, что эти огородные пугала подстерегают нас где-нибудь тут за деревьями.

Они углубились в кусты – Марсель по одну, а Октав по другую сторону аллеи. Осторожно переходя от дерева к дереву и оглядываясь по сторонам, они медленно подвигались вперёд.

Не успели друзья сделать несколько десятков шагов, как снова раздался выстрел, и кусок коры отлетел от дерева, под которым только что стоял Марсель.

– Хватит, поиграли! Бросайся на землю, ползком! – тихо скомандовал Октав и тотчас же, приникнув к земле, пополз к густому кустарнику, окаймлявшему широкую круглую площадку, посреди которой возвышалась «Башня быка». Марсель не успел вовремя последовать примеру товарища и едва избежал третьей пули: она просвистела у него над головой, и, когда он бросился плашмя на землю, четвёртая пуля, прожужжав в воздухе, вонзилась рядом с ним в ствол пальмового дерева.

– Счастье наше, что эти уроды стреляют, как новобранцы! – вскричал Октав, подползая к товарищу.

– Шш... – остановил его Марсель, показывая глазами на дымок, поднимающийся из окна в нижнем этаже. – Вот где они засели, разбойники! Ну, подожди, я с ними сыграю штуку.

И он, быстро оглядевшись по сторонам, обломил со стоявшего рядом дерева толстый сук длиной примерно в человеческий рост. Затем, сбросив с себя блузу, надел её на палку, а сверху нахлобучил шляпу. Водрузив сук таким образом, чтобы видны были шляпа и рукава блузы, Марсель подполз вплотную к Октаву и прошептал ему на ухо:

– Займись с ними тут немножко, переползай с места на место и постреливай, а я попробую напасть на них с тыла.

И с этими словами он юркнул в чащу кустарника, окружавшего площадку. Прошло примерно четверть часа, в течение которых обе стороны обменялись десятком-двумя пуль без малейшего результата. Куртка и шляпа Марселя сильно пострадали, но на нём это никак не отразилось. Карабин Октава превратил в щепки ставни в окне нижнего этажа.

Внезапно стрельба затихла, и Октав услышал сдавленный крик:

– Ко мне, Октав! Он у меня в руках... Скорее сюда!

Октав не заставил себя ждать. Одним прыжком выскочил он из-за кустов, перебежал площадку и с разбегу вскочил в окно. На полу, свившись клубком, как змеи, катались в отчаянной схватке Марсель и Сигимер.

Марсель, которому удалось незаметно проникнуть в дом с противоположной стороны и подкрасться к Сигимеру сзади, не дал ему времени опомниться; выбив у него ружьё из рук, он сразу повалил его на пол, но геркулесовская сила великана, хотя и поверженного наземь, делала его опасным противником, и Марселю приходилось пускать в ход всю свою ловкость, чтобы не дать ему схватить себя за горло. Октав подоспел как раз вовремя. Через минуту Сигимер, связанный по рукам и ногам, лежал неподвижно посреди комнаты.

– А где другой? – спросил Октав.

Марсель показал рукой на диван, где, вытянувшись с запрокинутым, окровавленным лицом, лежал Арминий.

– Пуля в голову, – сказал Октав, подходя к дивану.

– Да, – подтвердил Марсель.

– Что ж, сам напросился!

– Ну, теперь мы можем распоряжаться, как дома, – сказал Марсель. – Давай-ка приступим к осмотру. Начнём с кабинета Шульце.

Они вышли из приёмной, где только что произошла решающая схватка, и, пройдя через анфиладу роскошно убранных комнат, вступили в заповедный чертог стального короля. Октав с восхищением оглядывался по сторонам.

Марсель, посмеиваясь над его изумлёнными возгласами, открывал одну за другой двери в роскошные залы, пока они, наконец, не вошли в зелёную с золотом гостиную. Тут глазам их предстало такое странное зрелище, что Марсель попятился от удивления.

Можно было подумать, что главная почтовая контора Нью-Йорка или Парижа ссыпала сюда всю свою почту до последней бумажки. На столах, на креслах, на полу – всюду валялись нераспечатанные пакеты, письма, депеши, бандероли. Нога тонула в них чуть не по колено. Вся корреспонденция Шульце, как личная, так и деловая, поступавшая изо дня в день в почтовый ящик на ограде парка, вынималась исполнительными Сигимером и Арминием, которые аккуратно доставляли её в кабинет хозяина.

Сколько жадных вопросов, надежд, мучительных сомнений и слез отчаяния, ожидания и горя скрывалось в этих безгласных пакетах, адресованных Шульце! А сколько миллионов в ценных бумагах, в векселях, переводах, аккредитивах, чеках! И все это лежало здесь без движения, ибо только одна рука во всем мире имела право вскрыть эти легко доступные, но неприкосновенные конверты, и эта рука отсутствовала.

– Теперь все дело в том, чтобы найти потайную дверь в лабораторию, – сказал Марсель и начал снимать книги с полок, стоящих по стенам кабинета.

Напрасный труд! Он обнажил все полки, но так и не нашёл потайного прохода; вооружившись каминными щипцами, он отодрал панели, обошёл всю комнату, постукивая по стенам, пытаясь угадать по звуку выход на лестницу. Но стена всюду звучала одинаково.

Очевидно, герр Шульце, узнав, что человек, проникший в его тайны, остался жив, заделал этот проход.

Но тогда, значит, он сделал где-то другой. Но где? Не иначе, как здесь, в кабинете. Здесь он работал, как и прежде; это видно было из того, что Арминий и Сигимер продолжали приносить сюда письма. Марсель хорошо изучил все привычки немца и знал, что все необходимое для работы, всё, что нужно было скрыть от нескромных взоров, Шульце любил держать у себя под рукой. Проход должен быть здесь. Может быть, он устроил его в виде люка в полу? Марсель поднял ковёр, осмотрел весь паркет плитку за плиткой. Нигде не было никаких следов потайного хода или люка.

– А почему ты думаешь, что проход должен быть здесь? – спросил Октав.

– Я совершенно уверен в этом, – ответил Марсель.

– В таком случае надо исследовать потолок, – сказал Октав и влез на стул. Он хотел взобраться на люстру и прощупать ружейным прикладом лепную отделку на самой середине потолка.

Но едва только он ухватился за массивную золочёную подвеску, как люстра медленно поехала вниз, барельеф на потолке раздвинулся, и из щели беззвучно спустилась вниз лёгкая

стальная лесенка.

Их словно приглашали подняться.

– Вот и отлично, идём! – невозмутимо сказал Марсель и первый ступил на лесенку.

Глава восемнадцатая Тайна раскрывается

Когда они поднялись на верхнюю ступеньку стальной лестницы, которая оказалась на уровне паркетного пола, они очутились в большом круглом зале без дверей и окон. Если бы не яркий молочный свет, проходивший сквозь толстое стекло иллюминатора, вделанного в дубовый пол и напоминавшего светящийся диск полной луны, зал был бы погружён в полную темноту.

Мёртвая тишина царила в этих глухих стенах, не пропускавших ни звука, ни света.

Молодым людям казалось, словно они вступили в склеп.

Там, за этим стеклом, скрывалась разгадка тайны. Они чувствовали это, но какой-то безотчётный страх удерживал их, не позволял им приблизиться.

Наконец, стряхнув с себя оцепенение, они медленно подошли к иллюминатору и, опустившись на колени, заглянули в светящийся диск. Страшное и неожиданное зрелище открылось перед ними.

Этот диск представлял собой сильное увеличительное стекло наподобие линзы, и из него, как из фонаря маяка, шёл яркий свет от двойной электрической лампы, горевшей в стеклянном колпаке и питаемой гальваническим током мощной батареи. В этом ослепительном свете они увидели внизу чудовищную, увеличенную человеческую фигуру, застывшую, словно каменное изваяние. Вокруг все было усеяно мелкими осколками снаряда.

Да, теперь уже можно было не сомневаться – это был стальной король в своей секретной лаборатории, герр Шульце, с его зловещей усмешкой, обнажающей звериные зубы, но герр Шульце, напоминающий гигантского сфинкса, герр Шульце, превращённый в ледяную глыбу действием жидкой углекислоты, распространившейся от взрыва снаряда.

Он сидел за письменным столом, зажав в руке громадное, словно копье, перо, и казалось, ещё продолжал писать. Если бы не эта застывшая усмешка, не этот неподвижный, остекленевший взгляд, можно было бы подумать, что он жив. Словно ископаемые мамонты, которых находят в зоне вечной мерзлоты в полярных широтах, этот труп, скрытый от всех взоров, сохранялся здесь уже больше месяца. Вокруг него все замёрзло – реактивы в банках, вода в сосудах, ртуть в чашечке барометра.

Марсель с ужасом смотрел на это зрелище, и у него невольно мелькнула мысль: какое счастье, что их отделяет от лаборатории толстое стекло иллюминатора! Вот так и они неминуемо погибли бы с Октавом, если бы не эта преграда.

И из щели опустилась вниз лёгкая стальная лесенка.

Как произошла эта катастрофа, Марселю нетрудно было угадать: в осколках, разбросанных по всему полу, он различил осколки стеклянного снаряда. Внутренняя оболочка снарядов герра Шульце, заряженных жидкой углекислотой, должна была выдерживать невероятно высокое давление, её делали из стекла особой закалки, с силой сопротивления, от десяти до двадцати раз превышающей сопротивление обыкновенного стекла. Но оно было введено в употребление совсем недавно и, как оказалось потом, обладало одним недостатком – в силу каких-то неведомых молекулярных изменений и иногда без всякой видимой причины оно неожиданно лопалось. По-видимому, это и произошло. Не исключена возможность, что чрезмерное внутреннее давление неизбежно повлекло за собой взрыв, когда снаряд перенесли в лабораторию.

Внезапно освободившаяся жидкая углекислота немедленно обратилась в газ и катастрофически снизила температуру окружающего воздуха.

Все это случилось молниеносно. Герр Шульце, застигнутый внезапной смертью, мгновенно превратился в ледяного истукана.

Одно обстоятельство особенно поразило Марселя: смерть настигла стального короля в то время, когда он писал. Что заключал в себе этот лежащий перед ним на столе листок бумаги?

Какие мысли, какие слова запечатлело в последнюю минуту застывшее в воздухе перо этого злодея? И как добраться до этого листка? Нечего было я думать о том, чтобы проникнуть в лабораторию. Если разбить это толстое стекло, вделанное в пол, углекислый газ вырвется наружу и ни одно живое существо не спасётся от его смертоносного действия. Рисковать жизнью ради того, чтобы завладеть этим листком, нет – это было по меньшей мере бессмысленно.

Но нельзя ли проникнуть в эту тайну, не изымая её из рук мертвеца?

Марсель прижался лицом к стеклу и попытался разобрать написанные знакомым почерком строчки. Сильно увеличенные рефракцией буквы отчётливо выступали в ярком снопе лучей. Как и всё, что исходило от герра Шульце, это письмо носило характер приказа. Вот что удалось прочесть Марселю:

«Распоряжение Б.К.Р.Ц. Ускорить на две недели срок экспедиции против Франсевилля. По получении приказа ввести в действие всё, что значитсЯ в инструкции. Операцию провести молниеносно, не отступая ни на йоту от моих указаний. Я хочу, чтобы по истечении пятнадцати дней Франсевилль был превращён в мёртвый город и чтобы ни один из его жителей не остался в живых. Я хочу напомнить миру гибель Помпеи и заставить его содрогнуться от ужаса. Точное выполнение моих инструкций обеспечивает желаемый результат.

Позаботьтесь доставить сюда трупы доктора Саразена и Марселя Брукмана. Я хочу их видеть и иметь перед своими глазами.

Шульц...»

Подпись обрывалась. Недоставало последней буквы и обычного росчерка.

Марсель и Октав молча переглянулись, потрясённые всеокрушающей ненавистью, которой полны были последние мысли этого гения зла.

Бросив последний взгляд на застывшее в зловещей усмешке лицо, они поднялись и направились к выходу.

Там, в лаборатории, в этой могиле, которая погрузится в беспросветный мрак, когда прекратится ток и погаснет электрическая лампа, труп стального короля сохранится подобно мумии какого-нибудь египетского фараона, покоящейся в своём саркофаге тысячи лет.

Час спустя Марсель с Октавом, освободив Сигимера, который весьма удивился этой неожиданной для него милости, распростились со Стальным городом и вышли на дорогу, ведущую в Франсевилль. Вечером они были дома.

Доктор Саразен работал у себя в кабинете, когда ему сообщили о том, что друзья вернулись.

– Зовите их скорей сюда! – вскричал он и бросился им навстречу.

– Ну, что? – только и мог вымолвить он, увидя их.

– Доктор, – сказал Марсель, – мы принесли вам добрую весть. Вы теперь можете быть спокойны. Вам больше нечего опасаться. Шульце больше нет. Шульце погиб.

– Погиб! – вскричал доктор Саразен и, опустившись в кресло, несколько секунд сидел молча, в глубокой задумчивости глядя на Марселя. – Дитя моё, – сказал он, наконец овладев собой, – пойми меня, я должен был бы радоваться его смерти, потому что она избавляет нас от страшного бедствия – от войны, которую я ненавижу больше всего в мире, от несправедливой, бессмысленной войны. Но, как это ни странно, твоё известие наводит меня на горькие размышления. Почему этот человек с такими исключительными способностями стал нашим врагом? Почему не направил он свой талант на служение добру? Сколько пользы он мог бы принести, если бы, объединив свои усилия с нашими, посвятил себя великой доброй цели – служению человечеству! Вот что невольно заставило сжаться моё сердце, когда я услышал эти слова – Шульце погиб. Но Расскажи мне всё, что ты знаешь о его смерти.

Марсель начал подробно рассказывать, как они нашли Шульце в его таинственной лаборатории, которую он устроил так, что никто не знал о её существовании и не мог оказать ему помощи. Он пал жертвой своего невероятного тщеславия, ибо, одержимый идеей самовластия, хо-

тел один управлять всем.

Но волею провидения могущественные силы, которые он желал один держать в руках, внезапно обратились против него и против его адских целей.

– Иначе и быть не могло, – сказал доктор. – Герр Шульце построил систему, основанную на совершенно ошибочных данных. Наилучшая система управления – это та, в которой нет ничего секретного, и в силу этого бразды правления после смерти одного правителя могут быть без всяких осложнений переданы другому.

– Вы сейчас увидите, доктор, – продолжал Марсель, – как все то, что произошло в Штальштадте, наглядно подтверждает ваши слова. Мы застали герра Шульце за его письменным столом – это тот центр, откуда исходили все приказы, которым Стальной город подчинялся беспрекословно, ибо они не подлежали обсуждению. Смерть застигла Шульце внезапно, в ту самую минуту, когда он писал приказ. Он предстал перед нами как живой, мне в первое мгновение даже показалось, что он вот-вот заговорит. Но этот злосчастный изобретатель стал жертвой собственного изобретения. Он был убит одним из тех страшных снарядов, которыми он намеревался уничтожить наш город. Этот снаряд взорвался у него в руке в тот самый момент, когда он подписывал приказ о нашем уничтожении. Вот слушайте.

И Марсель громко прочёл страшный приказ герра Шульце, который записал на память.

– Если до этого я мог ещё сомневаться в смерти Шульце, – сказал он, – то, что я увидел в Штальштадте, сразу рассеяло мои сомнения: жизнь Стального города прекратилась с того момента, как Шульце не стало. Подобно тому как в замке спящей красавицы внезапный сон прервал течение жизни, так смерть хозяина Штальштадта парализовала все вокруг.

– Да, – сказал доктор Саразен. – Это рука провидения. В тот самый момент, когда Шульце готов был обрушить на нас всю силу своего удара, правосудие всевышнего обратило этот удар против него.

– Да, так оно и случилось, – подтвердил Марсель. – Но не будем больше думать о том, что прошло, а займёмся лучше настоящим. Смерть Шульце обеспечивает нам мир, но вместе с тем это крах его великолепного предприятия, его полное банкротство. Ослеплённый своим успехом и своей бешеной ненавистью к Франции и, в частности, к вам, стальной король совершил ряд неосторожностей. В течение долгого времени он поставлял в кредит вооружение различным странам в надежде заставить их выступить против нас. Платежей по этому кредиту не скоро можно дожидаться. Тем не менее мне кажется, что, взявшись серьёзно за дело, можно было бы поставить Штальштадт на ноги и употребить во благо те широкие возможности, которые до сих пор служили ненависти и злу. У Шульце может быть только один наследник, этот наследник – вы. Не следует обречь на гибель такое мощное предприятие. Люди почему-то склонны считать, что наиболее выгодный способ действия – это полное уничтожение мощи противника. Какое заблуждение! Я думаю, вы согласитесь со мной, что из обломков этого гигантского крушения всё, что может служить на пользу человечеству, должно и следует спасти. И я со своей стороны готов целиком посвятить себя этому делу.

– Марсель прав, – поддержал его Октав, – и если ты, папа, согласен, я готов работать под его руководством.

– Ну конечно, я согласен и от всего сердца одобряю вас, дети мои, – ответил растроганный доктор. – Мы располагаем достаточным капиталом, и с вашей энергией и настойчивостью мы сумеем превратить Стальной город в такой арсенал, что никто в мире не посмеет напасть на нас. И так как мы, будучи самыми сильными, стремимся одновременно быть самыми справедливыми, – мы со временем научим человечество ценить блага мира и справедливости. Ах, Марсель, какие это чудные мечты! И когда я думаю, что благодаря тебе я увижу хоть часть этой мечты осуществлённой, то мне приходит мысль: отчего у меня не два сына? Почему ты не брат Октава? Мне кажется, для нас троих не было бы ничего невозможного.

Глава девятнадцатая Семейное объяснение

Возможно, что в этом рассказе мы слишком мало уделяли внимания личной жизни наших героев. Постараемся восполнить этот пробел и посвятить эту главу их сердечным делам.

Нужно сказать, что добрый доктор Саразен, посвятивший всю свою жизнь высокому делу служения человечеству, не принадлежал к числу людей, которые в увлечении своим идеалом теряют способность замечать чувства и переживания других. Фраза, вырвавшаяся у него, заставила побледнеть молодого эльзасца. Это не ускользнуло от внимания доктора. Пристально поглядев Марселью в лицо, он старался понять причину этого волнения и, может быть, втайне надеялся, что молодой человек откроет ему свои чувства. Но Марсель уже овладел собой и, устремив на доктора спокойно вопрошающий взгляд, казалось, с интересом ждал продолжения прерванного разговора.

Доктор Саразен, несколько уязвлённый этим удивительным самообладанием и уклончивостью молодого человека, подошёл к нему поближе и, привычным жестом врача взяв его за руку, удержал её в своей, как если бы имел дело с больным, у которого он хотел проверить пульс. Но так как Марсель, по-видимому не догадываясь о его намерении, продолжал стоять молча, доктор решил сам прервать молчание.

– Марсель, друг мой, – ласково сказал он, – мы ещё не раз успеем поговорить с тобой о будущем Штальштадта. Но разве тем, кто посвящает себя служению на благо человечества, запрещено заниматься судьбой своих близких? Мне хочется рассказать тебе о том, как некая упрямая молодая девица, имя которой я потом тебе назову, отвечала своим родителям, когда они допрашивали её, почему она категорически отказывает всем молодым людям, пытающимся просить её руки...

Тут Марсель довольно резким движением выдернул свою руку, но доктор Саразен, сделав вид, что не заметил этого, продолжал:

– «Объясни мне, – допытывалась мать этой юной особы, – как это надо понимать, что ты в течение этого года отказала уже двадцати молодым людям, не пожелав даже выслушать их. Ведь все это были люди образованные, с положением, с капиталом и многие из них даже очень недурны собой. Почему же ты так решительно, поспешно, не подумав, не взвесив, отвечаешь „нет“? Обычно ты не так скоро в своих решениях».

Почувствовав в этих словах упрёк, молодая особа пожелала оправдать себя в глазах матери, и так как она была чиста сердцем и обладала ясным умом, вот что она ответила:

«Дорогая матушка, я отвечаю „нет“ так же искренне, как я ответила бы „да“, если бы такой ответ подсказало мне моё сердце. Я не отрицаю, что вы предлагали мне очень хорошие партии. Но, сказать вам по правде, мне кажется, что все эти молодые люди, претендующие на мою руку, интересуются не столько мной, сколько тем, что называют лучшей, то есть самой богатой невестой в городе, и, конечно, это не вызывает у меня желания ответить „да“. И раз уж вы хотите услышать от меня всю правду, признаюсь вам, что среди всех этих предложений нет того, которого я жду... И увы, быть может, оно ещё долго заставит себя ждать, если только...»

«Что я слышу, сударыня?...» – воскликнула потрясённая мать и, не кончив фразы, устремила беспомощный, умоляющий взгляд на своего супруга, призывая его прийти ей на помощь.

Но супруг, видимо, хотел уклониться от этого тягостного объяснения или, может быть, не считал нужным вмешиваться, пока они до чего-нибудь не договорятся. Он сделал вид, что не заметил этого отчаянного призыва, и бедная девочка, вся красная от стыда и обиды, решилась высказать все.

«Я вам говорю правду, дорогая матушка, – продолжала она, – предложение, которого я жду, может заставить ждать себя очень долго, и очень может быть, что мне никогда его не сделают. И я могу сказать, чтонисколько этому не удивляюсь и не вижу в этом ничего для себя обидного. Вся беда в том, что я, на своё несчастье, считаюсь очень богатой, а он очень бедный. Поэтому он и не делает мне предложения. Он ждёт...»

«Чтобы мы его сделали...» – поспешно сказала мать, не давая договорить дочери фразы, которую ей больно было слышать.

И тут вмешался супруг. «Друг мой, – сказал он, нежно обнимая жену за плечи, – разве мы могли ожидать чего-нибудь другого, если наша дочка, которая привыкла уважать и слушаться

тебя с тех пор, как она себя помнит, слышит изо дня в день, как ты расточаешь похвалы мужественному, достойному юноше, выросшему в нашей семье, как ты горячо присоединяешься к своему мужу, когда он превозносит его исключительные способности и с умилением говорит о его самоотверженной привязанности ко всем нам. Если бы наша дочка, видя все это, осталась равнодушной к этому юноше, нам бы пришлось сознаться, что мы вырастили плохую дочь».

«Ах, папа! – вскричала бедная крошка, пряча своё смущённое личико на груди матери. – Но, если вы с матушкой догадываетесь сами, зачем же вы заставляете меня признаваться?»

«Затем, моя душенька, – лаская её, ответил отец, – чтобы ты нас порадовала, чтобы я мог после твоих слов убедиться, что не ошибся, и сказать тебе, что мы оба от всего сердца одобряем твой выбор, что мы только об этом и мечтали.

А что касается предложения, которого этому бедному юноше не позволяет сделать достойное чувство гордости, это предложение я сам ему сделаю... Да, да! Потому что я прочёл в его сердце то же, что и в твоём. Будь покойна, я обещаю тебе при первом же удобном случае спросить Марселя, не согласится ли он стать моим зятем...»

Марсель, который никак не ожидал, что этот длинный рассказ закончится таким прямым и решительным вопросом, вскочил в полном смятении и беспомощно поглядел на Октава. Октав молча сжал ему руку, а доктор Саразен взял его за плечо и привлёк в свои объятия. Юный эльзасец был бледен как полотно. Так неожиданное счастье потрясает мужественную душу и повергает её в смятение своим внезапным приходом.

Глава двадцатая

Эпилог

Франсевилль, позабыв о своих несчастьях, живёт в мире со всеми своими соседями и под мудрым управлением достойных правителей благоденствует и процветает. У него нет завистников, ибо он наслаждается заслуженным счастьем, а его сила внушает уважение всем любителям бряцать оружием.

Стальной город, некогда представлявший собой один колоссальный завод, страшное орудие разрушения в железной руке герра Шульце, ныне благодаря усилиям Марселя Брукмана превратился в крупный промышленный центр, объединяющий всевозможные отрасли полезной промышленности.

Марсель уже больше года наслаждается супружеским счастьем с Жанной, а недавно появившийся на свет младенец является для них источником новых семейных радостей.

Октав, добровольно подчинившись руководству своего деверя, помогает ему во всех его начинаниях. Жанна хочет во что бы то ни стало женить его на своей подруге, очаровательной девушке с твёрдым и спокойным характером, которая сумеет прибрать его к рукам и сделает его прекрасным семьянином.

Мечты доктора Саразена и его супруги сбылись. В кругу своих детей они наслаждаются полным покоем и счастьем и, можно было бы сказать, заслуженной славой, если бы только слава занимала какое-либо место в их благородных стремлениях.

Ныне можно с уверенностью сказать, что усилиями доктора Саразена и Марселя Брукмана Франсевиллю завоёвана прекрасная будущность и что пример Франсевилля и Штальштадта не пропадёт даром для грядущих поколений.